

Учредитель:

Ю.Л. Мандрика

Издатель

ТОО «СофтДизайн»

Главный редактор

Ю.Л. Мандрика

Корректор М. Дистанова

Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Редактор отдела

«Литературные
университеты»

В.А. Рогачев

Сдано в набор 12.01.98.

Подписано в печать 26.05.98.

Формат 60x84/16.

Гарнитура «SchoolBook».

Офсетная печать.

Бумага офсетная №1.

Уч.-изд. л 5,1

Усл.-печ. 6,51.

Тираж 1000. Заказ №119.

Адрес редакции

(для переписки):

625002, г. Тюмень,

а/я 5579.

Лицензия ЛП №063670

от 24.10.94 г.

Тел. (345-2) 25-12-84

Отпечатано с готовых

диапозитивов на ИПП

«Уральский рабочий».

625219, г.Екатеринбург,

ул.Тургенева, 13.

ISBN 5-88709-104-5

Содержание

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

ПОЭЗИЯ

Е. Зенкова. «Сохранились следы любви...». *Стихи* 6

ПРОЗА

К. Михайлов. Необходимое предисловие к поэме «Рудра» 9

Рудра. *Поэма* 11

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

В. Рогачев. Краткие аннотации 41

Библиография. Книги местных авторов 46

КРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ. Ведущая рубрика – Н. РОГАЧЕВА.

Литература Тюменского края в школьном изучении (научно-методические проблемы и подходы, диалог с исследователями и материалы для преподавателей к первому уроку) 57

КРАЕВЕДЕНИЕ

ДАТЫ НАШЕГО КАЛЕНДАРЯ

И. Ермаков. Незаурядный сын России 63

ИЗ АРХИВОВ

М. Пришвин. Гулявши много смолоду,
умрешь под старость с голоду. Школьное сочинение 64

М. Пришвин. О Вселенной 65

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

Н. Абрамов. Князь Матвей Петрович Гагарин 66

СЛОВО СПЕЦИАЛИСТА

С. Туров. «Птенцы гнезда Петрова» 85

СООБЩЕНИЯ

В. Копылов. Завод Гуллета в Тюмени 90

Э. Гуммель-Медведева. В изгнании. Ностальгические
записки о дизайне землянки 96

Е. Коновалова. Из жизни книг: продавать или обменивать? 104

И. Курьшев. Огнедышащие драмы Ишимской степи 106

Держись, «ЛуКИч»!

Не лежат на месте не только худые вести, но и вести добрые. Оттого, верно, и припорхнула ко мне весточка об издании нового литературно-краеведческого журнала с нестандартным названием «ЛуКИч».

Давным-давно в творческих кругах Тюмени витала мысль о создании своего, тюменского журнала, который стал бы рупором для наших писателей, литературоведов и критиков, краеведов и искусствоведов, художников и ученых. Но бежали дни, стекаясь в месяцы и годы, а мечта о журнале так и осталась мечтой, потешая, вдохновляя и будоража многих.

Правду говорят: «Мир не без добрых людей». Сыскался добрый человек в Тюмени. Им оказался работник издательства «СофтДизайн», краевед и литератор Ю.Л. Мандрика, который на свой риск и страх начинает издавать ежеквартальный литературно-краеведческий журнал «ЛуКИч». Низкий поклон ему за то от тюменцев.

Что мне хотелось бы пожелать новорожденному «ЛуКИчу»?

Перво-наперво — не стареть. Не терять чувства времени. Быть всегда на стремнине жизни, выразителем дум и чаяний современников.

Во-вторых, быть вечно живой, неразрывно крепкой и надежной нитью, связывающей прошлое с настоящим. В их единстве — залог высочайшей духовности и нравственности нашего народа.

В-третьих, постоянно поднимать и поднимать планку литературно-художественного уровня. Наглухо закрыть доступ на журнальные страницы пошлости, серятине, верхоглядству.

Доброго пути тебе, «ЛуКИч»!

Стань почитаемым и читаемым, потребным каждому тюменцу. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

*Константин
Лагунов*

«Сохранились следы любви...»

* * *

Сохранились следы любви —
 Так хранит снег следы людей.
 Вместе с песней ходит любовь
 И по небу, и по земле.
 Знаю я: в ней заключена
 Жизнь моя, как и смерть моя.
 Нет прочнее и тяжелей
 Цепи в мире, чем цепь любви!
 Цепью тяжелой к земле прикует,
 Крепко цепью
 привяжет к земле.
 Или крылья легкие даст.
 Крылья легкие — для небес.
 И нигде во Вселенной всей
 Крыльев легче, чем эти, нет.
 18.04.92.

* * *

Я по лицу не узнаю
 Людей из серых стран
 подлунных.
 Клинки натянуты, как струны,
 От бытия к небытию.

Я знаю, что грядут кануны
 Величия. Их острию
 Быть вновь отточенным в бою,
 Но их в лицо не узнаю.

Давно начертанные руны
 Читать еще не устают,
 Но свет на смысл их не прольют...
 Людей из серых стран подлунных
 Я по лицу не узнаю...

06.02.94.

В пору сухой травы

У желтеющей башни —
 С букетом сухих цветов
 В коричневых пальцах
 С белеющими ногтями,
 В облаках желтой пыли,
 Взметенной пугливым ветром...
 Ветер — словно качели,
 Карусель приближения
 и удаленья,
 Вихри круг совершают,
 Повинуясь своей геометрии,
 Удаляется ветер —
 уменьшается темная тень
 От черной древесной свечи,
 Словно ствол, нацеленный в небо.
 Приближается ветер —
 увеличивается фигура,
 И тогда уже можно
 Рассмотреть выражение лица.
 С желтою пустою
 Неба и облачных гор
 Ветер играет в шахматы
 На желтой ладони земли,
 Судьбы людей и народов
 Взад-вперед все переставляя.
 В желтой пустыне пространства
 Дорога — серая лента.
 А деревья — зеленые брызги.
 Зелень — для чьей утехи?
 Лента — для чьей косы?
 Грубо высечено лицо
 Милого, доброго идола
 Из такого бурого камня,

К которому надо привыкнуть.
 Эти косы — две черных змей,
 Извивающихся напуганно,
 Когда надо бежать и падать...
 Ожерелье из звона на шее,
 Бахрома звона на руках...
 Две шелковых черных змей,
 Что играли с травой и ветром...
 Вот они, снова здесь,
 Извиваются перед глазами.
 И ослеп я от блеска шелков,
 Когда пыль затуманила мир
 Мутью бархата и трухи.
 Солнце в небе остановилось.
 В пору Сухой Травы.
 Они высохли — эти травинки,
 Эти стебли сонного сена.
 С ними тоже что-то случилось,
 Как и с нами со всеми случается.
 Золотые сухие стебли
 Гремят, ударяя друг дружку,
 Когда ветер
 спешит к неподвижной
 Фигуре у желтой башни,
 Чтобы раскачивать звон,
 Подслушанный неким гением...
 30.01.94.

* * *

Девять дней — и девять ночей.
 Девять змей — и девять орлов.
 Девять соколов —
 и девять лебедей.
 Девять облаков —
 и девять воронов.
 Но только одна голубка,
 Голубка с белым крылом
 и белым голосом.
 Спи, пока не велят тебе
 Пробудиться от белого сна,
 Звезды глаз твоих в небе зажечь.
 Девять сосен — и девять дубов.
 Девять оленей — и девять коней.

Девять камней — и девять рек.
 Девять девушек —
 и девять воинов.
 Девять лун — и девять сердец.
 Но только одна голубка,
 Голубка с белым пером
 и белым взглядом.
 Спи, пока они любят пить кровь
 И в куски разрывать друг друга.
 Но когда им нужны
 Твой голос, глаза и сердце —
 Они разбудят тебя...
 28.10.92.

* * *

Чайник, одеяло, пара сапог,
 Водка, папиросы, да «мать»,
 да «Бог»,
 Красная краска, черная коса,
 Мясо, да сало, да колбаса.
 Поле, что распахнуто
 всем ветрам,
 Барабан и бубен, стыд и срам,
 Пояс, рукавицы, плетка, сундук,
 Или враг смертельный,
 или лучший друг.
 Предки и потомки,
 правда и ложь,
 Люди и звери, звезда — и нож.
 Старики и дети, шум, тишина.
 Женщины, мужчины.
 Солнце, луна.
 Чаша недопитая — или до дна.
 Облако, подушка, песня, ковер.
 А война предвидится — за топор.
 Вой волков голодных —
 и лай собак.
 Свет, огонь, сиянье —
 и лай собак.
 Подковы, копыта, стук-перестук,
 Кровь на снег пролита —
 там и тут.

Необходимое предисловие к поэме «Рудра»

Прежде всего я хочу определить себя с жанровой классификацией. Итак, «Рудра» не является религиозным трактатом, мифом или философским сочинением. Я думаю, что это поэма, поэма, написанная прозой. Ближайшими аналогами такого стиля могут служить «Илиада» и «Одиссея» Гомера, которые традиционно классифицируются как поэмы. Правда, там в оригинале есть ритм и рифма. Но я полагаю, что отсутствие в «Рудре» рифмы и ритма читателя не смутит — ведь существуют же стихотворения в прозе, и никто их права на жизнь не отрицает.

Далее, ещё одно важное замечание. «Рудра» не является переводом какого-либо ведаистского или индуистского текста. Сделав это замечание, я освобождаю профессиональных ориенталистов и индологов от мучительных поисков оригинала, а также предупреждаю возможную критику с их стороны.

В поэме действительно использован образный ряд, принадлежащий к индо-арийской религиозно-мифологической традиции, но это лишь изобразительное средство, с помощью которого раскрывается основная тема поэмы. А тема эта формулируется так: «кто мы такие, зачем живём на этом свете и почему мы живём именно так, а не иначе». То есть поднимается старый, как мир, вопрос о смысле жизни.

Что же касается героев поэмы (а это в большинстве своём боги

древнеарийского пантеона), то они привлекли меня ясностью свойств и точной очерченностью характеров. Каждый бог в индо-арийской мифологической системе представляет собой архетип, то есть выражает («персонифицирует», как говорят в научных работах) какое-либо фундаментальное свойство человеческой природы и одновременно является космогонической, вселеннообразующей силой.

Поэма, по сути, описывает процесс взаимодействия этих персонажей, каждый из которых имеет неизменные, раз и навсегда данные свойства. Эти свойства весьма узнаваемы, всякий может свободно различить их в себе самом или в своих близких, а потому для прочтения поэмы совершенно не требуется специальных знаний в области ведаизма и индуизма. Однако я вполне допускаю, что некоторые читатели могут заинтересоваться той культурно-исторической базой, на которой построена поэма. Чтобы избавить их от необходимости наводить справки в энциклопедиях и мифологических словарях, я непосредственно в предисловии дам общепринятые характеристики религиозно-мифологических персонажей, фигурирующих в поэме.

Брахма — бог созидания. Он непрерывно создаёт материальную Вселенную, которая так же непрерывно подвергается разрушению со стороны бога Шивы.

Шива — бог разрушения. Антагонист Брахмы, непрерывно разрушает создаваемую Брахмой материальную Вселенную, используя в качестве инструмента разрушения Время.

Вишну — бог равновесия. Он уравнивает действия Брахмы и Шивы, не допуская того, чтобы объём разрушения превысил объём созидания, или наоборот.

Брахма, Шива и Вишну являются ипостасями единого Бога, который в классическом индуизме иногда именуется Маходева — Великий Бог.

Рудра — бог дикой (не освоенной человеком) природы, персонификация природных сил, прежде всего ветра, дождя и грозы. Также имеет отношение к лесам, горным вершинам и недоступным для человека пространствам Космоса. Сочетает в себе свойства Шивы и Брахмы, то есть равно способен к созиданию и разрушению в зависимости от внешних условий.

Майя — персонификация материи. В индуизме истинными, реально существующими субстанциями считаются мысль и эмоция. Материальный же мир лишь кажется нам, он существует постольку, поскольку существуют наши мысли о нём. Вишну непрерывно генерирует майю, предоставляя тем самым Брахме строительный материал для Вселенной, а Шиве — объект для разрушения.

Лада (Ладю) — богиня духовной, платонической любви и любовной верности.

Лакшми — богиня плотской, чувственной любви и любовной измены.

Асуры — демоны, созданные богами из стихийных сил (огня, ветра, земли, воды).

Ракшасы — демоны, созданные богами из снов и страхов, а также из сильных страстей.

Я понимаю, что этот словарь не может претендовать на полноту. Кто-то, возможно, будет недоволен скудностью приведённой в нём информации. В таком случае мне остаётся только отослать читателя к специальным академическим изданиям, хотя должен заметить, что и в них полным-полно неясностей и противоречий. И ещё один вопрос, который, по моему разумению, непременно должен быть освещён в предисловии: а почему, собственно, избран индо-арийский материал? Почему человек, пишущий на русском языке, обратился вдруг к такой, казалось бы, далёкой от нас культурной традиции? Ответ прост. Русские являются народом арийского происхождения. Современный русский язык — прямой наследник санскрита, языка священных книг древних ариев. Таким образом, наши наиболее глубокие духовные корни расположены именно в пласте индо-арийской культуры. Лично мне всегда было печально от того, что сей факт столь мало известен моим соотечественникам. И я постарался по-своему — насколько это в моих силах — напомнить нам всем, и себе в том числе, откуда мы родом.

Но всё вышеизложенное объясняет, конечно, лишь причину выбора именно такого, а не иного культурно-исторического материала. Что же касается мотивов, которые побудили меня написать «Рудру», то мне они неизвестны. Скажу честно, я не знаю, зачем я это сделал, и вполне вероятно, что не узнаю никогда.

Рудра

Поэма

Мир — это жизнь Бога. Бес-
смертен тот, кто не рождён, —
разве это неправда?

И потому всякий говорящий
о конце мира либо заблужда-
ется, либо лжёт.

Господь сказал ариям: «Если
бы Я был рождён, Я бы знал
Моего родителя. Но Я одинок.
Лишь мысли Мои говорят меж
собой, а Сам Я — полное мол-
чание и сиротство».

Ещё Он сказал: «Я предше-
ствую Сам Себе и у Меня нет
наследников».

Ещё Он сказал: «Моё рожде-
ние и Моя смерть особенно му-
чительны. Ведь Я рождаюсь все-
ми существами, которые рож-
даются, и Я умираю всеми су-
ществами, которые умирают».

Он добавил к сказанному:
«Нет ничего страшнее рожде-
ния и смерти. Даже Я — не-
рождённый и бессмертный —
страдаю от них!».

Когда Наш Бог рождается,
мы зовём Его Брахма.

Когда Наш Бог живёт, мы
зовём Его Вишну.

Когда Наш Бог умирает, мы
зовём Его Шива.

Он тот, кто делает всё еди-
новременно, и для Него нет вре-
мён.

Когда Он создаёт, Он Брахма.
Когда Он оберегает создан-
ное, Он Вишну.

Когда Он истребляет всё, что
захочет, Он Шива.

Он делает всё одновременно.
Потому Он всегда Брахма,
Он всегда Вишну, Он всегда
Шива.

Сварог-предок рассказывал о
Нём так: «Сердце моё заблуди-
лось среди стрел, продырявив-
ших грудь. Так захотел я исти-
ны, что проклял Бога и все Его
дела. Ужаснувшись своим сло-
вам, я упал ниц и ждал кары. И
Господь сказал: «Пусть мстит тот,
кто слаб. Ведь он защищается!»

Твоими устами Я проклял
Сам Себя, ибо нуждаюсь в про-
клятиях. Ты говорил в Мою
сторону, и теперь я знаю, что
Ты веришь Мне».

И продолжил Господь: «Тот
кто верит в Меня, тот Мой раб.

Но тот, кто верит Мне, тот
Мой воин. Мне не нужны рабы,
ибо рабы беременны изменой. Но
Я нуждаюсь в воинах, ибо душа
воина — вот русло Моей силы!».

1

У Брахмы и его супруги Са-
витри был сын, которого звали
Сурья.

Вишну сказал Брахме: «Если хочешь равновесия мира, убей своего сына. Я знаю, что его потомки разольют океан боли.

Но если убьёшь его сейчас — мир сохранится в равновесии. Сын же твой родится вновь от тебя и твоей жены, но уже в женском теле и будет безопасен».

Брахма воскликнул: «Как смеешь ты предлагать мне такое! Потомки Шивы странствуют во Вселенной, разрушая всё, до чего дотронутся, но никто и не думает убивать их. А мой сын — чем он провинился перед Богом?».

И Брахма изгнал Вишну из своего дома.

Сурья, слышавший речи Вишну, сказал отцу: «Отец, а может быть, прав Бог Равновесия и моя смерть укрепит Вселенную? Ибо всё, что можно построить, уже построено тобой, и что остаётся мне? Сладость разрушения? Яркие сны, которые видит обладатель напряженной силы? А я напряжен, я чувствую, что дыхание звёзд идет через мою грудь!».

Брахма ответил: «Мой сын! Даже если б сейчас ты наступал на меня, угрожая мне оружием, я бы не смог убить тебя. Ведь сплетение нитей кармы неповторимо, и, рождённый вновь, ты уже будешь другим. А я люблю тебя и не хочу утраты. И что мне Вселенная! Погуби её, погуби, если тебе

так суждено, и я сделаю ещё три мира тебе на потеху!».

Так говорил Брахма и смеялся, чтоб подавить в сердце тревогу.

Но когда Сурья удалился, Брахма пал на колени и воззвал к Богу: «Господин, передай мне карму моего сына!».

Господь ответил ему: «Пусть будет так».

2

А Сурья решил идти к богу Шиве и просить, чтобы тот убил его. Когда он приблизился к подножию Хималая, то встретил в сосновом лесу девушку и услышал её песню.

«Зачем я ходила к озеру!

Зачем я слушала ветер!

Ветер над озером

Сказал мне, что я одинока!»

— пела девушка, идущая среди сосен.

Сурья окликнул её и спросил имя. И он узнал, что она — Мара, дочь Шивы. Тогда Сурья рассказал ей о своём намерении умереть от руки её отца. Она выслушала и сказала, смеясь: «Ты можешь умереть, когда захочешь, сын Брахмы, но прежде, чем это случится, я хочу, чтобы ты проник в моё лоно и оставил там отпечаток. Я хочу плод от тебя, ведь меня влечёт к тебе!».

Вождеделение охватило Сурью и он совокупился с дочерью Шивы. Когда они соединялись, вышел из леса волк и долго смотрел на них, но они его не

Рис. А. Кухтерина

заметили. Волк же смотрел на них глазами Шивы.

Ярость потрясла Шиву, и, яростный, шагнул он с вершины Хималая на ту поляну, где были его дочь и сын Брахмы. Крикнул он в лицо своей дочери: «Да разве не знаешь ты, что через твоё лоно огонь двинулся во тьму и больше не будет ни тьмы, ни огня, а лишь мутный сумрак?».

И, выхватив меч, он нацелил клинок в сердце дочери. Но Сурья толкнул руку Шивы, и промахнулся Бог Тёмной Трети. Тогда обратил Шива свой меч против Сурьи и отсек голову сыну Брахмы. Воды ужаса хлынули в душу Шивы и погасили огонь ярости. Но услышал он голос Господа: «Не скорби, Шива, не скорби о том, что сразил сына Брахмы! У тебя ещё будет день, когда ты помилуешь его».

Огляделся Шива в поисках дочери и нигде не увидел её. Она скрылась за покрывало майи. Тогда Бог Тёмной Трети покинул сосновый лес. Удаляясь, он произнёс заклятие, сделав семя Сурьи бесплодным.

Поняв, что отец ушёл, Мара вернулась на поляну к телу возлюбленного. Она подняла его отсечённую голову и поцеловала в уста. И кровь Сурьи потекла меж грудей Мары, потом по её животу и по паховой складке, и достигла губ лона. Хотя от заклятия Шивы стало бесплодным семя Сурьи, кровь

его сохранила силу. И Мара понесла плод от крови сына Брахмы.

3

Мара пришла к Брахме и сказала ему: «В моём чреве потомок твоего сына, а значит, и твой потомок. Прими нас и защити от гнева моего отца!».

Брахма дал ей укрытие и защиту.

Савитри же стала говорить Брахме: «Она виновна в гибели нашего сына, а ты принял её и бережёшь! Но разве не месть основа равновесия? Разве не должен ты мстить за гибель сына? Ведь она виновница, она увлекла Сурью под меч Шивы!».

«Нет, — ответил ей Брахма. — Мы обрекли на гибель нашего сына тем, что породили его. Боги не должны иметь детей, ибо только нерождённый может жить в этом мире. Воистину живём только мы — нерождённые, все рождённые умирают. Так где здесь повод для мщения?».

Но не успокоилась Савитри, и гнев её нарастал, и гнев её стал больше, чем горе от потери сына. Однажды за полночь она вошла в покой Мары. А та разметалась на ложе и страдала от родовых схваток, которые только что начались.

Савитри сказала: «Дочь Шивы! Прими месть за сына Брахмы!».

Сказав так, она ударила Мару кинжалом в сердце. Брахма же услышал крик Мары. Понял он, что случилось, и устремился туда, где она кричала.

Савитри встретила мужа, держа в руке кинжал, покрытый кровью. «Моё сердце успокоилось, когда её сердце остановилось!» — сказала она Брахме.

Брахма оттолкнул её и пал на колени возле ложа Мары. Он увидел, что Мара мертва, но в чреве её бьётся живой ребёнок. Тогда вырвал Брахма кинжал из руки Савитри, вскрыл чрево Мары и вынул из него ребёнка.

Этому ребёнку дали имя Рудра и прозвали его Марут, что значит «рождённый от мёртвой». Рудра был первым арьей, племя его потомков — это первое племя народа ариев.

4

Когда Шива узнал о рождении Рудры, он пришёл к Брахме и сказал ему: «Брахма! А понял ли ты, что ребёнок, который сейчас родился, будет мстить нам? У него есть повод мстить мне, ибо я убил его отца, и у него есть повод мстить тебе, ибо твоя жена убила его мать. Или я не прав?».

Брахма же схватил копьё и метнул его в Шиву. Но закрылся щитом Бог Тёмной Трети, и копьё отскочило, не причинив ему вреда.

Дрогнула поверхность щита,

и увидел Брахма в поверхности щита себя самого, лежащего бездыханным, с мечом, погружённым в сердце.

Тогда закричал Шива: «Ви-дишь ли ты себя, своё будущее? Это твой удел в мире, где живёт ещё кто-то, кроме богов! Те, у кого есть вечная жизнь — они не нуждаются в потомстве! Убей своего внука, или я сделаю это сам!».

Брахма сказал ему: «Ты зря боишься моего внука. Не он, а я убью тебя прямо сейчас!».

И он бросил второе копьё в Шиву. И вновь прикрылся щитом Шива и отразил копьё. От удара дрогнула поверхность щита, и новая картина возникла в ней — пылающий город и мёртвые тела, во множестве разбросанные по окрестностям. Придя в неистовство, принялся плясать Шива, размахивая мечом, и, пляшущий, крикнул он Брахме: «Смотри, попечитель жизни! В мире, где обильно рождаются, обильно и умирают! Ты — отец этих трупов! Воистину, Брахма, ты отец всех этих трупов!».

Тогда схватил Брахма третье копьё и метнул его в Танцующего Бога. Увидев, что летит в него оружие, Шива отбросил щит и развёл руки. И копьё ударило его в сердце.

Пал Шива на колени и прошептал, обращаясь к Брахме: «Посмотрим, этого ли ты хотел, Строитель Городов...».

5

Агни, младший сын Шивы, смотрел, как движется чёрный жук по чёрному камню. Вдруг замер чёрный жук и сделался словно мёртвый, хотя и оставался живым. Тогда пересёк Агни Вселенную и предстал перед матерью — богиней Кали. Он спросил у неё: «Что изменилось? Почему замерли вещи и существа?». Кали ответила сыну: «Умер тот, кто не давал явлениям случаться. И в миг его смерти произошло всё, что могло произойти, и больше нечему происходить в этом мире. Ибо твой отец был плотной на пути бытия, он принуждал вещи к очерёдности. А теперь он умер».

Агни воскликнул: «Разве может умереть нерождённый?».

«Бог может умертвить бога, — отвечала Кали. — Брахма поразил твоего отца копьём, рассёк его сердце, и теперь тело Шивы, как брошенный дом. Я не знаю, где его душа».

«Нам нужно идти к Вишну, — сказал Агни. — Он знает карму любого существа во Вселенной, он знает и карму отца. Пусть найдёт его душу!».

Они пришли к Вишну и спросили его о душе Шивы.

«Зачем вы тревожитесь? — сказал им Вишну. — Разве это не тот самый покой, о котором мечтали все боги? Наслаждайтесь отсутствием бытия и не ропщите. Или же убедите меня в необходимости

перемен — лишь тогда я помогу вам».

Заплакала Кали и воззвала к Вишну: «О, Средний Брат! Ось Равновесия! Я люблю моего мужа, я хочу, чтобы он был жив и касался меня. Моя любовь и есть моя молитва, и не умею я умолять иначе!».

Вишну ответил ей: «Если ты действительно любишь своего мужа, то какая тебе разница — рядом он или далеко? Или твоя любовь слабеет с его удалением? Нет, ты не привела мне довода, я не буду ничего менять».

Потом он обратился к Агни и спросил его: «А почему ты хочешь вернуть отца?».

Агни ответил: «Славный Вишну! Я наблюдал за движением чёрного жука по поверхности чёрного камня. Это погружало меня в размышление, и я наслаждался. Но когда умер мой отец, жук остановился, как и прочие существа и вещи. А я хотел бы и дальше следить за движением жука или предаваться иным подобным занятиям. Ибо я ЛЮБЛЮ так проводить время!».

И воскликнул Вишну: «Вот истинная любовь! Она не знает самой себя, но остаётся любовью, даже не имея цели и оправдания. И это довод для меня, и я помогу вам теперь!».

Закрыв глаза, он увидел карму Шивы. Он сказал: «Шива стал волком среди волков. Если

хотите позвать Шиву — позовите волка!».

Тогда напрягся Агни и возгласил вой волка — победителя. Вышел из роцци Сумера — белый волк, готовый к схватке с соперником. Ощерился он и бросился на Агни, но был отбит ударом его руки. Ещё дважды нападал он на Агни, но всякий раз повергался наземь.

Дрогнула гортань зверя, он прорычал на языке богов: «Сначала брат убил меня, теперь убивает сын. Но никто ещё не счёл все жизни Шивы!».

«Если я убью тебя, то убью не отца, а всего лишь волка, — промолвил Агни. — Но я не хочу убивать, хочу только просить:

— Отец мой! Вернись в своё тело, тело бога, и живи, как бог!».

«Нет», — ответил Шива гортанью волка. — «Нет, ибо мечта моя исполняется. Всё, что могло совершиться — совершилось, и вскоре мир распадётся на стихии. Волчья плоть — моё последнее тело!».

Тогда Кали сказала, обращаясь к Вишну и Агни: «Удайтесь прочь. Я хочу остаться с моим мужем». Они сделали так, как она велела.

Сбросив с себя одежды, Кали танцевала обнажённая перед белым волком. Вожделение охватило Шиву. И когда наклонилась Кали, он вскинулся на неё и совокупился с ней. Но,

извергнув семя, он не получил разрешения страсти.

Шива спросил её: «Почему желание моё продолжается? Ведь я испустил семя!».

Кали ответила ему: «Это оттого, что женщина может доставить наслаждение лишь мужчине. А чтобы насладился волк, нужна волчица. Ты пролил в меня семя, но моя шакти не пролилась в твоё сердце. Ибо шакти женщины может наполнить лишь сердце мужчины, но не сердце волка!».

6

Кали продолжала танцевать перед Шивой, и, горячий вождением, вновь и вновь сходился с ней Шива и не получал облегчения страсти.

Закричал он: «Довольно! Я хотел победить Брахму хитростью, но вижу, что победил сам себя. Воистину, мир хитрее чем Шива! Но я клянусь, что отныне буду сражаться только мечом, и пусть все хитрые трепещут!».

7

Они пришли к Брахме — ведь никто, кроме Брахмы, не мог вернуть Шиву в прежнее тело. Брахма сказал Шиве: «Поклянись по обряду богов, что не причинишь вреда Рудре и не станешь других подстрекать к этому. Тогда я верну тебе тело бога».

Он взял зеркало и поднёс его к морде волка. Глядя в зерка-

ло, волк прорычал слова клятвы. Тогда Брахма выдернул своё копьё из груди Шивы, кинжалом расширил рану так, чтобы обнажилось пронзённое сердце. Он поцеловал сердце Шивы, и рана на нём затянулась. Он поцеловал рассечённые рёбра и мышцы, и они срослись. И когда он поцеловал кожу на груди Шивы, то сомкнулась кожа и не осталось следа от раны.

Брахма сказал Кали: «Принеси в жертву белого волка. Тогда душа Шивы освободится и вернётся в подобающее тело».

Вдруг услышал Брахма голос позади себя: «Нет, Брахма! Так не будет. Бог хочет, чтобы Шива predetermined судьбу своего и твоего внука. И пока он не выполнит то, к чему призван, — будет рождаться волком и умирать волком, и вновь входить в утробу волчицы!».

Брахма обернулся и увидел, что это Вишну говорит с ним. Заметил Вишну, что Брахма нахмурен, что лицо его выражает угрозу. И, чтобы избежать раздора, Вишну сказал: «Вот ты, Брахма, впадаешь в злобу, желаешь битвы... А знаешь ли ты, что сын твой Сурья скитается по Вселенной, не имея плоти? И не может он обрести плоть, пока не родится. А не родится он до тех пор, пока Шива вновь не вернётся в своё тело. Лишь тогда Колесо Закона продолжит вращение, лишь тогда явления поте-

кут, как прежде. А иначе — всё неподвижно».

Сокрушилась воля Брахмы. Он сел возле белого волка, и волк опустил голову ему на колени.

Молвил Брахма: «Ах, Вишну! Воистину, тот, кто поставлен перед выбором — тот побеждён. Ты победитель, Средний Брат. Можешь поступать произвольно!».

«Да, Брахма! Да, Шива! — сказал Вишну. — Я не дам вам разорвать мир, как циновку, ибо мне нравится созерцать явления».

8

Они спросили у Господа об участии Рудры, но Бог промолчал.

Вишну сказал: «Я хочу испытать Рудру — обладает ли он свойствами богов или наша сила в нём угасла».

Он наклонился над колыбелью и стал шептать младенцу слово, означающее «камень».

Младенец улыбался. И через некоторое время он повторил это слово, не понимая его смысла. И все услышали гул и свист и восприняли колебание воздуха. То был огромный чёрный камень, возникший по слову Рудры под самым потолком чертога. Камень этот устремился вниз, прямо в колыбель, раздирая собою воздух. Рудра же смотрел на него и улыбался, и мял руками пелёнку. Он был бог, но ещё младенец.

И все боги замерли, глядя, как падает камень, и только Вишну успел протянуть руки и поймал глыбу над самым лицом младенца. Так был силён удар камня, перехваченного Вишну, что покачнулся Господь Середины и застонал от боли и тяжести, и ноги его ушли в плиты пола по щиколотку. Но удержал он глыбу, хотя и не смог отбросить, ибо она была тяжела.

Тогда закричали жёны Шивы и Брахмы — Кали и Савитри: «Да, Вишну, да — ослабь руки, дай свершиться воле Господа!».

Вишну же ответил им, задыхаясь от усилия: «Нет. Он бог, он останется во Вселенной!».

И Брахма приблизился к Вишну и принял на себя половину тяжести глыбы. Но и вдвоём они не могли откинуть её.

Глядя на них, прорычал Шива гортанью волка: «Эх вы! Ваша слабость очевидна!».

Когда услышали эти слова Вишну и Брахма, то ярость охватила их, и ярость стала их силой, и они отбросили глыбу прочь.

Сотрясая землю, она стала погружаться в её глубины, разрушая слои своей тяжестью, и остановилась лишь по прошествии долгого времени.

9

Бессонные Боги, они решили удалить Рудру и воспитать его так, чтобы ему никогда не от-

крылось, что он — один из богов. Исполняя свою карму, Шива в образе волка перенёс колыбель с младенцем на остров Ланку, где жила Лакшми — младшая дочь Вишну. Шива передал ей младенца и сказал: «Мы, Бессонные Боги, велим тебе заботиться о нём и вырастить его. Но, ухаживая за ним, ты должна всегда оставаться безмолвной, чтобы он не узнал ни единого слова из Речи Богов. Такова совокупная воля троих Бессонных — воля Господа!».

И ещё сказал Шива: «А теперь принеси в жертву белого волка, и душа моя освободится».

Лакшми согласилась сделать так, как просил Шива, но поставила одно условие.

«Я выполняю твою просьбу, Шива, — сказала Лакшми, — если ты оставишь мне шкуру белого волка, в чьём теле ты сейчас пребываешь».

«Да, Лакшми! Да!» — воскликнул Шива.

И она взяла короткий меч жертвоприношения, и волк лёг у её ног, подставляя сердце. Но, когда она занесла клинок, волк вскочил и отбежал прочь.

Ещё раз занесла клинок дочь Вишну, и вновь отбежал волк. Тогда Лакшми спросила: «Что с тобой, Шива? Или ты не хочешь освободиться?».

Шива ответил ей: «О, дочь Вишну! Можно привыкнуть к жизни, но нельзя привыкнуть к смерти. Нельзя привыкнуть к ней даже тому, кто умирал

столько же раз, сколько жил!».

И он лёг под клинок жертвоприношения.

10

И когда умер белый волк, то воскрес Шива в своём теле — теле бога.

Кали обрадовалась ему, она смеялась и пела, она танцевала перед своим мужем. Шива сказал: «О, Кали! Вождеделение к тебе вернуло меня обратно, но я не знаю, есть ли в этом повод для радости».

Он покинул других богов и удалился в излюбленное место на вершину Хималая. Он взял с собой зеркало Брахмы как напоминание о клятве, которую дал, будучи белым волком.

11

Достигнув шестнадцати лет, Рудра покинул дом Лакшми и удалился в леса Ланки. Он знал язык птиц и разговаривал с птицами, но языка богов он не знал, ибо Лакшми хранила молчание.

Птицы сказали ему, что есть земля за морем, которую они достигают, а он не может. Рудра выходил на побережье и сидел там среди камней, омываемых волнами прибоя.

Однажды, когда Рудра охотился в лесу на оленей, на него напал тигр. Это случилось в первый день весны, ближе к полудню. Рудра за-

душил зверя, но и сам, израненный, простёрся в луже крови. Тогда взвились птицы с окрестных деревьев и полетели к Лакшми. Они сказали ей о том, что её воспитанник умирает.

Лакшми спросила Бога: «Единый! Нужно ли мне что-либо делать, или Ты всё сделаешь Сам?».

Бог ответил Лакшми: «Иди и подними его».

Лакшми перенесла Рудру в свой дом, она промыла его раны и срастила разрушенные кости. Вечером она зажгла свечу и вновь пришла к ложу Рудры. Она спросила Рудру на языке птиц: «Помнишь ли ты меня?».

«Да, — ответил Рудра, — ты кормила меня, когда я был слишком мал, чтобы добывать себе пищу. Ты моя мать».

«Нет! — сказала Лакшми. — Твоя мать умерла давно, в тот день, когда ты родился. Это случилось далеко отсюда, в стране Бессонных Богов. А я была с тобой, пока ты был мал. Но теперь ты вырос, и я опять хочу быть с тобой».

«Но ты и так со мной, — сказал Рудра. — Разве можно стать ещё ближе?».

Тогда Лакшми объяснила Рудре, что мужчина и женщина, желающие близости, особым образом соединяют свои тела.

Так Рудра стал мужем дочери Вишну.

12

Рудра оказался столь хорош в любви, что Лакшми не отпускала его от себя. Они часто совокуплялись и получали великие наслаждения. Но по мере прохождения лет Лакшми всё холоднее относилась к Рудре и однажды оттолкнула его, когда тот хотел любви. Да и сам Рудра стал чувствовать себя слабым. Он не мог долго находиться в движении и часто садился отдохнуть, мучимый одышкой и болью в суставах. Он не знал, что с ним происходит, и жаловался Лакшми на свои страдания, прося, чтобы та излечила его. Но она только улыбалась и гнала Рудру прочь.

И вот пришёл к острову чёрный корабль под чёрным парусом. Это приплыл на Ланку неистовый Вритра, один из сыновей Шивы. По решению богов он должен был стать мужем Лакшми. На летающих ладьях прибыли боги, чтобы праздновать свадьбу. Но трое Бессонных Богов не объявились здесь, ибо боялись, что вновь вспыхнет меж ними старая вражда из-за Рудры.

Перед тем, как начался свадебный пир, Лакшми позвала Рудру к себе и сказала ему на языке птиц: «Послушай, человек! Я велю тебе навсегда удалиться в лес и не подходить более к моему дому. Мы расстаёмся, время любви прошло».

Заплакал Рудра и кинулся к её ногам, восклицая: «Не про-

гоняй меня! Я стал слаб и болен, звери убьют меня в лесу! Дозволь мне остаться хотя бы слугой у кухонного очага! О, Лакшми! Не прогоняй меня!»

Тут распахнулась дверь чертога и вошёл Вритра.

«Кто этот старец, обнимающий твои ноги? — спросил он у Лакшми и, ударив Рудру ногой, крикнул: — Убирайся прочь, ты, сгусток смрада! Скоро твоё тело станет землёй, а душа родится гиеной из чрева гиены. Вот так ты покинешь сей остров!».

Он ухватил Рудру за одежду и, с лёгкостью подняв его, бросил через дверь на лестницу. Но напрягся сын Сурьи и встал, и вернулся, и ударил в лицо сына Шивы. Дико крикнул неистовый Вритра, выхватил меч и занёс его над Рудрой. Но Лакшми остановила своего жениха.

«Не убивай этого человека, Вритра! — сказала она. — Я не хочу, чтобы Брахма мстил нам после. Да и зачем убивать старика, который и так уже схвачен смертью!».

Затем она обратилась к Рудре, говоря на языке птиц: «Иди, Рудра, в лес, найди озеро неподвижной воды, посмотри в неподвижную воду, и ты поймёшь, что с тобой случилось. Беда твоя в том, что ты давно не смотрелся в озёра!».

13

Когда посмотрел Рудра в неподвижную воду, то увидел, что

лицо его смято морщинами, а волосы белы, как дым.

Тут прилетела белая лебедь и опустилась на воду перед ним.

Она сказала Рудре: «Здравствуй, мой сын! Я Мара, дочь Шивы, твоя мать. Ветер кармы разлучил нас, но он же соединил нас снова».

Рудра преклонил колени перед матерью. Он спросил её: «Мама! Что случилось со мной? Почему я так изменился, почему все гонят меня? Куда ушла моя сила? Почему разум мой вязнет даже в простых мыслях?».

«Это старость настигла тебя, мой сын, — ответила лебедь. — Всяк, кто рождён, состарится и умрёт, неотвратимо, подобно тому, как неотвратимо упадёт подброшенный камень».

«Но почему Лакшми остаётся в неизменной юности и красота её не вянет? Ведь она рождена, как и я!» — спросил Рудра.

«Она богиня, — молвила лебедь. — Она знает Великую Мантру и сама творит своё тело. Ибо тот, кто знает Великую Мантру, тот знает всё».

Заплакал Рудра и стал просить мать, чтоб она передала ему Мантру.

Ответила белая лебедь: «На языке птиц нельзя произнести её. Только на языке богов, который скрыт от тебя, звучит и действует Великая Мантра. Но я помогу тебе советом. Вернись в дом Лакшми, только теперь уже — тайно, и похить шкуру бело-

го волка, что хранится в нише возле жертвенника. Эту шкуру носил бог Шива — твой дед, когда он был волком. Если ты накинешь её на себя, то лишишься страха смерти и станешь, как бог. Ведь сила богов не в том, что они знают Великую Мантру, но в том, что они не боятся смерти. Помни, мой сын! Кто не боится смерти, тот и бог, даже если он говорит на языке птиц!».

14

Пока шумел в доме Лакшми свадебный пир и все были увлечены торжеством, Рудра прокрался в святилище и украл шкуру белого волка. Охваченный жаждой мести, он торопливо накинул шкуру на себя и вдруг вместо стремления к убийству ощутил великое спокойствие. И Лакшми и Вритра стали безразличны ему. Вновь пошёл он к лесному озеру и сказал лебеди: «Мама, я сделал так, как ты посоветовала мне. И теперь я не знаю, что лучше — прежние страдания или это безмолвие души. Равнодушный ко всему, я не чувствую более разницы между жизнью и смертью, мои мысли потеряли цвет, желания онемели и ни одна цель не кажется мне достоянием действия».

Белая лебедь ответила ему: «Мой сын! Если Бог призовет тебя к битве, ты будешь сражаться. Если нет — умрёшь в спокойствии. И то, и другое — равноценно!».

15

Переступив через порог, посыпанный зерном, вошли Вритра и Лакшми в брачный покой. Обнажилась Лакшми и раскинулась на ложе, готовая к любви.

Тогда распалился Вритра, и майя сошла с него, как плёнка. Он предстал перед Лакшми в истинном облике — в облике змея, чей лик отвратителен и пугает, а изо рта каплет слизь. Зубы его истекали ядом, а в зрачках плавала зелень. Ведь этот сын Шивы жил под водой как змей.

В ужасе закричала Лакшми и, сотрясаемая омерзением, стала отстраняться, но всё равно вошел в неё Вритра и изверг семя.

Потом он сказал: «Так превосходна твоя плоть, что каждую ночь буду брать тебя и даже днём, когда захочу!».

А Лакшми забилась в угол ложа и плакала, ибо лоно её разрывалось от боли.

Она дождалась, пока уснёт Вритра, и ушла в лес. Она звала Рудру всю ночь, но тот услышал только утром, когда проснулся. При свете утра вышел к Лакшми старец, одетый в шкуру белого волка.

16

Лакшми сказала Рудре: «Ты один можешь мне помочь! Никто из богов не пойдёт против воли Вишну, никто из них не поссорится с Шивой и его потомством. Проси что хочешь в

награду, но избавь меня от Вритры!».

«Я помогу тебе, — ответил ей Рудра, — но обещай, что вернёшь мне молодость и раздвинешь для меня свои бёдра».

Лакшми встала перед ним на колени и обещала исполнить всё, что он просит.

Тогда взял Рудра берёзовый посох, который служил ему опорой при ходьбе, и пришёл в дом Лакшми. Поднявшись в опочивальню, он обрушил посох на Вритру, ещё сонного. Оглушённый, заметался Вритра, кровь залила ему глаза. А Рудра вновь и вновь ударял его посохом, сбивая с ног и ломая кости.

Когда пытался Вритра сказать заклинание, чтобы вернуть целостность и силу своему телу, Рудра бил его по устам и обрывал речь.

Но напрягся сын Шивы и опомнился, выхватил меч и напал на Рудру. Лезвием он перерубил посох, оставив в руке у Рудры короткую часть.

Люто засмеялся сын Шивы.

«О, ничтожнейший! — крикнул он. — О, скверна и мутная помесь! Сейчас ты узнаешь силу бога! Я не убью тебя ни мечом, ни заклятием, но я хочу мучить тебя, чтобы ты стонал!».

Он отбросил оружие и, вытянув руки, двинулся к Рудре, чтобы схватить его. Рудра отступил к стене, но страха не было в нём, и разум оставался безмятежен. Он вспомнил слово из языка богов, единствен-

ное, которое знал, внушённое ему еще во младенчестве. И слово это значило «камень».

Рудра сказал: «Камень». И возник камень над левым плечом Вритры, и рухнул, сокрушив неистового сына Шивы.

Так сильно закричал он, что дрогнули воды вокруг Ланки и волна пошла к материку.

17

Рудра сказал Лакшми: «Я сделал то, что ты хотела. А теперь исполни моё желание и своё обещание».

«Да, Рудра! — отвечала Лакшми. — Да, я исполню. Подойди ко мне, я должна касаться тебя во время обряда».

Рудра подошёл к ней. Она же быстро нагнулась, подхватила меч Вритры и ткнула Рудру под левые рёбра. Охнул он, отступил и опёрся спиной о камень, придавивший дракона. Покачнулся камень, и тотчас шевельнулся под ним Вритра, который был жив и только придавлен. Испуганная, бросилась Лакшми к Вритре и принялась рубить его мечом, но клинок лишь звенел и отскакивал от его покровов. Поняла Лакшми, что только Рудра имеет власть над драконом, ибо сочетает в себе сущности двух богов — Шивы и Брахмы. Она же бессильна преодолеть заклание, которым Вритра защитился от меча. А Рудра, между тем, всё стоял, прислонившись к камню, и обильно терял кровь, что текла из самого сердца.

Он сказал Лакшми: «Да, дочь Вишну! Я отомщу тебе, я верну тебе мужа прямо сейчас!». И он налёг на камень сильнее.

И вновь шевельнулась Вритра, издавая рычание.

Тогда закричала Лакшми: «Помилуй меня, ясный Рудра! Я поклялась богам, что не открою тебе священной речи. Во мне нет зла к тебе, лишь клятва направляла мой меч!».

Засмеялся Рудра, и это был уже смех бога. Он промолвил: «Я умираю. Я умираю и падаю, Лакшми! И камень исчезнет, когда я умру, ведь он всего лишь моё слово. При чём здесь добро и зло? Всё дело в камне!».

Ещё миг молчала Лакшми. Потом она сказала Рудре: «Повторяй мои слова».

Она произнесла Великую Мантру, и Рудра повторил её. Он перестал быть человеком, он стал богом, и рана его затянулась в белый рубец. Выпрямился Рудра, отбросив волчью шкуру.

Он был уже в облике двадцатилетнего мужчины, как того пожелал.

«Не бойся меня и не рыдай передо мною, — сказал он плачущей Лакшми. — Теперь, когда мы равны, я равнодушно смотрю на тебя, без ненависти и любви. Но, наверное, я любил тебя. А иначе откуда эта пустота в сердце, словно что-то занимало там место и было вынуто!».

Он подошёл к Лакшми и поднял её с колен. Он выдернул один волос из её косы и, свя-

зав этим волосом руки Вритры, откатил камень.

Бешеный, вскинулся Вритра, но тотчас рухнул обратно. Ведь тяжелее всех камней Вселенной стал на его запястьях волос Лакшми. Так подействовало сказанное Рудрой заклинание.

Рудра промолвил: «Сын Шивы! Напрасно ты твердишь мантры, тебе не освободиться. Я потомок двух богов, а ты — одного. Лучше успокойся, и я оставлю тебя связанным, но живым. А если нет — я швырну твою душу в лабиринт кармы».

18

Был рассвет, и Рудра взошел на черный корабль. Он поднял якорь, раскрыл парус и, уловив нужный ветер, поплыл к материку.

Пересекши океан, он причалил к месту, которое называется Хорат, и пошёл на север, удаляясь от побережья. Он имел с собой меч Вритры, а по дороге сделал лук и семь стрел из берёзового дерева.

Через семьдесят дней Рудра добрался до северных лесов Арьяны, за которыми лежала страна богов.

Он сказал самому себе: «Я знаю, что Шива мой враг, и он будет бороться со мной. Так не лучше ли мне напасть первым?».

Наступила ночь полнолуния. В эту ночь Рудра поднялся на вершину Хималая — обители Шивы.

Шива же сидел на снегу, скрестив ноги, и наблюдал за ходом Луны среди звёзд зимнего неба.

Встав за его спиной, Рудра приложил стрелу и напряг лук. Но он не смог решиться на выстрел и ослабил тетиву. Так трижды он напрягал лук и трижды ослаблял его, не решаясь выстрелить.

Тогда Шива, не поворачивая головы, сказал: «Хэй, Рудра! Если б ты был как Шива, ты бы убил меня, не раздумывая, а если б ты был как Брахма, ты бы не задумал убийство. Но ты не Шива и не Брахма — ты муть и помесь. Сахар сам по себе и соль сама по себе. А будучи смешаны, они вызывают рвоту! Да, Рудра? Да, мой слабый потомок?».

И, сказав так, Шива, окутавшись дымом майи, стал невидим.

Рудра же бросил лук и стрелы и побрёл прочь.

19

В тот день Вишну спросил Шиву: «Ты, Брат, Разбивающий Кувшины, готов ли ты истребить своего потомка?».

Шива ответил: «Я не сделаю этого».

Тогда Вишну закричал, «О, Шива! Отринь, отринь клятву, растопчи клятву, разбей зеркало клятвы! Мир, вырастающий из семени Рудры, будет невыносим для нас!».

«Он будет невыносим для тебя,

Средний Брат, Ось Равновесия, — сказал Шива. — Я же не боюсь соперников в деле разрушения. Отнюдь не клятва держит меня, но чувство родства. Я опознал в Рудре свои свойства, и я хочу насладиться его делами».

20

Покинув Шиву, Вишну сказал сам себе: «О, моя мудрость! Стань моей пользой! Неужели я не могу придумать нечто лучшее, чем убийство?». Он повернулся лицом к северу и вдохнул северный ветер. И он выдохнул его, но уже не как поток воздуха, а как некое существо, обладающее разумом.

Созданный стал корчиться перед Вишну, вопия громким голосом: «Мне жарко, жарко! Умертви меня, Господь, избавь от страдания! Умертви меня, Господь, остуди мою сердцевину!».

Тогда Вишну обрушил на него снегопад, и созданный успокоился.

Вишну сказал этому демону (асуре): «Ты — Демон Северного Ветра. Я даю тебе имя Сигурд, я говорю тебе — иди и убей Рудру Марута, лишнего бога. Когда исполнишь, я избавлю тебя от жизни и от страдания. Но смотри же, не делай ничего, кроме того, что я приказал, а иначе обретёшь душу и будешь рождаться вновь и вновь!».

21

Рудра не мог найти себе ни пристанища, ни собеседника. Он

три дня и три ночи шёл на восток от Хималая и пришёл в дом Брахмы. И Брахма был первым, кто приветствовал его. Они сели в тереме, они ели хлеб и мёд, они пили молоко и ключевую воду. Потом Рудра сказал Брахме: «О, Великий! Укажи мне моё место, расскажи мне о моих преимуществах и изъянах!».

Брахма ответил: «Да, Рудра! У тебя есть преимущество перед Бессонными Богами. Ты можешь умереть, а мы — бессмертны. Ты умрёшь, когда мы уснём, а потом мы проснёмся и будем жить дальше, страдая и напрягаясь. Твои же страдания будут исчерпаны.

Рудра спросил: «А каков мой изъян?».

Брахма ответил: «До тех пор, пока длится День Бессонных Богов, у тебя нет изъяна. Всё обнаружится Ночью, всё зазвучит в Тишине. Но знай, мой потомок, твоё действие обернётся против тебя, а твоё бездействие станет крепостью для тебя. Но это совет, который невозможно выполнить!».

Когда Рудра уходил, Брахма дал ему меч и напутствовал так: «Кто реже умирает, тот реже рождается, и это хорошо.

Поэтому защищай свою жизнь!».

Уже шагнув за порог, Рудра спросил: «А кем я был до того, как Лакшми открыла мне Великую Мантру?».

Брахма ответил: «Ты был человеком».

22

Дочь Вишну, сестру Лакшми, звали Лада. Она жила в Арьяне, там, где среди лесов покоится озеро Урм.

Варуна — сын Брахмы влюбился в неё и в знак своей страсти преподнес ей браслет из красного золота.

Тогда Лада сказала Варуне: «Мне приятно беседовать с тобой, но душа моя неподвижна. Зачем копить страсть, у которой не будет русла, чтобы излиться?».

И она повесила браслет на ветвь дуба, росшего возле озера. Огорчённый, удалился Варуна, не взяв подарок обратно.

Когда же Сигурд шёл по следам Рудры, то оказался он перед озером Урм и увидел браслет на дубовой ветви.

Он представил облик той, которая могла бы носить этот браслет, и сердце его изменило скорость. Потрясаемый частыми толчками сердца, взял асур находку и, продев через браслет нить, повесил его себе на шею. И вновь пустился он догонять Рудру.

Пройдя берегом вдоль воды, он догнал его на другой стороне озера.

Спрятавшись в зарослях, Сигурд приготовил меч, полученный от Вишну, но не мог решиться на нападение и мучительно медлил.

Рудра же, встав на колени, пил воду из озера, поднимая её пригоршней. Напившись, он

сказал не поворачивая головы: «Отчего дуют ветры с трёх сторон мира, а северный ветер не слышен?». Понял Сигурд, что Рудра знает о нём.

Криком распаяя в себе ярость, ринулся асур на бога.

Но легко уклонился Рудра и кулаком ударил асура под вздох.

Выдыхая иней, лёг Сигурд на песок побережья головой в воду, и вода замёрзла вокруг его лица.

23

Рудра сказал Сигурду: «Да, асур, тот, кто думает о будущем, становится нерешителен, ибо страх ослабляет и путает нас».

Он развёл костёр на берегу озера, и встав на колени, вдохнул пламя. И когда он выдохнул, то из его выдоха возникла женщина неистовой красоты.

Рудра спросил её: «Что ты хочешь, Урга?».

Она ответила: «Я хочу, чтоб ко мне притекало тепло, холод мне невыносим!».

«Вот так хотят любви!» — сказал Рудра. И он велел ей: «Хэй, Урга! Танцуй вокруг демона снегов, возьми его себе!».

Он ударил в ладони, выбивая ритм. Тогда закружилась Урга возле вмёрзшего в лёд Сигурда и, танцуя, обошла его кругом, как огненное кольцо. Растаял лёд, и поднялся Сигурд. Он был мёртв, потому что сердце его не билось, разможжённое ударом

Рудры, и он был жив, потому что Рудра вливал в него, как в сосуд, часть своей жизни.

Асур спросил: «Почему я не дышу?».

«Не тревожься! — сказал Рудра. — Я дышу за тебя!».

24

Рудра взошёл на холм Ртахг — единственный холм среди лесов Арьяны. Перед холмом было поле. Рудра велел асурам лечь на поле и совокупиться. Когда они исполнили это, он подозвал к себе Ургу. Взяв меч, он сказал ей: «Что ты хочешь, асура? Хочешь ли ты потомства?».

Она отвечала: «Да, сильный бог! Разве не затем мы живём, чтобы оставлять потомство?».

Рудра велел ей: «Принеси себя в жертву ради благоденствия потомков».

И она проткнула своё сердце мечом бога ради благоденствия потомков.

Рудра стал дышать за неё. Он напряг в себе свойства Шивы, и он ускорил время, уменьшив расстояние между событиями. Асуры совокуплялись перед ним на поле Ртахг и рожали детей.

Они приносили своих детей к Рудре. Тогда подбрасывал Рудра младенца и ловил его на клинок меча протыкая сердце. И он дышал за всех, убитых им.

25

Рудра основал Вихару — город асуров. Он стал царём асуров, царём мёртвого наро-

да. Однажды, когда Вишну пришёл в Вихару, чтобы поговорить с Рудрой и узнать его намерения, Рудра не захотел встретиться с ним. Но и город он не покинул, а только произнёс слово «ááááéáááá-ðà», которое означает — «невидим». И Вишну не смог найти его.

Урга же подслушала это слово. У неё был ребёнок от Сигурда, младенец, названный Равана. Зная, что рано или поздно Рудра умертвит Равана, как и всех прочих асуров, Урга хотела сохранить жизнь сыну. И она сказала над ним заклинание невидимости.

С тех пор не раз слышал Рудра смех и топот ребёнка в коридорах и комнатах кремля Вихары. Тогда, обнажив меч, он обходил покои и не находил никого. Он смотрел глазами Брахмы, он смотрел глазами Шивы, но он не мог увидеть Равана.

26

Вишну же не мог успокоиться, он боялся усиления Рудры. Он несколько раз тайно призывал к себе Сигурда и говорил асуру: «Исполни то, зачем ты создан, убей вашего царя. Я дам тебе всякие блага, я дам тебе моё дыхание!». Но Сигурд отказывался.

Тогда ранним утром Вишну привёл его на берег озера Урм, и оба они затаились в зарослях прибрежных ив.

Напротив них сошла к воде женщина в чёрной одежде. Она сбросила платье, она распустила волосы и стала, как свет — белый и золотой. Она вошла в воду и купалась, а Сигурд и Вишну смотрели на неё.

Вдруг асур охнул, повалился и стал корчится на земле, захватив руками левую сторону груди.

Он влюбился в эту женщину, и от любви шевельнулось его сердце — мёртвое, размождённое ударом Рудры.

Когда унялась боль в груди Сигурда, Вишну сказал ему: «Да, асур! Этой женщине принадлежит тот браслет, что ты носишь при себе. Её зовут Лада, она моя дочь. Если ты погубишь Рудру, она станет твоей женой. Так обещаю тебе я — Средний Брат, Ось Равновесия, Бессонный Бог!».

И ещё сказал Вишну Сигурду: «Ты лишь взглянул на неё, и сердце твоё шевельнулось. А если ты станешь её мужем, то сердце твоё оживёт и забьётся — исцелённое! Ведь утолённая страсть исцеляет сердца — разве ты не знаешь? И дыхание вернётся к тебе, ибо оно слетает на зов сердца».

Но Сигурд отказался. «Нет, добрый Вишну! — ответил он — Рудра даёт мне дыхание, а ты даёшь обещание. Но я выбираю то, что дано, а не то, что обещано!».

И он вернулся к Рудре.

27

Зная, что живёт в кремле Вихары некто недоступный его взору и власти, Рудра решил уличить невидимого. По звучанию смеха и речи понял он, что это ребёнок, и он надумал привлечь его тем, чем можно привлечь ребёнка. Из дубовой ветви Рудра сделал флейту с девятью отверстиями. Он входил в разные комнаты и, усевшись там, играл мелодии — весёлые и быстрые. Когда музыка звучала, то в воздухе вспыхивали цветные лучи и искры. Окончив играть, Рудра клал флейту на видное место, а сам прятался за занавесями, изготовив меч к удару.

28

В седьмой комнате исполнилось желание Рудры. Он увидел, как шевельнулась флейта, положенная на стол. Некто невидимый взял флейту и подал в неё. Тотчас выступил Рудра из своего укрытия и ударил мечом в воздух рядом с флейтой. Детский крик и плач разнеслись по кремлю Вихары вслед за движением меча. И флейта упала на пол, и сжимала её детская рука, отсечённая по гибку кисти, ставшей очевидной, когда отделилась от тела Равана. Взбешённый обманом и тайной, Рудра принялся рубить воздух и в центре комнаты, и в её углах. Но эти удары не достигли цели. Тогда Рудра решил выследить раненого по

следу крови, но асуры бескровны. В их жилах текут огонь и воздух. И, пораженный лезвием, Раван скрылся, не оставив следа.

29

Урга сказала Сигурду: «Сигурд, почему ты равнодушен? Ведь Рудра достигает нашего сына, губит его! Скорее исполни волю Вишну, спаси своё потомство от губителя!».

«Если я убью Рудру, погибнет весь народ асуров, — ответил ей Сигурд. — Это же Рудра дышит за всех нас — или ты не знаешь?».

Урга вновь приступила к нему: «Вишну обещал дышать за тебя! Верь же ему, чего ты боишься? Почему ты не веришь богу?».

И она велела Сигурду идти к Вишну и договориться с ним о дыхании и для неё тоже. «Пусть дышит за меня и за тебя, — сказала Урга. — До прочих асуров нам нет дела».

30

Сигурд пришёл к Вишну и сказал ему: «Создатель, я решился, я выполню твою волю. Но подтверди свои обещания — дышать за меня и отдать мне в жёны деву озера».

Вишну ответил: «Да, я подтверждаю».

Он спросил Сигурда: «А почему ты не просишь дыхания для Урги?». Но Сигурд промолчал.

Тогда улыбнулся Вишну и жестом отослал его.

31

Когда сомнения охватили Сигурда, то взял он браслет Лады и взглянул сквозь него на Солнце. Он сказал сам себе: «Всё сомнительно. Нет несомненных действий. И страшно мне нарушить порядок вещей!».

Заплакал Сигурд и стал бормотать: «Почему боги говорят разное? Почему у них нет единого мнения? Что мне делать?».

Господь сказал ему: «А зачем решаешь ты? Пусть решает тот, кто сильнее тебя. Ведь Рудра победил тебя, доказал свою силу над тобой. Так отдай решение победителю!».

Сигурд доверился Господу. Представ перед Рудрой, он сказал: «Ясный Рудра, князь асуров! Вишну настойчив в своих приказах, он хочет, чтобы я убил тебя. Он обещал дать мне своё дыхание, он обещал дать мне деву из рода богов, если я принесу ему твою голову. А теперь, когда ты узнал всё, реши мою судьбу, ибо я измучен двойственностью и страхом!».

Наступило молчание. Стоя перед Рудрой, трепетал асур, боясь, что тот лишит его жизни.

Рудра сказал: «Мои мысли были расплывчаты, но теперь они обрели ясность. Вот что открылось мне: либо я покину мир, либо я стану его хозяином!».

32

Рудра схватил за загривок пса, пробежавшего по двору.

Он прижал пса к земле и отсек ему голову кинжалом. Он отдал песью голову Сигурду и сказал: «Иди, унеси это Вишну. Скажи: вот голова Рудры! И он будет видеть мою голову — отсечённую, как он хотел».

33

Сигурд принёс Вишну песью голову. Окутанная покровом майи, она выглядела, как голова Рудры. Сигурд вытряхнул свою ношу из мешка, пропитанного кровью, и сказал: «Да, я сделал. Теперь делай ты, Создатель!».

Вишну закричал: «Ты всё ещё дышишь! И значит, ты обманул меня!».

Много мыслей метнулось в уме Сигурда, но он сумел поступить верно. Он сказал: «Блаженно то существо, что верит Создателю. Разве не твоё дыхание, о, Вишну, оживляет меня теперь?».

Вновь закричал Вишну: «То, что легко создано, не вызывает жалости и заботы! Стал бы я отдавать свой вздох тому, кто не заслуживает даже выдоха!».

И тогда страх охватил Сигурда и дух его сломался.

«Пощади меня, Создатель! — заплакал он, становясь на колени. — Я был принуждаем со всех сторон! Я подчинился сильному принуждению и обманул тебя!».

«А я не обманывал тебя, раб», — промолвил Вишну. Он задержал своё дыхание, и Сигурд покатился по полу, хрипя от удущья. И вновь стал дышать Вишну, и воздух вернулся к Сигурду.

И бог плюнул на подношение, и майя спала, и явилась песья голова. «Убирайся прочь, — сказал бог асуру. — Живи, ибо жизнь — это страдание! За твой обман и слабость я наказываю тебя жизнью!».

34

Вишну пришёл к Шиве и стал говорить ему: «Ты, Шива, искусный убийца, поразивший многих! Настало время битвы!»

Помоги мне — ведь Рудра устремился к моему городу с воинством асуров».

Шива же ответил: «Разве я убийца? Разве я дал меч демону и велел ему убить бога? Уходи и не раздражай меня больше, а иначе я поддержу своего внука оружием. Вот тогда ты заплачешь, Средний Брат!».

35

Предчувствуя битву, Вишну призвал своих потомков, и они пришли со всех сторон света, из бездн и с высот. Их было семьдесят семь, и каждый принял тысячу воплощений. Облачённые в доспехи, они стояли, опираясь на копья, и солнце горело красным на меди и белым на железе.

Поднявшись на башню Гало-

ки, Вишну спросил их: «Готовы ли вы покинуть свои тела и уйти путями кармы? Нынче многие тела будут разрушены мечом!».

Они ответили: «Да, отец! Мы будем ратоборствовать за тебя и охраним мир от потрясения!».

Они издали клич и потрясли копьями. То был боевой клич богов «Сва!».

А старший сын Вишну Бхирг спросил отца: «Почему мы ждём, почему не набросимся на врага?».

Вишну ответил: «Это не в моих свойствах. Если я поступлю так — мир исчезнет. Он и так уже покачнулся от того, что я вложил меч в руки демона! Нет, держа имя Господа в мыслях, мы будем ждать».

36

Но Бхирг пренебрёг словами отца и ушёл ночью, ведя за собой тысячную дружину. Он хотел внезапно напасть на Рудру и так покончить с ним. Когда Вишну узнал об этом, страх и волнение охватили его. Он поступил согласно своим свойствам — он послал гонца к Рудре. И гонец предупредил сына Сурьи об опасности. А второго гонца он послал к Бхиргу, чтобы сказать: «Рудра предупреждён. Остановись и жди!».

Так два войска встали друг против друга в долине Асс и стояли в пределах видимости.

Едва утро перешло в день, как разоружился Рудра, снял

доспехи и в белой рубахе, подпоясанной красным шнуром, пошёл через долину Асс в лагерь Бхирга. Сын Вишну велел пропустить его в свой шатёр. Они сели на землю, и между ними был пустой стол, ибо Бхирг не приказал подать пищу.

Рудра сказал: «Бхирг! Твой отец поступает, как бог, а ты поступаешь, как обезьяна. Почему так?».

Бхирг ответил: «Ты напал на нас, ты угрожаешь нам. Это очевидно!».

Тогда засмеялся Рудра. И, смеясь, молвил: «Хэй, Бхирг! Я был в шкуре белого волка, я знаю, что такое покой. Лишь к покою стремлюсь я, лишь к бездействию. Почему вы тревожите меня, звените мечами, кричите мне в ухо, задираете мне веки, когда я сплю? Отступитесь, дайте мне бездействовать!».

Он замолчал и взглянул в глаза Бхирга, и тот увидел, что смотрят на него два бога — Брахма и Шива — единым взором.

37

И Бхирг сказал: «Верный Равновесию, могу ли я не помять твою мечту о покое? Но меч занесён, он всё равно хлебнёт крови. Пусть это будет малое количество крови! Я предлагаю тебе единоборство, а войска пусть стоят безучастно, пока мы сражаемся».

«Я согласен», — ответил Рудра.

Бхирг продолжал: «Я думаю, будет справедливо, если мы сравнимся не чудесами и волшебством, а мечами и силой. Вот здесь, в сосуде из чёрной бронзы, содержится напиток, называемый Сома. Он даёт забвение богам, освобождает их ум от звуков Великой Мантры. Мы выпьем его и станем людьми, и поборемся, как люди, — лишь мечами и силой».

«Я согласен», — ответил Рудра.

Бхирг продолжал: «Вот сосуд из красной бронзы, и в нём — Амрита. Если некто утратил свои свойства, то он может их вернуть, глотнув Амриты. И тот из нас, кто победит, пусть выпьет из этого сосуда и вновь станет богом».

«Я согласен», — ответил Рудра.

И они договорились о битве в полдень, и Рудра покинул Бхирга.

38

В полдень закричали оба войска, потрясая оружием, ударяя в щиты рукоятями мечей.

Из рядов своих дружин выехали Бхирг и Рудра и шагом поехали навстречу друг другу. Бхирг сидел на коне рыжей масти, которого звали Длинное Летнее Солнце. А Рудру нес конь чёрной масти, именуемый Рождённый Завтра.

Сын Вишну надел пластин-

чатый доспех из жёлтой меди, покрыл голову многослойным шлемом из кабаньей шкуры. Сын Суры защитил себя рубашкой из мелких железных звеньев, мерцающих подобно инею, а на голове у него был стальной шишак, чёрнёный, с серебряным навершием, подбитый изнутри толстым войлоком. Оба вооружились длинными мечами и каждый имел ещё по боевому топору с двумя лезвиями.

И они встретились на равном расстоянии от своих дружин.

39

Бхирг вынул из седельной сумы бронзовый сосуд — чёрную бронзу — вместилище Сомы. Он сказал: «Хозяин напитка потчует неимущего, а потому — пей первым, Рудра!».

Рудра принял сосуд и отпил глоток. Великая Мантра умолкла в уме Рудры, и священная речь распалась, стала, как шорох и бульканье. Бхирг взял из рук Рудры вместилище Сомы, он замкнул сосуд пробкой и вернул его в суму. Он сказал: «Я победил, Рудра, потому что не буду пить Сому, а ты уже выпил. Без битвы, без крови — вот так победил я! Поезжай с миром, человек, живи, глядя в землю, — а что тебе делать ещё?».

Совершенно уверенный в своей победе, Бхирг повернул коня и поехал к дружине. А Рудра ударил его мечом в спину.

Закричал от боли сын Вишну, страшась умереть, торопился он залечить рану, выкрикивая мантру исцеления. А Рудра молча сидел в седле на спокойном коне, смотрел на Бхирга, держал в опущенной руке меч — длинное лезвие.

Когда исцелился Бхирг, Рудра сказал ему: «Разъедемся до краёв поля, оттуда разгоним коней и на скаку ударим друг в друга. Так я разумею единоборство».

Тогда выхватил Бхирг из седельной сумы бронзовый сосуд — красную бронзу — вместилище Амриты. И крикнул он Рудре: «Вот возьми, пей и уезжай прочь! Но прежде поклянись, что не станешь воевать ни с моим отцом, ни с потомством моего отца!». Так говорил Бхирг, ибо смекнул, что Рудра исполняет клятвы.

Но Рудра ответил ему: «Я не жажду».

40

Они отъехали каждый к строю своей дружины и развернули коней, и взъярили их, и устремились друг на друга на взъярённых конях. И когда сшиблись они посреди поля, ударил Бхирг топором и рассёк Рудре левое плечо, и застряло лезвие в рёбрах ниже ключицы. А Рудра мечом отсёк голову коню Бхирга, ибо с самого начала решил он сделать так, зная, что всадник защищён мантрами и потому неуязвим.

Расплёскивая кровь, вздыбился обезглавленный конь и рухнул на спину, сбросив седока. Тогда Бхирг схватил Рудру за пояс и сдёрнул с седла. Он бросил его оземь, как глыбу, и, сказав заклятие, превратил меч Рудры в ржавчину. Но поднялся Рудра и встал, шатаясь. Кровь заливала его уста, и кольчуга на груди скрылась под наплывами крови. Топор Бхирга торчал у него из груди, увязнув в рёбрах. С обнажённым мечом пошёл на него Бхирг, целясь срубить голову. Но увернулся сын Сурьи, упал, покатился по земле и опять поднялся. Трижды наступал на него Бхирг и рубил, руки рассёк до костей, мышцы спины и бёдер расслоил клинком, а всё ж не мог поразить насмерть. Вновь поднимался сын Сурьи, стоял, шатаясь, и смотрел в глаза Бхиргу.

41

Когда Бхирг поразил Рудру топором, то нестерпимая боль охватила Вишну.

Бог Середины сказал: «Это мой сын, моё продолжение. Он действует сейчас против моей сути — нарушает клятву, колеблет равновесие!».

Ещё сказал Вишну: «Если Шива будет созидать — он погружится в страдание. Если Брахма будет разрушать, то причинит мучение сам себе. А когда я пренебрегаю Равновесием, то вся боль мира притекает ко мне! Будь про-

клят мой сын, что мучает меня сейчас!».

И ещё сказал Вишну: «О, Бхирг! Не Рудру убиваешь ты, а меня, ты во мне насаждаешь боль каждым своим ударом!».

42

Трижды поднялся Рудра, и на третий раз закричал Бхирг, ибо страх просочился в его душу, ибо усомнился он в действии Сомы, хотя она действовала безупречно. Сын Вишну крикнул, обращаясь к Рудре: «Лежи и не вставай! Именем отца клянусь, именем матери уверяю — оставайся лежащим, и я помилую тебя!».

И когда крикнул он так, невероятной стала боль, охватившая Вишну, потому что лгал Бхирг, именами родителей подкреплял ложную клятву.

43

Вскочил Вишну, сделал три шага и превратился в птицу Гаруда — совершенно чёрную птицу, клюв которой из прозрачного золота.

Взмахнула крыльями Гаруда — затряслись строения в Галоке, пыль и стебли трав взлетели над полями окрестности. Гаруда понеслась к месту битвы, оставляя за собой ревущий ветер, и ураганы стекали с её крыльев.

44

Пролетая над местом битвы, крикнула Гаруда: «Бхирг, Бхирг! Погляди в небо!».

Узнав голос отца, Бхирг поднял голову, открыв горло. Он испытал страх перед отцом, и страх высосал из него силы, и заклятия защиты ослабели. В тот миг выдернул Рудра топор из своей груди и рассёк шею Бхирга через гортань до позвоночника. Навзничь упал сын Вишну, ноги его дёргались и тело выгнулось вверх дугой. Тогда Рудра стал бить его топором куда попало, и лезвие то прорубало доспехи Бхирга, то отскакивало от них, ибо очень ослабел сын Сурьи. И с каждым ударом, нанесённым Бхиргу, отступала боль, мучившая Вишну. Точно опьянённый был Вишну, ибо сладостен миг отступления боли. И кричала Гаруда, вращаясь над местом битвы: «Руби его, сын Сурьи! Руби его, как толстую ветвь, как буйволиное бедро!». Наконец, истощился Рудра и опомнился, и увидел, что уже мёртв Бхирг. Труп лежал перед Рудрой, и вся плоть трупа была разлохмачена лезвием топора. Тогда повернулся сын Сурьи и пошёл к своей дружине, но, сделав три шага, уронил оружие и сам упал ничком.

(Окончание следует).

Краткие аннотации

Белобородов В.К., Пуртова Т.В. Ученые краеведы Югры: библиографический словарь / Ханты-Мансийская окружная библиотека. — Тюмень: СофтДизайн, 1997. 352 с.

Авторы — известные краеведы Среднего Приобья — продолжили дело, начатое в 1995 году выходом книги «Югорские краеведы. Материалы к библиографическому словарю». Они разместили по алфавиту свыше 270 справок со списками литературы об ученых и краеведах Югры, проживавших в ней в XIX и XX вв. Персоналии касаются людей гуманитарного знания, кроме философии, социологии, юриспруденции, экономики, медицинских и естественно-технических наук.

Уникальность словаря в том, что авторы отказались от деления краеведов на маститых, увенчанных наградами и почетными званиями. Рядом соседствуют учитель П. Ситников, занимавшийся историей народного образования и топонимикой, и общественный, государственный деятель Н. Скалзубов, автор естественно-исторического описания Тобольской губернии (1899).

Эта книга — бесценный дар энтузиастам и исследователям югорского краеведения, поскольку

ку воссоздает практически всю полноту историко-культурной жизни края, хотя есть статьи с неполными данными и ошибками. На это указал в своей рецензии в «Литературной России» В. Огрызко. От себя добавим, что в библиографии Е. Айпина не указаны две работы о нем, вышедшие в Тюмени в 1980 и 1987 годах.

В конце словаря приложен подробный список публикаций о крае за 1995—1996 гг. Известный сибиревед, профессор Ю. Прибыльский (Тобольский пединститут) верно отмечает в своем послесловии «Подвижники духа», что этот труд не имеет аналога в современной российской краеведческой литературе. Думаю, что авторы поступили правильно, поместив в издание собственные персоналии. Словарю предпослан также капитальный обзор В. Белобородова об истории и современных проблемах историков краеведения.

Федосеенков М.А. Вехарь: Книга стихов. — Тюмень: Издво Тюменского госуниверситета, 1997. 120 с.

Известно, что вехарь — тот, кто идет впереди по трудному и неизведанному пути и метит дорожку вехами — упругими прутьями.

Символичное название книги выдаст стремление поэта увлечь читателя своими сокровенными лирическими медитациями, когда сердце отзывается на роковые вопросы текущего смутного времени. Помимо лирического цикла, в книгу включены «Абевега. Поэма всего», «Поэма преемственности» и «Повесть неведомых былей».

Лирический масштаб в книге простирается от горних божественных высей Спасения до малыша, который бежит за лодкою бумажной. Главное желание поэта — двинуться «в иную протяженность от круговерти суетных потреб». Туда, где «останется то, что над миром. Этот тополь и щебет скворца, этот двор со скрипучим настилом, этот запах родного крыльца...».

Любопытны сюжетно-лирические наблюдения автора над коллегам. Так, Владимир Белов представлен «с бакенбардами — Пушкин голимый», Владимир Шумков сопоставлен с Микеланджело, а Петр Суханов с бороною — двойник Левитана. Реакцию последнего нетрудно предугадать, хотя эти лирические «мемуары» — ироническая инверсия, поскольку сам про себя М. Федосеев пишет: «И во мне есть от Горького что-то, как это ни странно...». Побывал автор и в поэтическом раю, повидался с Ломоносовым, Державиным, Есениным, Клюевым, Маяковским...

В книге много стихотворений, отмеченных личной печатью любовной лирики. «Вехарь» — пятая книга тюменского поэта.

Лагунов К.Я. Отрицание отрицания: роман в 2-х книгах. — Тюмень: Вектор Бук, 1998. 720 с.

В нынешние тяжелые для подлинно художественной литературы времена, особенно социально-реалистического направления (не развлекательно-детективного, порнушно-чернушного, мистическо-эротического), выпустить крупномасштабный этико-философский роман — редкое и замечательное событие в региональной культуре. Последний раз читатели получили изданный роман нашего известного прозаика и публициста К. Лагунова в 1992 году («Завтрак на траве»). Спустя шесть лет (как чудо!) к нам явился этапный труд автора во вполне современном оформлении, правда, с незначительными техническими ошибками, которые свидетельствуют о молодости тюменского «Вектор Бука».

Книге предпослано емкое и убедительное вступление «Об авторе и его романе», подписанное Аполлинарией Новоселовой (догадываюсь, кто это, но не скажу!). Наконец-то вышел долгожданный десятый роман всероссийски и за рубежом знаменитого прозаика. «Отрицание отрицания» — важный рубеж в его творчестве и новая перспектива. Автор новаторски синтезирует многие мотивы и образы своих прежних сочинений: «Ордалии», «Красных петухов», «Больно берег крут», «Бронзового дога», «Завтрака на траве» и других, эпической и философской нитью сплетая грандиозное полотно, огромную панораму российской жизни, богатого «черным

золотом» края за период с 1981 по август 1991 года, в котором легко угадываются наша Тюмень и северные города и промыслы.

Роман взят в жесткое историческое кольцо смутного десятилетия. Он начинается историко-софской фантастической сценой в кабинете первого секретаря крайкома партии Серафима Бархударова и в нем же заканчивается в роковые, переломные августовские дни 1991 года, когда офицер непонятно чьей армии пришел опечатывать его кабинет по причине приостановления тогда деятельности КПСС.

Но принцип «отрицание отрицания» живуч. Вот Брежнев давит на Бархударова всей своей властью, дабы уже накренившаяся «колымага» нашего нефтегазового комплекса, вконец «раздавленная» почетным заданием партии, — дожала, дала еще лишних 3–4 млн. тонн нефти. Ибо она источник и резерв валюты в СССР. «А в этом комплексе ничего комплексного: не заштопано, так залатано, не узел, так затяжка — непроглядный первобытный хаос. Промыслы, трубопроводы, дороги, новые города и поселки изнахратили тайгу, покорежили тундру, загадили реки и озера, но не превратили Клондайк в современный индустриальный район...».

«Триумф» и «Крах» (так названы две части романа) нашего НГК — тоже отрицание отрицания, поняв которое, Бархударов застрелился. Такова страшная «последняя точка». Автор глубоко и ху-

дожественно анализирует судьбы России и нашего сибирского края, достигая того редкого эпического равновесия, когда личный материал становится равновеликим масштабу всей державы, поднимаясь и до вселенских высот. Пожалуй, впервые в российской литературе показаны вся глубина проклятых вопросов отечества, страданий и радостей людей, судьбы и конфликты, ждущие покровительства Веры, Надежды, Любви.

Пантос (Петр Антонович Суханов). В мире животных: Басни для взрослых. — Екатеринбург: Издатель Н. Капорейко, 1998. 40 с.

Очередная, довольно необычная книга известного тюменского поэта, живущего в Сургуте, члена СП России. На этот раз он выступает в нравоучительно-сатирическом жанре, одев в зверино-животные маски «героев» нынешнего смутного времени. Напечатано 15 басен. И про крокодила, влюбившегося в жабу, которую съели его друзья, и про блоху, которая явилась за последней кровью к большому старому клопу, и про «колхозное», где «кузнечик впрыгнул в кружку в самогонкой».

Любопытны концовки, в басне «про ишака» написано: «Мораль проста, как дважды два: Ишак испачкал имя Льва!».

Одно несомненно — в древний жанр наш поэт добавил новых красок по собственному разумению. Приятно удивляет полиграфическая культура издания.

Завершен выпуск серии
«Невидимые времена»,
начатый издательством
«СофтДизайн»
в сентябре 1997 г.

Т. 1. — Носилов Константин Дмитриевич.

На Новой Земле: Очерки и наброски/Составление тома Ю.Л. Мандрики, предисловие А.К. Омельчука, примечания Л.С. Филипповой. — 1997. — 368 с. (Сер.: «Невидимые времена»).

Т. 2. — Лухманова Надежда Александровна.

Очерки из жизни в Сибири: Избранные произведения/Составление тома Ю.Л. Мандрики, предисловие К.Я. Лагунова, примечания Н.Ф. Швейбельман. — 1997. — 464 с. (Сер.: «Невидимые времена»).

Т. 3. — Чукмалдин Николай Мартемьянович.

Мои воспоминания: Избранные произведения/Составление тома Ю.Л. Мандрики, послесловие П.М. Г-ва. — 1997. — 368 с. (Сер.: «Невидимые времена»).

Т. 4. — Носилов Константин Дмитриевич.

У вогулов: Очерки и наброски/Составление тома Ю.Л. Мандрики. — 1997. — 304 с. (Сер.: «Невидимые времена»).

Т. 5. — Знаменский Михаил Степанович.

Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения/Составление тома Ю.Л. Мандрики, предисловие и примечания В.А. Рогачева. — 1997. — 384 с. (Сер.: «Невидимые времена»).

Т. 6. — Обряды, обычаи, поверья: Сборник статей.

[П. Городцов, М. Костюрина, И. Неклепаев, Н. Осипов, З. Плотников, Н. Сколосубов, И. Шамаев]/Составление тома Ю.Л. Мандрики, предисловие Н.А. Рогачевой. — 1997. — 400 с. (Сер.: «Невидимые времена»).

Т. 7. — Литературные фантомы: Избранные произведения.

[И.Я. Словцов, Е.Л. Милькеев, Е.В. Кузнецов]/Составление тома

Ю.Л. Мандрики, предисловия Ю.Л. Мандрики, Н.А. Рогачевой, В.А. Чупина. — 1997. — 464 с. (Сер.: «Невидимые времена»).

Т. 8. — *Абрамов Николай Алексеевич.*

Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии/Составление тома Ю.Л. Мандрики и В.А. Чупина, предисловие Ф. Петухова, примечания Ю.Л. Мандрики и В.А. Чупина. — 1998. — 576 с. (Сер.: «Невидимые времена»).

Т. 9. — *Князев В.В., Плотников М.П.*

Русь: Избранное / Составление тома Ю.Л. Мандрики и В.А. Рогачева, предисловие В.В. Огрызко и В.А. Рогачева. — 1998. — 544 с. (Сер.: «Невидимые времена»).

Т. 10. — *Наумов Николай Иванович.*

Избранное: Рассказы, очерки, этюды/Составление, предисловие и примечания Н.Н. Горбачевой и Н.А. Рогачевой. — 1998. — 426 с. (Сер.: «Невидимые времена»).

По вопросам приобретения книг обращайтесь:
625002, г. Тюмень, а/я 5579.

Или звоните:

(345-2)25-12-84

Стоимость комплекта из 10 томов —
250 рублей
(без пересылки).

Стоимость отдельного тома
от 30 до 50 руб.
(без пересылки).

**Юридическим лицам возможен отпуск книг без предоплаты,
физическим — наложенным платежом.**

Книги местных авторов

Анисимкова М.К. Плач гагары: Исторический роман. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. — 528 с.

Роман Маргариты Анисимковой, члена Союза писателей России, повествует о событиях малоизвестной читателю эпохи дворцовых переворотов и охватывает 1729–1739 гг. В центре романа — судьба одного из крупнейших аристократических родов России — Долгоруковых.

Акимов В., Волынец Н., Морозов А. Земляки. — Нижневартовск: Приобье, 1998. — 128 с.

Сборник содержит стихотворения и дружеские шаржи, посвященные старожилам Нижневартовска.

Барабанова Л.П. Умиление злых сердец: Сборник стихов. — Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 1997. — 96 с.

Поэтесса известна читателю как журналист, автор книги «Град Тобольск: Этюды о заповедном городе». Книга открывает новые грани таланта Л. Барабановой.

Бармин П.В. От первого лица: Стихотворения. — Нижневартовск: Приобье, 1997. — 112 с.

«От первого лица» — первый сборник стихотворений поэта из г. Радужного Павла Бармина. Тематически он разноплановый — стихи о сегодняшнем времени, раздумья о

любви и верности, строки, посвященные однополчанам, воинам, прошедшим кровавую войну в Афганистане. Прошел ее и сам поэт, офицер Павел Бармин.

Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XVI—XIX вв. — Тобольск: Тобольский государственный музей-заповедник, 1997. — 224 с.

В книге освещаются вопросы заселения и хозяйственного освоения центральной части Западной Сибири — района наиболее раннего оседания русских переселенцев.

Основное внимание автора обращено к процессу становления и развития земледельческих поселений от временных — заимки, «пашни наездом» до деревни в широком понимании, с определением ее функциональной, типологической и сословной структуры с конца XVI до рубежа XIX—XX веков. Кроме того, показан механизм организации в регионе таких поселений, как острог, слобода, погост, ям, село.

В работу вошли малоизвестные и впервые публикуемые источники из фондов РГАДА, РГИА, ТФГАТО, ТГИАМЗ, в которых сохранены орфография и стиль оригинала.

Книга рассчитана на историков, преподавателей, студентов, краеведов и широкий круг читателей.

Браверман Е.М. Парус надежды. Стихи. — Нижневартовск: Приобье, 1997. — 176 с.

В данном сборнике опубликованы как ранее изданные, так и новые стихи автора. Поэт пробует себя в жанре пародии. В книге любители этого жанра могут встретить много знакомых имен местных авторов — А. Васильева, С. Горбунова, В. Захарченко, С. Комаров, С. Пивоваров, М. Федосеенков и др.

Век Евг. Толпа: Повесть, рассказы, стихи. — Нижневартовск: Приобье, 1997. — 112 с.

Первая книга прозаика из города Радужного. Талантливо, динамично он живописует памятные картины поры детства, реализует в жанре новеллы свои впечатления. Умеет выразить емко, контрастно в немногом. Можно считать эту книгу серьезной заявкой на большую литературную тропу.

Истомин И.Г. Живун: Роман, повесть, рассказы. Т.1/Предисл. Ю.Н. Афанасьева — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. — 432 с.

Переиздание одноименного романа, повести «Последняя кочевка» и рассказов старейшего ненецкого писателя. Произведения, написанные на автобиографической основе, воссоздают историю Тюменского Севера 20–30-х годов нашего столетия.

Мазин В.А. Пристань радостей и печалей: Сборник стихов. — Сургут: ИИК «Северный дом», 1997. — 112 с.

Основу книги Владимира Мазина составляют страницы, посвященные Нижневартовску, Ларьяку — месту рождения поэта, его хантыйским предкам по линии отца. В результате творческой работы над рукописью автору удалось дополнить ее многими новыми стихотворениями, отра-

жившими происхождение автора, связанного в себе самобытность хантыйской и русской культур.

Многие из стихотворений, включенные в сборник, были опубликованы в нижевартовских газетах и журнале «Югра».

Манец А.Ф. Почем фунт лиха: Документальные повести и рассказы. — Сургут, Северо-Сибирское региональное кн. изд-во, 1998. — 152 с. — (Сер. «Первая книга автора»).

В основу книги «Почем фунт лиха» легли записи из дневника ветерана Сургутского вышкомонтажного управления Алексея Манца.

Она состоит из документальных повестей, рассказов, объединенных одной идеей — романтика трудовых будней всегда присутствовала в жизни геологов Западной Сибири.

Книга представляет интерес как для непосредственных участников событий минувших дней, так и для широкого круга читателей.

Немысова Е.А. Хантыйская литература в школах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Учебная хрестоматия: В 2-х книгах. — Ханты-Мансийск: Н.И.К., 1996. — Кн.1 — 172 с.; Кн.2 — 152 с.

В книге, адресованной старшеклассникам обско-угорских школ, студентам, представлено творчество хантыйских поэтов и писателей на русском и хантыйском языках. Имеется справочный аппарат.

Новиков В.П. История кондинских оленей. — Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996.

В книге рассказывается о кондинской популяции лесного северного оленя. Описываются особенности эко-

логии кондинских оленей и их хозяйственное использование. Малочисленность и периферийное положение популяции являются предпосылками ее возможного исчезновения в условиях промышленного освоения тайги Западной Сибири. Показаны этапы создания в Ханты-Мансийском автономном округе Тюменской области особо охраняемой территории для сохранения кондинских оленей (от заказника до национального парка). Книга имеет природоохранное значение, может использоваться для экологического образования и просвещения.

Мищенко А.П. Выстрелы на Ильегане. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. — 240 с.

Полная охотничьих приключений и лирических раздумий о гармонии человека и природы, книга привлекает своей добротой, «пришвинской» палитрой красок в живописании лесного мира. Философские поиски автора основаны на хорошем знании жизни; из этого же незамутненного источника — и своеобразный язык повествования. Образ лося Белозведа — это продолжение в нашей современной литературе традиций толстовского «Холстомера». В повести отчетливо звучат мотивы судьбы и жизни охотника и поэта ненца Юрия Айваседа, нового героя в нашей современной литературе, провозвестником которого стал Дерсу Узала. В конечном счете размышления писателя сводятся к тому, как же сегодня жить человеку с человеком.

Вместо послесловия — рассказ о мценатах — тюменских геофизиках.

Облака: Литературно-художественный студенческий альманах. Выпуск 1. — Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 1997. — 212 с.

Собраны разные по жанрам и тематике произведения молодых, начинающих свой путь в литературе и журналистике авторов.

Очертания основ: Стихи/Сост. М. Федосеев. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. — 112 с.

Сборник включает стихи более чем тридцати авторов (а также работы одного переводчика) из разных городов и всей Тюменской области. В основном это участники литобъединений и областных литературных семинаров последних лет.

Ругин Р.П. Сорок Северных Ветров: Повести. Том 1. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1996. — 480 с.

Сборник повестей хантыйского писателя, лауреата литературной премии Союза писателей РФ рассказывает о людях Севера, об их прочных, вековых связях с природой, о взаимоотношениях нашей современности с традиционным укладом ханты.

Ругин Р.П. Мелодии Полярного круга: Стихи. Том 2. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1996. — 288 с.

Книга стихов известного хантыйского поэта, лауреата литературной премии Союза писателей РФ, члена-корреспондента Петровской академии наук и искусств.

Селиванов Ф.А. Избранное. — Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 1998. — 240 с.

Включены опубликованные ранее философские работы о причине, покое, ошибке, заблуждении, благе, моральной норме, разуме, глупости,

культуре мышления и т.д., а также некоторые публицистические и литературные произведения.

Сокерин А. Дорога жизни: Стихи, басни, поэмы. — Тобольск, 1995. — 324 с.

В настоящую книгу включены стихи фронтовика, написанные в разное время.

Никон Социхин. Неувядаемый цветок: Сибирская любовная лирика. — Москва: Интер-Весы, 1995. — 112 с.

Проста и бесхитростна песня певица из Сургута — «земля там сильнее и люди там крепче душой».

Тропа жизни учителя Знаменского /Сост. В.К. Белобородов. — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 1998. — 336 с. — (Сер.: «Люди земли югорской»)

Книга содержит материалы о жизни и деятельности сургутского учителя Аркадия Степановича Знаменского и старших представителей рода Знаменских, воспоминания его коллег и учеников, заметки самого Знаменского о природе и обществе, назначении человека и его жизненном пути, вере, нравственном самоопределении, судьбе — «Летающие мысли». Сборник ориентирован на читателя, интересующегося историей Сургута и всего Ханты-Мансийского автономного округа.

Хрестоматия по истории философии/Сост. В.Б. Хозиев. —

Сургут: ИИЦ Сургутского гос. ун-та, 1997. — 200 с.

Включенные в хрестоматию философские фрагменты (Р. Декарт, Гегель, Э. Ильенков) относятся к проблемам взаимодействия «колыбели всех наук» с психологией. Каждое из них знаменует веху в развитии человековедения и потому должно быть введено в обиход профессиональной психологической мысли: и теоретической, и практической.

Ястребинов Я. Год кабана: Повесть. — Сургут: ИИК «Северный дом», 1996. — 176 с.

История развития и упадка животноводческого комплекса, история директорства Вадима Петровича Краснова, история его «греховной» любви — вот три линии, объединенные рамками сюжета повести, которую представляет на суд читателей автор, проживший на Приобском Севере более двадцати лет.

Это первая повесть, которую Я. Ястребинов (Кузьмин) подготовил к печати. Она с интересом будет воспринята как непосредственными участниками событий, описанных в книге, так и широким кругом читателей.

Янтарный город на заре...: Книга лирики. — Ноябрьск, 1997. — 288 с.

Эта книга о Ноябрьске в лирических откровениях его людей, обладающих поэтической одаренностью, живущих бок о бок с нами, у каждого из которых своя судьба, своя дорога, своя муза, свой поэтический мир...

Книги издательства «СофтДизайн»

Баикина А.И., Додонова Л.А.
Аристократы капитала: Очерки истории российского предпринимательства и благотворительности X–XX вв. — 1994. — 352 с.
ISBN 5-88709-001-4

Табашников И.Н. Газета и дизайн. — 1994. — 160 с.
ISBN 5-88709-002-2

Ханиса Алишина. Боль моя и радость — язык сибирских татар. — 1994. — 48 с.
ISBN 5-88709-003-0

Александр Рахвалов. Барский лес, или Пора кедрового ореха: «Лесная» книга. — 1995. — 160 с.
ISBN 5-88709-004-9

Басков Ю.И. Сокол Гамаюн: Стихи. — 1995. — 96 с.
ISBN 5-88709-005-7

За полчаса до боя курантов...: Рассказы о Тюменской

областной клинической больнице. — 1995. — 192 с.
ISBN 5-88709-006-5

Дорогами войны. Сборник воспоминаний и очерков о Великой Отечественной войне. — 1995. — 272 с.
ISBN 5-88709-007-3

Защитники Отечества: Поименный список сургутян — участников Великой Отечественной войны, умерших за послевоенные полвека. — 1995. — 96 с. (Вып. 1).
ISBN 5-88709-008-1

Журавкова (Раузер) Д.Р. А осени так мало остается... — 1995. — 64 с.
ISBN 5-88709-009-X

Поэзия в работе и сердцах: Стихи, очерки, зарисовки. — 1995. — 128 с.
ISBN 5-88709-010-3

Ефремова Л.Г. Непойманная птица. — 1995. — 112 с.
ISBN 5-88709-011-1

Горбунов С.Г. До ближайшей звезды. — 1995. — 64 с.
ISBN 5-88709-012-X

Массальская Н.П. Я — зеркало твое... — 1995. — 96 с.
ISBN 5-88709-013-8

Ядне Н.Н. Я родом из тундры. — 1995. — 256 с.
ISBN 5-88709-014-6

Зосимов Ф.Н. Диффузный слой и минерализация пластовых вод. — 1995. — 192 с.
ISBN 5-88709-015-4

Ленцов Ю.А. Круговорот. — 1995. — 128 с.
ISBN 5-88709-016-2

Кондратенко В.И., Петкевич Ф.П. Особенности организационной структуры и стратегии управления в рыночных условиях хозяйствования: Теория, опыт, практика. — 1995. — 128 с.
ISBN 5-88709-017-0

Рахвалов Александр. И всюду лик коня: Роман. — 1995. — 144 с.
ISBN 5-88709-018-9

Федосеенков М.А. Разночтение. Книга стихов. — 1995. — 96 с.
ISBN 5-88709-019-7

Энергия «стольного града...»: Страницы истории Тобольской ТЭЦ/Составление и литературная запись А. Рахвалова. — 1995. — 192 с.
ISBN 5-88709-020-0

Марласов А.М. Белый посох. Стихи.ю — 1995. — 176 с.
ISBN 5-88709-021-9

Под сенью Нохар-Юха: Альманах салехардских литераторов. — 1995. — 288.
ISBN 5-88709-022-7

Сусой Е.Г. Леонид Лапцуй. Страницы жизни и творчества: Пособие для учащихся. — 1995. — 80 с.
ISBN 5-88709-023-5

Тоболкин З.К. У Бога за пазухой: Роман. — 1995. — 224 с.
ISBN 5-88709-024-3

Суханов П.А. Площадь света: Книга стихотворений. — 1995. — 416 с.
ISBN 5-88709-025-1

Поколение покоя: Сборник стихотворений / В. Белов, В. Захарченко, С. Комаров: Сост. С. Комаров и Ю. Мандрика. — 1996. — 160 с.
ISBN 5-88709-026-X

Ядне Н.Н. Я родом из тундры: Повести, рассказы, воспоминания, публицистика. — 1995. — 256 с.
ISBN 5-88709-027-8

Занкиев Я.К. Зори Иртыша. Роман. Книга первая. — 1996. — 272 с.
ISBN 5-88709-028-6

Ардашева Н.А. Проблемы гражданско-правового обеспечения прав личности в договоре на оказание медицинской помощи. — 1996. — 144 с.
ISBN 5-88709-029-4

Захарченко В.И. Русская душа: Книга стихотворений. — 1996. — 64 с.
ISBN 5-88709-030-8

Тарханов А.С. Плач неба: Книга стихотворений. — 1996. — 304 с.
ISBN 5-88709-031-6

Переpletкин Ю.И. Особый регион: Повести. — 1996. — 304 с.
ISBN 5-88709-032-4

Шумков В.А. На краю планеты: Книга стихотворений. — 1996. — 80 с.
ISBN 5-88709-033-2

Симонов Е.Р. Дождь. Из лирической тетради. — 1996. — 96 с.
ISBN 5-88709-034-0

Мир глазами молодых: Творчество студентов Тюменского госуниверситета, будущих журналистов. — 1996. — 240 с.
ISBN 5-88709-035-9

Строгальщиков В.Л. Слой: Роман. — 1996. — 272 с.
ISBN 5-88709-036-7

Подымова М.П. Яблочки на-

ливные: Новеллы, этюды, рассказы. — 1996. — 56 с.
ISBN 5-88709-037-5

Мальцева К.Г. Повести о любви земной: Рассказы. — 1996. — 24 с.
ISBN 5-88709-038-3

Космос Севера: Сборник статей/Редактор-составитель О.К. Лагунова. — 1996. — 192 с.
ISBN 5-88709-039-1

Литература Тюменского края. Хрестоматия в трех книгах: Кн. I. 5—7 кл. / Сост. Г.И. Данилина, Н.А. Рогачева, Е.Н. Эртнер. — 1996. — 304 с.
ISBN 5-88709-040-5 (кн. 1)

Литература Тюменского края. Хрестоматия в трех книгах: Кн. II. 8—9 кл. / Сост. Г.И. Данилина, Н.А. Рогачева, Е.Н. Эртнер. — 1996. — 240 с.
ISBN 5-88709-041-2 (кн. 2)
ISBN 5-88709-042-1 (для всех 3-х книг)

Литература Тюменского края. Хрестоматия в трех книгах: Кн. III. 10—11 кл. / Сост. Г.И. Данилина, Н.А. Рогачева, Е.Н. Эртнер. — 1996. — 272 с.
ISBN 5-88709-043-X (кн. 3)

Ханты-Мансийский окружной краеведческий музей: 60 лет. — 1996. — 32 с.
ISBN 5-88709-044-8

Ценные бумаги: Словарь / Под редакцией В.С. Анфимова. — 1996. — 480 с.
ISBN 5-88709-045-6

Бахлыков П.С. Юганские ханты: история, быт и культура: Краткое историческое повествование о ханты Сургутского района / Послесл. С.Г. Пархимовича. — 1996. — 208 с.
ISBN 5-88709-046-4

Сергеев Д.А. Куда улетают халей...: Стихи / Предисл. В.А. Рогачева. — 1996. — 144 с.
ISBN 5-88709-047-2

Мария Вагатова (Мария Кузьминична Волдина). Маленький Тундровый Человек: Стихи, сказки/Предисл. В.Н. Соловар. — 1996. — 208 с.
ISBN 5-88709-048-0

Тайны женского очарования/Сост. В.П. Чашникова. — 1996. — 144 с.
ISBN 5-88709-049-9

Анна Неркаги. Молчащий: Повести/ Послесл. В.А. Рогачева. — 1996. — 416 с.
ISBN 5-88709-050-2

Теория и экология разума: Выпуск 5/Под ред. Ю.В. Ларина. — 1996. — 128 с.
ISBN 5-88709-051-0

Гущина И.В. Разрыв-трава: Стихи. — 1996. — 88 с.
ISBN 5-88709-052-9

Михайлов К.А. Стихи: Первая книга поэта. — 1997. — 160 с.
ISBN 5-88709-053-7

Природа края в художественной литературе: Домашние животные / Сост. О.Н. Гаврилова. — 1997. — 240 с.
ISBN 5-88709-054-5

Природа края в художественной литературе: Времена года / Сост. О.Н. Гаврилова. — 1997. — 272 с.
ISBN 5-88709-055-5

Природа края в художественной литературе: Растительный мир / Сост. О.Н. Гаврилова. — 1997. — 256 с.
ISBN 5-88709-056-1

Природа края в художественной литературе: Животный мир / Сост. О.Н. Гаврилова. — 1997. — 480 с.
ISBN 5-88709-057-X

Аханов А.И. Черная лаванда: Документальная повесть. — 1997. — 208 с.
ISBN 5-88709-058-8

Тавровский В.М. Лечебно-диагностический процесс: Теория. Алгоритмы. Автоматизация. — 1997. — 320 с.
ISBN 5-88709-062-6 (англ.)
ISBN 5-88709-059-6 (русс.)

Тарасов А.И. Экскурсии в лес по экологической тропе: Методическое пособие в помощь воспи-

тателю ДДУ и учителю начальной школы. — 1997. — 64 с.

ISBN 5-88709-060-X

Тарасов А.И. Рекомендации по проведению озеленительных работ в городах и поселках Среднего Приобья: Руководство по озеленению. — 1997. — 128 с.

ISBN 5-88709-061-8

Сюбаев Б.И. Взвод Тоболкиных: Документальная повесть. — 1997. — 232 с.

ISBN 5-88709-063-4

Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. — 1997. — 264 с. — Репринт изд.

ISBN 5-88709-064-2

Пивоваров С. П. Ребята нашего двора: Стихи. — 1997. — 76 с.

ISBN 5-88709-065-0

Зобнин А. И. «Кусочки негленной души...»: Стихи. — 1997. — 88 с.

ISBN 5-88709-066-9

Бурова С.Н. Советская классика в новом прочтении: Лекции по истории русской литературы XX века. — 1997. — 108 с.

ISBN 5-88709-067-7

Патранова В. В. Город большой судьбы. — 1997. — 120 с.

ISBN 5-88709-068-5 (русс.)

ISBN 5-88709-069-3 (англ.)

Строгальщиков В.Л. Слой-2: Роман/Послесл. В.А. Рогачева. — 1997. — 352 с.

ISBN 5-88709-070-7

Белобородов В.К., Пуртова Т.В. Ученые и краеведы Югры: Библиогр. словарь/Ханты-Мансийская окр. б-ка. — 1997. — 352 с.

ISBN 5-88709-071-5

Тихомиров К.В. Тотальный романс: Драматические произведения, проза, стихи. — 1997. — 208 с.

ISBN 5-88709-072-3

Строгальщиков В.Л. Слой. Слой-2: Романы. — 1997. — 656 с./Послесл. В.А. Рогачева.

ISBN 5-88709-073-1 (отд. кн.)

ISBN 5-88709-086-3

Литература Тюменского края: Книга для учителя и ученика/Под ред. Н.А. Рогачевой. — 1997. — 368 с.

ISBN 5-88709-074-X

Лукоморье. Литературная хрестоматия: Книга для учащихся 5—7 кл./Сост. Н.Н. Горбачева, Н.А. Рогачева. — 1997. — 320 с. — (Серия «Российская провинция: От Карского моря до приишимских степей»).

ISBN 5-88709-075-8 (серия)

ISBN 5-88709-076-6

Страна без границ. Литературная хрестоматия для учащихся 8—11 классов в 2 кни-

гах: Книга 1 / Сост. Н.Н. Горбачева, Н.А. Рогачева. — 1998. — 320 с. — (Серия «Российская провинция: От Карского моря до приишимских степей»).

ISBN 5-88709-077-4

Страна без границ. Литературная хрестоматия для учащихся 8–11 классов в 2 книгах: Книга 2 / Сост. Н.Н. Горбачева, Н.А. Рогачева. — 1998. — 496 с. — (Серия «Российская провинция: От Карского моря до приишимских степей»).

ISBN 5-88709-078-2

Носилов К. Д. На Новой Земле: Очерки и наброски / Сост. Ю.Л. Мандрика, предисл. А.К. Омельчук, примеч. Л.С. Филиппова. — 1997. — 368 с. («Невидимые времена»).

ISBN 5-88709-079-0

Лухманова Н. А. Очерки из жизни в Сибири: Избранные произведения / Сост. Ю.Л. Мандрика, предисл. К.Я. Лагунов, примеч. Н.Ф. Швейбельман. — 1997. — 464 с. («Невидимые времена»).

ISBN 5-88709-080-4

Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания: Избранные произведения / Сост. Ю.Л. Мандрика, послесл. П.М. Г-ва. — 1997. — 368 с. («Невидимые времена»).

ISBN 5-88709-081-2

Бахлыков П. С. Медвежья падь: Роман / Предисл. В.А. Рогачева. — 1997. — 240 с.

ISBN 5-88709-082-0

Носилов К. Д. У вогулов: Очерки и наброски / Сост. Ю.Л. Мандрика. — 1997. — 304 с. («Невидимые времена»).

ISBN 5-88709-083-9

Мостипан В.И. Чуткости струна. Стихи. — 1997. — 60 с.

ISBN 5-88709-084-7

Знаменский М. С. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения / Сост. Ю.Л. Мандрика, предисл. и примеч. В.А. Рогачев. — 1997. — 384 с. («Невидимые времена»).

ISBN 5-88709-085-5

ISBN 5-88709-091-X (серия)

Обряды, обычаи, поверья: Сборник статей [П. Городцов, М. Костюрина, И. Неклепаев, Н. Осипов, З. Плотников, Н. Сколзунов, И. Шамаев] / Сост. Ю.Л. Мандрика, предисл. Н.А. Рогачевой. — 1997. — 400 с. («Невидимые времена»).

ISBN 5-88709-087-1

Литературные фантомы [И.Я. Словцов, Е.Л. Милькеев, Е.В. Кузнецов]: Избранные произведения / Сост. Ю.Л. Мандрика, предисл. Ю.Л. Мандрики, Н.А. Рогачевой, В.А. Чупина. — 1997. — 464 с. («Невидимые времена»).

ISBN 5-88709-088-X

Экология Ханты-Мансийского автономного округа/Под ред. В.В. Плотникова. — 1997. — 288 с.
ISBN 5-88709-089-8

Абрамов Н. А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии/Сост. Ю.Л. Мандрика и В.А. Чупин, предисл. Ф. Петухова, примеч. Ю.Л. Мандрики и В.А. Чупина. — 1998. — 576 с. («Невидимые времена»).
ISBN 5-88709-090-1

Кныш О.И., Васнецова О.А. Методологические основы фармацевтического маркетинга в вопросах планирования семьи. — 1998. — 352 с.
ISBN 5-88709-092-8

Габдель Махмут. Трассовики: Публицистика. — 1997. — 208 с.
ISBN 5-88709-093-6

Высота: Книга воспоминаний о Викторе Ивановиче Муравленко/Сост. С.Д. Великопольский, В.С. Горбачев и Ю.И. Переплеткин. — 1997. — 272 с.
ISBN 5-88709-094-4

Прекрасный и яростный: Книга молодых авторов/Сост. В. Девяткина. — 1998. — 336 с.
ISBN 5-88709-095-2

Шабло Наталья. Листья на воде. — 1998 — 64 с. — (Сер. «Первая книжка поэта»).
ISBN 5-88709-096-0

Царенко Т. М. Летять лелеки: Вірші. — 1998 — 256 с. — (на укр. яз.).
ISBN 5-88709-097-9

Занкиев Я. К. Зори Иртыша. Роман: Книга вторая / Предисл. В. Рогачева. — 1998. — 232 с.
ISBN 5-88709-098-7 (кн. 2).
ISBN 5-88709-099-5

Князев В.В., Плотников М.П. Русь: Избранное / Сост. Ю.Л. Мандрика и В.А. Рогачев, предисл. В.В. Огрызко и В.А. Рогачева. — 1998. — 544 с. (Невидимые времена»).
ISBN 5-88709-100-2

Никонов Г.И. «Живое серебро» Обь-Иртышья/Предисл. И.С. Мухачева. — 1998. — 176 с. + 16 с. вкл.
ISBN 5-88709-101-0

Ради прошлого и будущего: К 80-летию образования местных органов военного управления Тюменской области. — 1998. — 256 с.
ISBN 5-88709-102-9

Наумов Н.И. Избранное: Рассказы, очерки, этюды/Сост., предисл. и прим. Н.Н. Горбачевой и Н.А. Рогачевой. — 1998. — 426 с. («Невидимые времена»).
ISBN 5-88709-103-7

Литература Тюменского края в школьном изучении

*(научно-методические проблемы и подходы,
диалог с исследователями и материалы
для преподавателей к первому уроку)*

Литературное краеведение — один из новых и одновременно забытых предметов в школьной практике. Прошло всего три года, как Минобразования РФ ввело в учебные планы «региональный компонент», предполагающий, помимо исторического и географического краеведения, изучение местной словесности. Впрочем, ни у кого нет уверенности в том, что через какое-то время очередное официальное решение не вычеркнет литературное краеведение из перечня школьных дисциплин, как это уже не раз бывало. Однако даже такое «волнообразное» появление и исчезновение курса не проходит бесследно. Оно так или иначе оказывает влияние на наше сознание и уже помимо всяких циркуляров побуждает обращаться к близкому и парадоксально неведомому миру литературной истории края.

Легко увидеть, как быстро здесь складываются и разрушаются стереотипы, как литературное краеведение, бывшее несколько лет назад одной из скучнейших академических дисциплин, становится предметом, актуальным не только для филологов. В этом процессе важную роль играет школа, так как именно она обращается не к узкому кругу специалистов, а к потенциальному массовому читателю, от которого уже не может отвернуться ни писатель, ни литературный критик, ни филолог.

«Школьное» краеведение сделало сугубо научные проблемы неожиданно насущными, требующими в процессе своего решения особого осознания.

Зачем, к примеру, вообще изучать «местную», провинциальную литературу, добавляя к ста хорошим писателям еще сто, тоже хороших, но мало кому известных? И что изучать у автора, имя которого никогда не входило ни в одну школьную программу? Наконец, что мы хотели бы найти в краевом тексте? Верно ли оцениваем его достоинства, полагаясь на собственный литературный вкус? А если нет, то что или кто подскажет нам решение в мире региональной культуры, где репутации нередко зависят от многих внелитературных причин?

Думается, одним из самых существенных является сегодня вопрос о том, что же, собственно говоря, может включать в себя понятие «литература нашего края». Мы наблюдаем, к примеру, что в зависимости от расположения школы и точки зрения исследователя литература края может оказаться литературой Тюмени, литературой Ишима или Тобольска, замкнуться в границах округа или района. Естественно спросить, не превратится ли в конце концов литературное краеведение в «историю села Горюхина».

Очевидно, что в самом широком смысле объектом литературного краеведения для нашего региона станет весь массив текстов, в которых так или иначе создается образ Западной Сибири. Пространственный контекст объединяет «Историю» Геродота с ее представлением о мифической стране Гиперборея и, к примеру, повести Владислава Крапивина, в которых развертывается ландшафт послевоенной Тюмени, и стихи современных поэтов о «странице серебряного захолустья» или городах, «уходящих в газовые недра». Связующими элементами в этой пестрой картине выступают *loci communes* (общие места): мотивы «дикого берега», «хладной пустыни», «слепого пути» и другие. Мотив — наиболее стабильный компонент регионального текста, его развитие можно проследить от древних сибирских мифов до произведений последних лет.

Напомним хотя бы об одном из самых известных мотивов — мотиве Мертвого дома, обозначенном в заглавии романа Ф.М. Достоевского. Образ Мертвого дома определен в контексте темы каторжной Сибири, представляя наш край как пространство, где сохраняются «мертвые души», находит прибежище «виноватая Россия», где может быть осуществлено «второе рождение», воскресение погибшей личности, ее возвращение к Богу. Но Сибирь — страна мертвых была воспринята еще античностью. В древнерусских памятниках — «Повесть временных лет» и «Сказание о человецех незнаемых» говорится о Югории, где все не как у людей. Сибирь как мир, вывернутый наизнанку, и потому нечеловеческий, мертвый — распространенный мотив русской поэзии рубежа XIX—XX вв. Страна мертвых — эсхатологический образ Западной Сибири, ее будущее, как оно видится, к примеру, в мансийском эпосе «Янгал-маа» или в произведениях современных тюменских поэтов.

Интертекстуальный подход (присутствие в произведении элементов других текстов, их взаимодействие) допускает самые широкие сближения, выявляет связь между разнонациональными текстами. Он снимает вопрос об эстетической ценности объекта исследования, так как сама постановка проблемы изучения, условно

говоря, «тюменского текста» предполагает, что внутри него уравниваются разные виды текстов. Здесь ценно все — от классических художественных произведений до надписей на скамейке.

Для того, чтобы осуществить подобное исследование, необходимо, по меньшей мере, осознать, что сам исследователь находится вне развернувшейся перед ним картины мира. Как можно заметить, и большую часть произведений, в которых изображен наш край, объединяет особая авторская позиция. Пишущий о Сибири, даже будучи сибиряком, как будто занимает положение стороннего наблюдателя. Такая отстраненность, особенно ярко проявляясь в очерковой литературе, характерна и для произведений других жанров.

«Рассматривая тюменцев со стороны нравственной и держась строгой справедливости, должно сознаться, что не приметно успеха в благонравии», — пишет в 1858 году уроженец Кургана, несколько лет прослуживший смотрителем Тюменского уездного училища Николай Алексеевич Абрамов. Почти в то же время, в том же ключе высказывается о Тюмени и Николай Михайлович Ядринцев, чьи детские годы прошли в нашем городе: «У зажиточного тюменца день начинается набиванием желудка пряженниками за чаем, затем через два часа следует закуска с разными солоностями или завтрак с приправой доброго количества водки, что дает ему случай ходить до обеда в довольно приятном тумане». Но вот публикация 1994 года. Ее автор, К.В. Тихомиров, говорит: «Население Тюмени склонно к некоей спячке, апатии — сродни звериной, сезонной...».

Тюмонец, обдорянин, тоболяк увидены как бы проезжим путешественником, который, подобно Гулливеру, никогда не признает себя «своим» в этом открытом им мире. Тем самым и читателю предлагается занять место среди зрителей, осознать свою непричастность к картине, созданной художником.

Осознанная «чуждость» Сибири для российского человека является начальным звеном литературной истории нашего края и тем фактом, который предопределяет ее движение. Стоит подчеркнуть, что колонизация Сибири осуществлялась не только экономическими, политико-административными средствами, но и посредством языка. Собственно говоря, язык стал первым оружием, с помощью которого происходило «завоевание» этого обширного пространства. «Завоевание», выразившееся в наименовании и переименовании природных и культурных объектов, в фактах народной этимологии, стремлении найти в имени понятную метафору, как, например, при расшифровке слова «Сибирь» словосочетанием «спящая земля».

В свою очередь русская словесность осваивала неизвестную прежде страну, формируя мифы о ней, применяя свои эстетические каноны к пока еще «безмянному», а потому и невидимому миру. Так возникли «оссиановский пейзаж» Сибири, идиллические картины сибирской природы, индустриальный пейзаж «Новой Америки»... История становления сибирской топики в русской литературе — один из важных аспектов литературно-краеведческого курса и один из путей понимания литературы о Западной Сибири, независимо от того, кто обращался к сибирской теме, была ли жизнь писателя непосредственно связана с нашим краем.

Одновременно происходит противоположное движение — к культурному самоопределению региона, процесс выявления специфики сибирского текста, осознание собственного взгляда на мир, значения своего «голоса». В «Историческом обозрении Сибири» Петр Андреевич Словцов сетовал: «Сибирь не имеет собственных ни песен, ни голосов, и ей очень кстати название «безголосой». Процесс преодоления мифа о «безголосой Сибири» нашел выражение в ряде взаимосвязанных тенденций:

— в обращении к разнонациональному фольклору и мифам, в стремлении писателей найти опору в местном предании;

— в выявлении специфического колорита сибирской речи и, как следствие, обращении к сказовым формам;

— в поиске своих «культурных героев», хотя в оценке разных народов нашего края «герой» может оказаться «чудовищем» (как Ермак для манси — «Янгал-маа» — или Ваули для русских в очерке Н.А. Абрамова);

— в адресованности литературы «своему» читателю.

По-видимому, уже сейчас есть основания для постановки проблемы единого «тюменского текста», возникшего потому, что для России Сибирь всегда оставалась чужеродным пространством: «Русского» не видно и не слышно, России не чувствуется в Сибири (...) Нет хороводов, нет русской пляски, нет говора русского (...) Чужая земля, чужой воздух, чужие люди, чужие речи» (С.Я. Елпатьевский).

Сложившись на перекрестке разнонациональных традиций, тюменский текст обнаружил свое «разноречие», оправдав данное ему Николаем Дмитриевичем Телешовым имя российского Вавилона, столпотворения языков, вер, культур. Всегда остается возможность противопоставить очевидным христианским нравственным ценностям не менее очевидные ценности языческой культуры. Столкнуть бесспорные цивилизаторские просветительские идеи со столь же бесспорными идеями традиционной ритуальной культуры. Конфликтность «тюменского текста» проявля-

ется не только в его «идеологии», она стала существенной характеристикой стиля писателей нашего края. Как наиболее яркий пример назовем «русско-хантыйско-ненецкий» диалект поэта Юрия Вэллы. Произведения ханты Е. Айпина, ненки А. Неркаги, русского коренного сибиряка Н. Коняева, воспроизводя строй речи сибирского жителя, адресованы в то же время чужому читателю, который мыслится как читатель, чуждый автору, как источник опасности.

Таким образом, выявляется предметная область литературного краеведения, заданная на первый взгляд условными «географическими» параметрами. Тем самым и школьный литературно-краеведческий курс получает вполне реальное содержание, отличное от общего курса литературы. Проблема могла бы показаться решенной. Ведь остается лишь провести таксономические исследования, чтобы выявить специфическую топику краевого текста, и вот оно — художественное пространство Западной Сибири в сплетении ее мифов, сюжетов, мотивов, штампов и опечаток.

Но, по-видимому, человек, который примется за эту работу, неизбежно столкнется с присутствием «неустранимой помехи» — жизни края в ее текучести, пересечении мнений, вкусов, представлений наших авторов о ценности своего слова, грубо говоря, с присутствием писателя на соседней улице, в соседнем доме, в том пространстве, где живешь ты сам. Эту жизнь можно вывести за скобки, если видеть перед собой музейные экспонаты, предназначенные для исследователя, если вслед за очеркистами XIX века смотреть на мир со стороны, не участвуя в нем. Как видно уже сейчас, школа выбрала свой путь — не только изучения фактов культуры и их интеллектуального потребления, а путь возвращения учеников в родной для них мир, воспитания чувства ценности того пространства, в котором ты присутствуешь и где можешь себя осуществить.

В свое время М.М. Пришвин подчеркивал, что краеведение не может быть отнесено к сугубо научным дисциплинам, его цель — не аналитическая, а синтетическая деятельность. Это непрерывная работа по изменению того пространства, где проходит жизнь человека, узнавание в нем себя, обретение Отечества. Создавая музеи, рукописные журналы, открывая новые факты культурной истории региона, школа помогает понять, что мы пребываем в одухотворенном мире, мире, который творится, и мы сами участвуем в этом творчестве.

На складе имеются следующие книги:

Лукоморье. Литературная хрестоматия: Книга для учащихся 5—7 кл./Сост. Н.Н. Горбачева, Н.А. Рогачева. — 1997. — 320 с. — (Серия «Российская провинция: От Карского моря до приишимских степей»).

Цена экз. 15 руб. (без пересылки)

Страна без границ. Литературная хрестоматия для учащихся 8—11 классов в 2 книгах: Книга 1 / Сост. Н.Н. Горбачева, Н.А. Рогачева. — 1998. — 320 с. — (Серия «Российская провинция: От Карского моря до приишимских степей»).

Страна без границ. Литературная хрестоматия для учащихся 8—11 классов в 2 книгах: Книга 2 / Сост. Н.Н. Горбачева, Н.А. Рогачева. — 1998. — 496 с. — (Серия «Российская провинция: От Карского моря до приишимских степей»).

Цена комплекта из 2-х книг: 35 руб. (без пересылки)

Бурова С.Н. Советская классика в новом прочтении: Лекции по истории русской литературы XX века. — 1997. — 108 с.

Цена экз. 15 руб. (без пересылки).

Природа края в художественной литературе: Домашние животные / Сост. О.Н. Гаврилова. — 1997. — 240 с.

Цена экз. 20 руб. (без пересылки).

Природа края в художественной литературе: Времена года / Сост. О.Н. Гаврилова. — 1997. — 272 с.

Цена экз. 20 руб. (без пересылки).

Природа края в художественной литературе: Растительный мир / Сост. О.Н. Гаврилова. — 1997. — 256 с.

Цена экз. 20 руб. (без пересылки).

Природа края в художественной литературе: Животный мир / Сост. О.Н. Гаврилова. — 1997. — 480 с.

Цена экз. 20 руб. (без пересылки).

Тихомиров К.В. **Тотальный романс:** Драматические произведения, проза, стихи. — 1997. — 208 с.

Цена экз. 12 руб. (без пересылки).

Никонов Г.И. **«Живое серебро» Обь-Иртышья/Предисл. И.С. Мухачева.** — 1998. — 176 с. + 16 с. вкл.

Цена экз. 25 руб. (без пересылки).

Экология Ханты-Мансийского автономного округа/Под ред. В.В. Плотникова. — 1997. — 288 с.

Цена экз. 60 руб. (без пересылки).

Табашников И.Н. **Газета и дизайн.** — 1994. — 160 с.

Цена экз. 5 руб. (без пересылки).

Литература Тюменского края. Хрестоматия в трех книгах: Кн. I. 5—7 кл./Сост. Г.И. Данилина, Н.А. Рогачева, Е.Н. Эртнер. — 1996. — 304 с.

Литература Тюменского края. Хрестоматия в трех книгах: Кн. II. 8—9 кл./Сост. Г.И. Данилина, Н.А. Рогачева, Е.Н. Эртнер. — 1996. — 240 с.

Литература Тюменского края. Хрестоматия в трех книгах: Кн. III. 10—11 кл./Сост. Г.И. Данилина, Н.А. Рогачева, Е.Н. Эртнер. — 1996. — 272 с.

Цена комплекта из 3-х книг: 35 руб. (без пересылки)

Бахлыков П.С. **Юганские ханты: история, быт и культура:** Краткое историческое повествование о ханты Сургутского района / Послесл. С.Г. Пархимовича. — 1996. — 208 с.

Цена экз. 25 руб. (без пересылки).

Гущина И.В. **Разрыв-трава:** Стихи. — 1996. — 88 с.

Цена экз. 5 руб. (без пересылки).

Михайлов К.А. **Стихи:** Первая книга поэта. — 1997. — 160 с.

Цена экз. 10 руб. (без пересылки).

Тавровский В.М. **Лечебно-диагностический процесс: Теория. Алгоритмы. Автоматизация.** — 1997. — 320 с.

Цена экз. 25 руб. (без пересылки).

Строгальщиков В.Л. Слой-2: Роман/Послесл. В.А. Рогачева. — 1997. — 352 с.

Цена экз. 15 руб. (без пересылки).

Белобородов В.К., Пуртова Т.В. Ученые и краеведы Югры: Библиогр. словарь/Ханты-Мансийская окр. б-ка. — 1997. — 352 с.

Цена экз. 45 руб. (без пересылки).

Прекрасный и яростный: Книга молодых авторов/Сост. В. Девяткина. — 1998. — 336 с.

Цена экз. 15 руб. (без пересылки)

Кныш О.И., Васнецова О.А. Методологические основы фармацевтического маркетинга в вопросах планирования семьи. — 1998. — 352 с.

Цена экз. 45 руб. (без пересылки).

Тарасов А.И. Экскурсии в лес по экологической тропе: Методическое пособие в помощь воспитателю ДДУ и учителю начальной школы. — 1997. — 64 с.

Цена экз. 5 руб. (без пересылки).

Тарасов А.И. Рекомендации по проведению озеленительных работ в городах и поселках Среднего Приобья: Руководство по озеленению. — 1997. — 128 с.

Цена экз. 5 руб. (без пересылки).

По вопросам приобретения книг обращайтесь:
625002, г. Тюмень, а/я 5579.

Или звоните:

(345-2)25-12-84

**Юридическим лицам возможен отпуск книг без предоплаты,
физическим — наложенным платежом.**

Незаурядный сын России

Появление Михаила Пришвина в Тюмени было неслучайным. Король сибирских рек, коммерции советник, тюменский купец первой гильдии Иван Иванович Игнатов был родным братом матери Пришвина и обещал своей сестре сделать все, чтобы его племянник получил образование. Один из основателей и владельцев товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли, гласный Тюменской городской думы, строитель городской электростанции и владелец судоремонтного завода, Игнатов являлся председателем попечительного совета Тюменского Александровского реального училища. По его прошению в 1889 году Михаил Пришвин и был определен в IV класс училища. Постоянным местом жительства юного реалиста стал двухэтажный деревянный дом на Загородной улице в Тюмени.

Среди 19 своих одноклассников Михаил, по его собственным словам, занимал «золотую середину». В 1889–1890 учебном году из 10 предметов школьной программы имел лишь одну отличную оценку — по французскому языку. По литературе, русскому языку, истории и географии — «хорошо», а математика, рисование, черчение были оценены на «удовлетворительно».

16-летний реалист отличался уже тогда огромной любовью к природе, смелостью мысли, оригинальностью в суждениях. Его сочинение «Гулявши много смолоду, умрешь под старость с голоду» поразило преподавателей, они отметили, что «такой слог в ученической работе неуместен, содержание непривычно для ученика». В объемном архивном деле фонда Тюменского Александровского реального училища сохранились и другие работы Пришвина-реалиста. Это «Значение Днепра для России» и его заметка «О Вселенной». Однако до первых чисто литературных произведений было еще далеко.

*И.И. Ермаков,
старший научный сотрудник
государственного архива
Тюменской области.*

Гулявши много смолоду, умрешь под старость с голоду

Это было давно, очень давно, тогда меня на свете не было, а если и был, то очень маленький. Тогда было еще у помещиков крепостное право. По этому праву помещики могли распоряжаться над людьми, им подчиненными, как им угодно. Могли их бить, попускать, продавать, словом, судьба бедных крестьян была в руках их владельцев. В это время жила в глуши Орловской губернии одна помещица, была она очень богата: имела до пятисот крестьян, а земли и пересчитать трудно. Она жила скромно, лишних денег не тратила. А богатство ее все прибавлялось и прибавлялось. Муж ее умер лет пять этому назад, долго плакала бедная вдова, и не знаю, что с ней бы было, если бы не ее маленький сын Андрюша, в котором она души не чаяла. Но сын не оправдал надежду матери: то отколотит крестьянского мальчика, то мучит дворовых собак или кошек. Но мать не наказывала мальчика — очень любила она его. Начал мальчик подрастать, надо было его учить грамоте. Позвала мать дьячка, это так громко, да несколько часов Апостол по воскресеньям читать. Начал дьячок его обучать. Учил, учил, потел, потел, но научить ни-

чему не мог: больно мальчик непослушен, иной раз прямо линейкой его отколотит.

Но вырос мальчик, возмужал, из маленького Андрюши сделался уже Андрей Иванович. Стал он от матери потихоньку деньги воровать да винцо попивать. Заметила это мать, хотела побранить его, да ничего не вышло из этого: сын так матери сказал, что мать в другой раз и подступиться-то боялась. Но вот мать начала болеть, грубость сына еще больше усилила болезнь, и скоро она умерла. Тотчас же после похорон Андрей так напился, что на другой день едва вспомнил, что похоронил мать. А как вспомнил, так и призадумался. Не над смертью матери задумался, ничуть ему не жалко было ее, а думал он о том, как будет заниматься хозяйством.

На другой день пошел он на поле, а сам овес от пшеницы отличить не может. Стали над ним мужики смеяться, а он их пороть, да так изрядно, что одного или двух до смерти запарол. Не понял он, что это плохой он, сказали мужики, лучше знает он толк в пьянстве да распутстве. Вечером созвал он соседей да устроил с ними пирушку. На пирушке уговорили его в городе жить, а в имении оставить управляющего. Понравилось это Андрею, и поехал

он в город и стал жить по своему плану. Каждый день вечером устраивался пить в роскошной квартире и ездил в карете на прекрасных лошадях. А друзья-приятели не дремлют и тянут у него денежки да тянут. Наконец денег с имения стало ему не хватать на подобное питье. Занял он сначала немного, потом еще и еще. Написал управляющему собрать двойной оброк, выпутался кое-как из долгов, а крестьян разорил. Тут Андрей начал опять деньги занимать, да так, что и двойной оброк не помог. Пошло все имение с молотка, да и то не хватило на долги, и посадили Андрея в тюрьму. Говорят, что выпустили его через несколько месяцев, перестал и народ спрашивать о нем, сам понял, что с ним сделалось. Мно-

го ходит по улицам полуодетых пьяных людей, так называемых студентов золотой поры, которые пьяным голосом орут «когда я был Аркадским принцем» и т.д. Это все по большей части Андреи, и их участь самая плачевная. Ведь почти они все умирают, кто, говорят, с голоду, а Бог знает, может, и с голоду.

Такой слог в ученической работе не уместен.

В году в семестровых работах ничего подобного не встречалось в работах Пришвина.

3 (три) роспись

3 (три) роспись

Содержание непривычное для ученика. Написано грамотно.

3 (три) роспись

О Вселенной*

Земля, на которой мы живем, есть только малая часть вселенной того, что Бог создал. Существует бесчисленное множество <...> миров, из которых многие своей величиной превосходят нашу Землю. Многие из них являются нашим взорам в ясную ночь на неизмеримом своде небесном. По причине своей отдаленности они нам кажутся маленькими блестящими

точками или огнями. Мы называем их звездами. Величайшим между этими звездами кажется солнце. Лучи его падают на землю, освещают и согревают ее и разливают везде жизнь и плодородие. Ближайшая к нам планета — Луна. И она только освещает земной шар своими лучами, но свет ее не так ярок, как свет солнца, и не дает теплоты.

*ГАТО И-7, оп. 1, д. 67, л 987.

Князь Матвей Петрович Гагарин*

Князь Матвей Петрович Гагарин в царствование Петра I был первым губернатором обширной тогда Сибирской губернии и примечательным лицом в разных отношениях: как по важности занимаемого им служебного поста, особенной доверенности к нему Государя по многим своим полезным действиям для края, так и по превратности судьбы и горькому злополучию.

Предки его, князья Гагарины, служили в Сибири воеводами. Сила Иванович Гагарин (1606—1607 гг.) в Таре, Семен Никитич (1627—1628 гг.) — в Верхотурье, Михайло Семенович (1627—1628 гг.) — в Сургуте. Родитель Матвея Петровича, Петр Афанасьевич, в 1666—1667 гг. в Нарыме, в 1667—1669 гг. — в Березове, где и скончался. Сын его, или старший брат Матвея Петровича, Иван Петрович — в 1690-х годах в Иркутске¹.

В молодости князь Матвей Петрович служил стольником при Государе. Потом продолжал не-

сколько лет службу в Сибири. В 1691 и 1692 годах был товарищем иркутского воеводы, родного брата своего Ивана Петровича, и в том же 1692 году определен воеводой в Дауры (в Нерчинск)².

Около 1699 года приезжал из Москвы в Сибирь думный дяк Данило Полянский для производства следствия по многим делам над иркутским воеводой, стольником князем Иваном Гагариным и братом его — нерчинским воеводой, стольником князем Матвеем Гагариным. При чем описал все их имение в казну государеву, а самих воевод держал под стражей. Товарища нерчинского воеводы Петра Мусина-Пушкина, вызвав в Енисейск, бил кнутом и сослал в Якутск, в казачью слободу, имение его взял в казну. Красноярского воеводу, стольника Алексея Башковского, держал под стражей и сослал в Якутск; но красноярские жители подали на Полянского челобитную,

* Тобольские губернские ведомости. 1861. №9. С. 79—82; №10. С. 85—90; №11. С. 93—99.

Придавая тексту и сноскам современную орфографию, издатель старался максимально сохранить статью в том виде, в котором ее видел читатель прошлого века.

¹ Краткое показание о бывших в Сибири воеводах. Тобольск, 1722.

² Сибирская летопись — рукопись, хранящаяся в библиотеке Тобольской семинарии, под 1691 и 1692 гг.

и он, не окончив следствия, в 1700 году взят в Москву³.

Князь Матвей Петрович был оправдан, в 1706 г. определен судьей Сибирского приказа, находившегося в Москве; в 1707 г. — генеральным президентом⁴. Сверх этих должностей в следующем году — московским комендантом и начальником оружейного приказа. В ноябре того же года присутствовал на церковном проклятии малороссийского гетмана Мазепы. При этом действии написан в списке в числе ближних бояр и назван генеральным президентом, московским комендантом и судьей сибирских провинций⁵. Занимая эти должности, он снижал у Государя особенную доверенность. Был близок с князем Меншиковым, в родстве в графом Головкиным и подканцлером Шафировым⁶.

До 1708 года в Сибири было управление воеводское. Несмотря на степени преимущества воевод одного перед другим, не было установлено зависимости органической. Разъединенные части принадлежали к отдаленному Сибирскому приказу в Москве. Воеводы прямо списывались с ним, мимо главных тобольских воевод.

Указом 18 декабря 1708 года Россия была разделена на восемь губерний: Московскую, Ингерманландскую, Киевскую, Смоленскую, Архангелогородскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую. Эта последняя заключала значительную часть Великого Новгорода, начиная от города Яренска до восточного берега Камчатки на 114⁰ длины. В таком обширном пространстве считалось тридцать городов, а именно: Тобольск, Енисейск, Илимск, Тара, Березов, Сургут, Тюмень, Томск, Мангазея, Иркутск, Кузнецк, Туринск, Нарым, Верхотурье, Якутск, Нерчинск, Красный Яр, Пелым, Кетск; поморские — Кунгур, Пермь Великая, Чердынь, Соль-Камская, Кай-городок, Яренск, Вятка и на Вятке четыре пригорода⁷.

Губернатором Сибирской губернии определен князь Матвей Петрович Гагарин. Государь, назначая его полномочным правителем обширной страны, надобно полагать, принимал в соображение, что Гагарин знал прежде сего родную Сибирь и потом, будучи судьей сибирских провинций, был уже приготовлен к управлению ею. Князь Гагарин ехал в Сибирь величественно, как вельможа и

³ В той же Сибирской летописи под 1700 г., отд. 5.

⁴ Полное собрание законов. Т. IV, № 2136, 27 января 1707 г.

⁵ Там же, № 2213, 12 ноября 1708 г.

⁶ Дочь князя Гагарина была в замужестве за сыном графа Головкина, а сын женат на дочери Шафирова.

⁷ Полное собрание законов. Указ от 18 декабря 1708 г. № 2218.

полномочный правитель. От Верхотурья до Тобольска плыл на судне, обитом красным сукном, со многими чиновниками, им избранными, для занятия должностей. Принимал нарядные встречи от городов. Разным людям давал милостивые обещания. В числе ехавших с ним чиновников были дьяки Максим Романов, Иван Баутин и Афанасий Устальцов⁸. При проезде через город Чердынь дал обещание построить там, в монастыре Иоанна Богослова, каменный храм, что и исполнил впоследствии присылаемыми им из Тобольска военнопленными шведами⁹.

В то время губерния и провинция ее состояли из городов, города — из дистриктов, а эти последние — из слобод, сел и деревень. Так как новая система разделения государства на губернии по неготовности сведений и по трудности соображений успела осуществиться только в 1711 году, по приезде

в Сибирь князя Гагарина, то итог податных дворов, в 1709 году оконченный, показывал в Сибирской губернии 49824 двора¹⁰.

Сибирский губернатор тогда был начальником во всех отношениях. Военная часть находилась в его заведовании. Обер-комендант был ему помощником по гарнизону. Горная часть до 1715 года была также во всех отношениях в ведении губернатора. Губернская канцелярия составляла главное управительное и судное место. В ней председательствовал губернатор, слово его было большей частью определением неоспоримым, и из руки его неслись грозные и милостивые предписания за Урал и до Камчатки¹¹. Губернская канцелярия помещалась в построенном в 1703—1705 годах для приказной палаты каменном здании. Оно имело форму параллелограмма и заключало в верхнем и нижнем этажах по пяти комнат. Крыль-

⁸ Тобольский летописец, доведенный до 1740 г. Современная рукопись.

⁹ Путешествие в Чердынь Берха. Стр. 76.

¹⁰ Полное собрание законов. Издание штатов 19 февраля 1711 г.

¹¹ При губернской канцелярии был и совет из одного ландрихтера и девяти ландратов. В 1714 году для содействия губернскому правлению положены четыре фискала для проникания в неправды правителей. Указы подписаны были собственноручно губернатором Гагариным, а к некоторым, по важности содержания, сверх подписи прикладывалась печать Великого Государя Сибирской губернии. Гагарин, как я сам видел на бумагах его времени, писал собственноручно резолюции очень основательные. Некоторым воеводам писал и письма конфиденциально. Например, нерчинскому воеводе: «Государь мой Федор Родионович... Ваша милость прикажите... подпись: слуга твой Матвей Гагарин». Несмотря на отдаленное время, когда некоторые из знатных лиц едва подписывали свое имя, Гагарин писал свободно и хорошо.

цо было также каменное, с галерей на северную сторону. Это здание находилось на мысу к реке Иртыш и было украшено наружной архитектурой¹². Возле канцелярии к северу по берегу Иртыша был посольский двор, где принимались послы от некоторых владетелей (особенно от джунгарских) Средней Азии. На северо-востоке, ближе к Успенскому собору, находился (ныне существующий) каменный гостиный двор, построенный в 1703—1706 годах. Он имеет вид крепости, в длину на 50, а в ширину на 40 сажень. На четырех углах его — круглые башни. Само здание — в два этажа. Имеет двой ворота: на западной стороне над воротами находилась часовня с иконами, а на восточной, над воротами, — таможня. В верхнем этаже от часовни, по южной стороне — 15 комнат с наружными разборами, по северную сторону также 15 комнат без разборов, в нижнем этаже по южную сторону — 18, а по северную — 17 комнат, все с разборами, под каждой из этих комнат построены также каменные кладовые¹³. Впоследствии, около 1715 года, на горе построена была по распоряжению князя Гагарина военнопленными шведами каменная крепость с зубчатыми стенами, начиная

от помянутого гостиного двора к западу, или до берега Иртыша, с двумя воротами — Троицкими и Воскресенскими¹⁴, а над спуском горы — каменное здание на трех арках с тремя крепостными воротами. Из крепости в эти ворота в то же время был сделан Прямской взвоз, от которого шла мостовая на горе до земляного вала, а над горой — до Знаменского монастыря. К этой мостовой также приходила мостовая снизу Казачьего взвоза, более же мостовых в городе тогда не было. Архирейский дом соединялся на северо-западе с гостиным двором и крепостью, представлял своими каменными башнями и оградами продолжение крепости. В 1719 году было дворов в Тобольске на горе 1153, под горой — 2105¹⁵.

Между прочими начальственными действиями губернатора предстояло тогда благоразумными учреждениями расширять в Сибири русские владения, устроить вверенную ему страну и переговорами с соседними народами обезопасить ее границы.

По вступлении в управление Сибирью князя Гагарина одним из главных действий было продолжение завоевания Камчатки. Казаки, завоеватели Сибирского края, постоянно проби-

¹² Сибирская летопись под 1705 г., отд. 1.

¹³ Там же под 1706 г., отд. 6.

¹⁴ Стена крепости разобрана в 1780 году для расширения двора наместнического.

¹⁵ Путешествия Беля, 1719 и 1720 гг.

раясь далее на восток, в 1690 году слышали о Камчатке. В 1697 году пятидесятник Атласов и казак Морозко с шестьюдесятью юкаками и с таким же числом юкагинов из Анадырска пустились на Камчатский полуостров, взяли там три острожка, защищавшиеся палисадами¹⁶; потом, разделившись на две партии, последовали по восточной и западной сторонам. Впоследствии соединились и завели Верхне-Камчатское ясачное зимовье, в котором оставили 16 казаков под командой Потапа Серюкова для сбора ясака. Эти новые поселенцы ждали себе обещаемого подкрепления и не дождались. В 1699 году отправились в Анадырск и по дороге были убиты коряками¹⁷. В 1700 году послан был из Якутска на Камчатку сын боярский Кобелев с отрядом казаков, которые сочли справедливостью отомстить корякам за убийство Серюкова с товарищами — разорили их городок Кохча. В следующем году получено в Тобольске сведение, что Кобелев возобновил Верхне-Камчатский острог и вновь завел острог Большерецкий. В 1702 году послан был туда из

Якутска казак Зиновьев с командой. Он собрал ясак и построил Нижне-Камчатский острог¹⁸.

Князь Гагарин устремил далекий и широкий взгляд на северо-восток отдаленной Сибири. Определил в Якутске обер-комендантом стольника, племянника своего, для ближайшего наблюдения за деятельностью тамошнего воеводства, и вместе с тем предписал якутскому коменданту¹⁹ подробно и основательно разведывать о племенах северо-восточного материка и прилегающих островах со стороны Ледовитого моря и Камчатки. Обер-комендант еще прежде сего побуждал коменданта разведать о Шантарских островах. Вследствие сего приказчиком Удского острога на реке Уде построены лодки, на которых в 1712 году казаки доплыли до устья Тугура и там прожили все лето; в следующем году были на первом, втором и третьем Шантарских островах, видели там множество волков, медведей, лисиц и соболей. Пробыли тут более года и в 1714 году возвратились через Удский острог в Якутск, сообщив, между прочим, что на

¹⁶ Камчатский полуостров при занятии его русскими в 1697 году имел жителей не менее 10000, как можно заключать по расчету ясачного сбора. К тому же заключению приводит и донесение начальника миссии архимандрита Иоасафа Хотунцевского. Он писал, что в 1745 году найдено им в Камчатке крещеных камчадалов 6067. Сам крестил 1719 человек, да нижеколымский священник Иванов — 196, затем еще много осталось язычников.

¹⁷ Сибирская летопись 1696 г., отд. 3; 1697 г., отд. 2 и 3; 1699 г., отд. 1.

¹⁸ Там же, 1700 г., отд. 7. 10 и 11; 1701 г., отд. 6, 7; 1702 г., отд. 5 и 8.

¹⁹ Воеводе.

островах Шантарских гияляки имеют звериные промыслы. Губернатор, не довольствуясь собранными сведениями, поручил в 1716 году полковнику Ельчину внимательно осмотреть тамошние воды и острова в намерении завести торг с Японией и прислал вскоре матросов. По некоторым другим поручениям полковник предоставил обозреть остров сыну боярскому Филькееву. Экспедиция его подошла к берегу между Тугуром и Амуром, и почти все находившиеся в ней побиты гияляками. Предприятие это не продолжено, потому что в конце 1717 года не было уж в Сибири предприимчивого князя Гагарина.

Затем, обращаясь к Камчатке, привожу сведения. В 1711 году послан из Якутска в Камчатку приказчиком дворянин Василий Колесов. На подъем ему и казакам дано жалованья 983 руб. 30 коп., луки и пищали, пороха 5 пудов 3 фунта, свинца 5 пудов 35 фунтов, на подарки тамошним иноземцам — 20 железных котлов, 100 ножей, по 1000 корольков и игл. В том же году камчатские казаки за обдел в незаконной поживе взбунтовались и тамошних приказчиков: Владимира

Атласова, Петра Чирикова и Осипа Липина — убили. Начинщиками бунта были казак Данило Анциферов и Иван Козыревский. Желая загладить это преступление, они подчинили России большерецких камчадалов и построили вновь Большерецкий острог. Потом на байдарках отправились на первый Курильский остров²⁰, где при устье речки Худутугана имели бой с курильцами, после которого они поддались России. Отсюда казаки поплыли на трех карбазах на второй Курильский остров, где при речке Ясовильке увидели многолюдную толпу курильцев, собравшихся для отпора. За недостатком пороха казаки начали их склонять добровольно к подданству, но не имели успеха и возвратились в Большерецкий острог²¹.

В 1713 году по распоряжению князя Гагарина приказано казaku Ивану Козыревскому плыть для разведывания о камчатском носе, о существующих близ Камчатки островах и об Японии, а именно: какими путями в эту землю проезд, какое там в употреблении оружие, могут ли японцы иметь дружбу и торговлю с русскими подобно китайцам и что для них годно из Сибири. Все это Козы-

²⁰ Название Курильских усвоится всем островам, которые, начиная с южной оконечности Камчатского полуострова, тянутся до самой Японии. Другая подобная им гряда между 53⁰ и 56⁰ с. ш. и между 158⁰ и 176⁰ з. д. от Гринвича составляют отдели Алеутских, Андреяновских, Лисьих и других островов Северо-Западной Америки.

²¹ Сибирская летопись под 1711 г., отд. 3, 4 и 6.

ревский исполнил с успехом. Сверх того обложил ясаком многие тамошние племена и взял от них заложников. Он же построил при речке Камчатке молитвенный дом во имя Успения Богоматери и для престарелых и раненых пустынь, в которой и постригся в монахи с именем Игнатия. Поданные им в Якутскую воеводскую канцелярию бумаги содержат следующие сведения: «В 1713 году, до монашества своего, посылан я был за проливы против камчатского носа для проведения в известность островов и Японского государства, также земель разных народов. Следовал туда мелкими судами без мореходов, без компасов, снастей и якорей. На ближних островах живут самовластные иноземцы, которые не сдались на сговор наш и дрались с нами, в воинском деле они жестоки, имеют сабли, копья и луки со стрелами. Милостью Господа Бога и счастьем Великого Государя мы оных иноземцев имали в полон и брали их платье шелковое, да банное и крапивное и золото, в том числе полонили одного иноземца Иштаная с острова Ишурты. А какой путь через Курновские острова лежит к городу Матмаю на нифонтской земле, и в какое время идти морем, на каких судах, с какими запасами и военными снарядами, и сколько надобно во-

инских людей, о том объявили Якутской воеводской канцелярии, а также желаю объявить подробно в Москве судьям некоторой коллегии»²².

Для сокращения на Камчатку переезда, который через Анадырск был и далёк, и опасен от корякских нападений, по указу Государеву и по определении губернатора князя Гагарина в 1714 году послан в Якутск к воеводе Ельчину пленный швед Генрих Буш. Из Якутска были с ним отправлены в Охотск под командой казака Соколова 20 казаков с воинскими судовыми и другими запасами, они построили первое там судно длиной $8\frac{1}{2}$, шириной $3\frac{1}{2}$ сажени и в 1716 году пустились на нем. Весной 1717 года оно возвратилось около половины июля в Охотск²³.

Сказав о судостроителе, военнопленном шведе Буше, кстати помещаю здесь сведения о прочих шведах, в Сибири бывших. Во время управления Сибирью губернатора, князя Гагарина присланы были в Тобольск и другие города Сибири военнопленные шведы. Сначала, приведенные из-под Полтавы в Москву, они пробыли там месяц и разосланы в нескольких отделениях по 100 человек по разным городам Архангельской, Казанской и Астраханской губерний; но когда в апреле 1711 года открыт был в Сви-

²² Помянутая Сибирская летопись, 1715 г., отд. 7; 1715 г., отд. 4.

²³ Там же, 1715 г., отд. 5.

яжске заговор их к бегству в свое отечество, то большая часть из них переведена в Сибирь. Тобольск сделался местом ссылки многих офицеров, кроме других нижних чинов. Они завели там фабрики и мануфактуры. Некоторые взяли на откуп продажу пива и меда, делали карты, разные изящные вещи из серебра, вытачивали из мамонтовой кости табакерки, коробочки, шлифовали драгоценные камни, вырезывали печати и проч. Ротмистр Галль был в Тобольске красильщиком. Ротмистр Раддерборг вышивал золотом и серебром шапки и чепраки. Корнету Эннесу князь Гагарин заказал сделать для большой своей залы шелковые обои с золотыми и серебряными цветами. Для выполнения этого доставил ему все нужные материалы и обещал платить по одному рублю за каждый локоть. Этот большой и медленный труд требовал несколько рук, и потому Эннес приискал себе прочих помощников: ротмистра Маллина и корнетов Горна и Барри. Проработав усердно несколько месяцев, они улучшили свои средства к содержанию и через несколько времени так были зажиточны, что могли каждое воскресенье угощать обедом 12 человек своих бедных товарищей, которые не знали никакого ремесла. Из

прочих шведов были музыканты, учителя танцевания, актеры и проч. Капитан Врех в 1713 году завел в Тобольске училище, в котором обучались дети шведов и русских из высшего круга. В 1711 году в училище были 56 учеников обоего пола. В нем обучали Закону Божьему, нравовучению, арифметике, чистописанию, рисованию и некоторым из европейских языков. Капитан Страленберг, автор известного сочинения о России²⁴, в продолжение своего плена в Сибири ездил по этой стране для снятия карты и, окончив, труд свой отправил в Москву, а по возвращении в Швецию в 1730 году издал эту карту в Любеке. Корнет Эннес вел записки, но, к сожалению, часть их сгорела потом в Швеции во время пожара, истребившего маленькое имение вдовы его. Прежнее устье р. Тобола было почти прямо нагорной части Тобольска, и в этом месте вода Тобола делала напор в Иртыш, отчего волны последнего, ударяя в гору, подмывали ее до того, что большие глыбы песчано-глинистой земли обрушались с грохотом в реку. В предосторожность несколько раз были деланы деревянные обрубы, но сила воды разрушила их, а потому губернатор князь Гагарин, воспользовавшись шведскими военнопленными солдатами, около 1716

²⁴ Strahlenberg, Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia etc. Stockholm, 1730.

года распорядился ими выше за три версты прорыть в Иртыше из Тобола канал, в котором и образовалось новое настоящее устье Тобола. С шведскими пленными офицерами в России обходились хорошо. Губернатор князь Гагарин всячески старался облегчить судьбу их и несколько раз выделял по нескольку тысяч рублей для раздачи более имевшим нужду между ними²⁵. Шведы в Сибири желали брать в замужество русских женщин, но не было на это решавшихся. Сначала ни манифест, ни указ синодский, по сему обстоятельству последовавшие, не подействовали на мнение народное. После сего правительство не нашло лучшей меры к сближению сибирячек с шведами, как поручить Синоду в 1721 году (18 августа) написать к православным послание и именем церкви из священной истории и библии пространно доказать о незаконности браков со шведами²⁶. Могло ли сколько человек шведов жениться на сибирячках — неизвестно, ибо 30 августа того же 1721 года заключен был мир Ништадский и по одной из статей его надлежало с обеих сторон освободить без выкупа всех пленнных²⁷. По запискам корнета Эннеса, в Швецию едва ли возвратилось 600 человек, сле-

довательно, не считая нижних чинов, в России осталось более 1800 пленных. Их удержали здесь разные причины: одни приняли русское подданство, другие обеспечили свое состояние отправлением ремесел и не хотели уже променять верное в чуждом крае на неверное в отечестве, где между тем в продолжение тринадцати лет их плена многое переменялось. Некоторые, женившись на русских, не желали ехать на родину без жен, которые, по условию трактата, не имели права следовать в Швецию за мужьями. Затем из попавшихся в плен многих уже не было в живых²⁸. Известие о мире прибыло в Тобольск 21 ноября 1721 года, а в середине января 1722 года шведы в нескольких партиях отправлены в Санкт-Петербург, а оттуда через несколько дней на родину.

С начала XVII до второй половины XVIII столетия южная сторона от Сибири принадлежала джунгарским ханам; на степях ее также кочевали киргиз-кайсаки. В нынешних Томском и Кузнецком округах жили подвластные джунгарам князья сибирских татар, которые вместе с киргизами грабили возникавшие вблизи их русские селения. Во время управления князя Гагарина, или с

²⁵ Из записок корнета Эннеса.

²⁶ Полное собрание законов, № 3814, 18 августа 1721 г.

²⁷ Там же, № 3839, именной указ 21 октября 1721 г.

²⁸ Записки корнета Эннеса.

учреждения Сибирской губернии, продолжалось увеличение ее по народонаселению. Томск и Кузнец, коих округа лежат на плодородной почве, несмотря на случившиеся нападения от джунгаров, татар и киргизов, распространялись по числу селений. Бийск построен в 1709 году. Около того же времени явились остроги по реке Томи Сосновский и Верхтомский для связи Кузнецка с Томском. На пространстве между Обью и Томью от Кузнецка до Томска были учреждены казачьи посты. Под защитой их размножились деревни и населялись переселенцами из Верхотурского округа. Красноярский округ также распространялся по мере приходивших переселенцев. Около 1709 года построен на реке Абакане острог в подпору пограничных форпостов, а в 1718 году основан Саянский острог. В 1708 году первоначально водворено в Даурии из Енисейска 104 семьи крестьян. В то же время граница России подалась за реку Тугур. От Аргуна к западу, пересекая Опон и идучи южнее Селенгинска, через караул Сорочин, находившийся при реке Буре, протянулась по реке Джиде далее к западу; достигнув межи между Халкасского и Саяно-Ноянского ханства, она в 1709 году укрепилась на долине постройкой

Тупкинского острога, состоявшего из 21 двора с гарнизоном 150 казаков. В 1717 году князь Гагарин предписал перенести этот острог на другое настоящее место.

Сообщая сведения, относящиеся до управления Сибирью князя Гагарина, выписываю некоторые современные происшествия из летописцев: 1711 г. на 25 августа ночью загорелся большой мост в Соликамске, равно ряды, канцелярия, земская изба, таможня, соляные амбары и церковь Рождества Христова. В сентябре открыт зажигатель — усалец Егор Лаптев, которого и закопали живого в землю²⁹. В том же году по царскому указу приехал в Тобольск лейб-гвардии Преображенского полку прапорщик Иван Арсеньев для получения ведомостей за все губернии и посылки в камер-коллегию. За недоставление их в свое время всех судей держал в канцелярии под караулом в цепях и в железзах скованных год и шесть месяцев³⁰. В 1716 году был в Иркутске пожар, истребивший крепость и несколько обывательских дворов³¹. Около того же времени иркутский воевода Ракитин с первого вступления своего в должность очень жестоко поступал с подведомственными ему и за малые вины наказывал кнутом. Он же обобрал

²⁹ Соликамский летописец, издан. Берхом в 1821 г., стр. 217.

³⁰ Тобольский летописец, доведенный до 1740 г.

³¹ Иркутская летопись, помещенная в «Иркутских губернских ведомостях».

за Байкалом из возвращавшегося каравана золото, серебро и другие дорогие вещи и за то после суда лишился головы в Санкт-Петербурге³².

В 1714 году в Тобольске были казенные сборы: таможенного — 8953 руб. 85 коп., табачных — 17019 руб. 1 коп., за мед и пиво — 1799 руб. 82 коп., кабацких — 1123 руб. 45 коп., карточной продажи — 25 руб. 45 коп. Итого 28921 руб. 56 коп.³³

Губернатор князь Гагарин, исполняя волю Петра I и по своему усердию к святой церкви, содействовал к распространению в Сибири христианства. Во время управления его митрополит, схимонах Феодор обратил в христианство остяков и вогулов в Западной Сибири и других инородцев в Восточной Сибири многие тысячи и построил в приходах их более тридцати церквей. На сооружение которых князь Гагарин много жертвовал своих денег³⁴. Он также много жертвовал деньгами и вещами в разные другие церкви в России и Сибири. В Киево-Печерскую лавру — золотые сосуды, украшенные драгоценными камнями³⁵. В Тобольский кафедральный собор

— дорогую архиерейскую митру. Она была из златотканой материи, убранство на ней однозолотое, чеканное, прорезное; 40 штук в серебре с разными крупными и мелкими камнями, по финифтям — красными яхонтами и алмазными искрами; вокруг их по всей митре обложено по одной нитке крупным добрым жемчугом, а подле него гороdochками обнизано мелким жемчугом. Спереди митры поставлена круглая золотая панагия с финифтями и камнями, на ней изображен крест, вокруг которого 41 лал и 8 изумрудов, а кругом по ободу в 8 штукаx 7 красных больших лалов и финифтяной работы распятие. В прочих на всей митре штукаx семь больших лазоревых яхонтов, красных лалов 16. Наверху крест однозолотый, с алмазными искрами, в середине — топаз сквозной, крест утверждён в лазоревом яхонте, сквозь просверленном³⁶.

В бытность губернатора Гагарина, в 1715 году митрополит Иоанн Максимович отправил первую духовную миссию в Пекин под начальством архимандрита Иллариона Лежайского, и с того времени на опре-

³² Иркутская летопись, помещенная в «Иркутских губ. ведомостях».

³³ Сибирская летопись, 1714, отд. 4.

³⁴ Краткое описание о народе остячком Г. Новицкого. Рукопись, хранящаяся в Тобольской архиерейской ризнице.

³⁵ Отечественные достопамятности. Москва, 1823 г. Ч. 2. С. 150. Киево-Печерская лавра.

³⁶ Опись Тобольской архиерейской ризницы, 1808. По указу Святейшего Синода от 13 апреля 1836 года № 4271 митра эта разобрана, и украшения ее хранятся в ризнице, в особом конверте за печатью консистории.

деленные сроки посылаются туда наша миссия.

Горное дело при князе Гагарине продолжалось в Восточной Сибири. В 1711 году по приказу его отправлено было в Москву с нерчинских рудников 9 пудов 38 фунтов серебра. В 1712 году провезено через Тобольск в Москву плавленного серебра из Нерчинска 4 пуда 35 фунтов и 59 золотников³⁷. По приказу губернатора в 1713 году посланы из Нерчинска в Москву опыты красной меди и медная руда³⁸. В 1717 году нерчинский комендант прислал в Тобольск к губернатору для свидетельства яшмы до 70 пуд. Яшма эта, как доносил комендант, найдена в ведении серебряных заводов от реки Аргуни в полуверсте. Она цветом зеленая, полосатая³⁹. По распоряжению князя Гагарина в 1713 году велено продавать свинец в Нерчинске, Селенгинске, в Удинске и других низовых городах по 10 денег за фунт и деньги отсылать в Нерчинск на серебряные и рудоплавные заводы⁴⁰.

Прежде чем окончу сказание еще о других полезных действиях князя Гагарина и желании его о завоеваниях на юге от Сибири, помещу сведения о частной его жизни. Князь Гагарин удивлял всех несметным своим богатством, великолепием и роскошью. За обеденным столом кушанья у него подавались на пятидесяти серебряных блюдах. В доме его было множество серебряных и золотых приборов и разных вещей. Стены комнат были убраны шелковыми, вышитыми золотом и серебром обоями, а в двух комнатах выложены сплошь жемчужными раковинами⁴¹. Полы были устланы дорогими персидскими коврами. Роскошь и великолепие доходили до того, что у карет колеса были окованы серебром, подковы у коней — серебряные. Что же сказать после этого об убранстве самих экипажей и упряжи! Торжественные обеды и балы происходили с музыкой, трубами, литаврами и органами⁴². Во время таких празднеств из окон дома

³⁷ Уведомительный приказ нерчинскому воеводе Качанову от 20 мая 1712 года.

³⁸ Уведомительный приказ губернатора, князя Гагарина, нерчинскому воеводе от 4 марта 1713 года.

³⁹ Сибирская летопись, 1717 г., отд. 1.

⁴⁰ Приказ губернатора, князя Гагарина, нерчинскому воеводе от 2 февраля 1713 года.

⁴¹ Из приказа губернатора, князя Гагарина, нерчинскому воеводе Качанову от 4 декабря 1712 года видно, что в Тобольске получено из Нерчинска казенных: всякой мягкой рухляди в 22 мешках да в ящике 2000 жемчуга.

⁴² На указе нерчинскому воеводе от 4 марта 1715 года после подписи губернатора, князя Гагарина, собственной же его рукой приписано: «Как сей указ получишь, то органы, которые в Нерчинску остались, от меня пошли их в Тобольск, не промедля малого времени, дорогой бережно вели вести».

его бросали черному народу горстями серебряные деньги, как говорили, «на драку». В московском его доме на Тверской стены были зеркальные, потолки из стекол и на них плавали рыбы в воде. Образа, находившиеся в спальне его, обложены брильянтами и стоили, по свидетельству тогдашних ювелиров, более 130000 рублей.

Во время князя Гагарина в Тобольске было в продаже песочное золото, привозимое из Яркена — города, подвластного в то время джунгарскому Контайше, а потому он вознамерился завладеть этим городом и яркенским золотым промыслом. Посему в 1713 году послал дворянина Трушникова к Хухонору для разведения и покупки золотого песка и, не сождав его возврата, поспешил представить Петру I несколько купленного золотого песку. Причем донес, что от Яркена до Тары доходят в $2\frac{1}{2}$ месяца и что, утвердись на озере Ямышеве, стоит только протянуть цепь укреплений через джунгарские владения до Яркена. Представляя завладеть этим городом, он вызвался устроить по Иртышу крепости, составить войско и содержать их из доходов Сибирской губернии. Только для отражения джунгаров, которые будут препятствовать постройке крепостей, просил прислать

к нему два или три полка регулярных и сверх того уфинских башкиров⁴³. Находившийся тогда в России хивинский посол Ачерби подтвердил донесение князя Гагарина о золотом песке. Вследствие этого Государь на представление сибирского губернатора собственноручно написал: «Построить город у Ямышева озера и буде можно и выше и постройка крепость искать далее по той реке вверх, пока лодки пройти могут и оттоль идти далее до города Эркета (Яркена) и оным искать овладеть. Для сего определить солдат 2000 или по нужде 1500; также сыскать из шведов (военнопленных) несколько человек, хотя года на три, которые умеют инженерства и артиллерии, также кои хотя мало умеют около минералов обходиться и офицеров несколько, однако чтобы их было не более трети». Затем Государь отправил в Сибирь по этому делу полковника Бухгольца, повелел ему быть в распоряжении князя Гагарина, но, между тем, дал особую инструкцию в шести статьях⁴⁴. Бухголец прибыл в Тобольск 30 ноября 1714 года и не мог отправиться в экспедицию ранее июля 1715 года.

Между тем как в Тобольске готовилась экспедиция к озеру Ямышеву и Эркети, приехали туда посланцы от Контай-

⁴³ О песочном золоте. Ежемесячные сочинения Миллера, 1760. Кн. 1, стр. 7 и 8.

⁴⁴ Повеление подписано 22 мая 1714 года на галере «Св. Наталия». Миллер о песочном золоте, стр. 31.

ши дчунгарского по делам торговым. Когда князь Гагарин объявил им, что Бухгольц отправляется для устройства крепостей по Иртышу, они отвечали: если со стороны русских не будет оказано неприятельских действий, то и хан не будет противиться назначению этой экспедиции.

Князь Гагарин, вручив Бухгольцу наставление, которое прежде получил от Государя, прибавил к нему только: «Если неприятель будет оказывать сопротивление при постройке крепостей, то, прося у Бога милости, идти против него. Если же он будет сильно наступать, то просить о прибавке людей, посылая в Тобольск или Тару и Томск, куда уже отправлены указы о том, чтобы оказывали ему всякую помощь». С отрядом, простиравшимся вместе с рабочими людьми до трех тысяч человек, на 32 дощаниках и 27 лодках отправилась экспедиция из Тобольска по Иртышу. К ней присоединились 12 дощаников купеческих с товарами. Путь к Ямышеву озеру еще с 1616 года был известен сибирским жителям. Ежегодно некоторые отправлялись туда на ярмарку, вывозили соль и торговали с бухарцами и дчунгарами (калмыками). В Таре Бухгольц получил конный отряд из 1500 человек, который шел берегом Иртыша. К первому октября экспедиция

благополучно прибыла к Ямышеву озеру, и там Бухгольц при речке Преспухе заложил крепость. В непродолжительное время вал, несколько казарм для помешения людей и анбары для запасов были готовы. В этом укреплении Бухгольц остановился с отрядом на зиму⁴⁵.

Между тем калмыцкие посланцы на дороге из Тобольска были ограблены киргизами и пришли к Ямышеву озеру. Они изумились появлению новой русской крепости, опасаясь, чтобы не сочли такового поступка за нарушение мира, они советовали Бухгольцу отправить к нему посольство и уверить его, что никаких неприятельских действий со стороны русских не будет. Бухгольц, согласно этому совету, отправил поручика Маркела Трубникова вместе с калмыцкими послами. Но это посольство не достигло своей цели: киргизы ограбили его и взяли в плен.

Дчунгарский (калмыцкий) хан Цеван-Араптан, получив сведение о постройке крепости и намерении русских продолжать поход далее в его владения, отправил двоюродного брата своего Церин-Дондука с 10000 калмыков. Они зимой на сырной неделе явились пред Ямышевской крепостью ночью, предполагая завладеть ею. Осажденные, застигнутые врасплох, не выдержали и первого нападения. Калмыки заняли

⁴⁵ Сибирская летопись, 1715 г., отд. 3.

крепость, но вскоре русские их выгнали. Но неприятели обложили крепость со всех сторон и решились, прервав сообщения, стоять вокруг нее до тех пор, пока русские, истощив все запасы, принуждены будут оставить укрепление. Причем калмыки взяли в плен и торговый караван, который шел к Ямышеву озеру и вез запасы и деньги осажденным⁴⁶.

После двухмесячной осады средства русских действительно истощились, а с появлением весны начались между ними болезни, и потому на военном совете определено: срыть крепость и возвратиться назад. Отряд, состоявший уже не более как из 700 человек, 28 апреля на 18 дощаниках поплыл обратно по Иртышу. Несмотря на неудачу, Бухгольц не считал дело окончательно потерянным. Прибыв к устью реки Оми, он уведомил о своем отступлении князя Гагарина и предложил ему устроить крепость близ этой реки, если только намерение идти со временем к Эркети не будет оставлено. Губернатор согласился с его предложением и отправил ему 1500 человек для усиления отряда⁴⁷. Бухгольц на левой стороне р. Оми заложил Омскую крепость. Устройство ее было: низкий земляной вал в фигуре правильного пятиугольника, обнесен па-

лисадом с пятью такими же бойверков на углах и со рвом, около которого были поставлены рогатки. Несогласия, происшедшие между князем Гагариным и Бухгольцем, были следствием, что последний не хотел более оставаться при экспедиции особенно потому, что губернатор в то же лето 1716 года послал подполковника Сибирского драгунского полка Федора Метигорова с небольшим числом людей к Ямышеву озеру, чтобы он возвратил то, что, по его мнению, уступил Бухгольц⁴⁸. Сей последний отправился 22 сентября в Тобольск, а оттуда по указу Государя в 1717 году вытребован в Санкт-Петербург. Метигоров вновь построил Ямышевскую крепость без всякого препятствия со стороны калмыков.

В 1716 году князь Гагарин писал с сотником Чередовым к дчунгарскому Контайше, что укрепление Ямышевское предпринято для защиты его от нападения со стороны киргизов, которых, между тем, под рукой поощрял к нападениям. Потом послал боярского сына Маремьянникова к тому Контайше и требовал возвращения казны и пленных, взятых в караване, шедшем к Ямышеву озеру. Посланный в 1713 году к Хухонору дворянин Трушников возвратился и привез до 200 лан

⁴⁶ Там же, 1715 г., отд. 2. Там гораздо подробнее.

⁴⁷ Миллер о песочном золоте // Ежемесячные издания 1761 г. Кн. 2. С. 99.

⁴⁸ Сибирская летопись 1716 г., отд. 3.

песочного золота, которое вымывается из речек хухонорских. Князь Гагарин препроводил золото к Государю и, за неполучением ответов от Контайши, представлял, что для довершения предприятия прилично бы успокоить владельца царской грамотой о миролюбивых действиях отряда в степи. Государь, посылая писанную в Амстердаме 18 декабря 1716 года грамоту, приказал губернатору отправить ее к Контайше и представил ему распорядиться экспедицией.

В 1716 году князь Гагарин послал сына боярского Калмыкова с стами человеками конных по правому берегу Иртыша до озера Нор-Зайсана для собрания обстоятельных сведений как об этом озере, так и о возможности проезда в тамошнем крае. Калмыков прибыл в Ямышевскую крепость, отправился оттуда далее и через две недели достиг Нор-Зайсана. Там, построив большую лодку, плавал для осмотра его. Между прочим, заметил, что оно во многих местах, особенно где из него вытекает Иртыш, обросло высоким камышом и что река эта там мелка и течет быстро⁴⁹.

В 1717 году по распоряжению губернатора Гагарина послана из Тары для постройки крепо-

стей по Иртышу сын боярский Павел Свиерский с партией казаков и сибирский дворянин Василий Чередов. Первый из них построил Железинскую, а другой Калбазинскую крепости⁵⁰; но эта последняя за недостатком жителей вскоре запустела. Чередов же, следуя далее, избрал место для Семипалатинской крепости и заложил ее.

Между тем князь Гагарин определил начальником новой экспедиции к Нор-Зайсану подполковника Прокопия Ступина, он по прибытии в Ямышев нашел, что построенное там в 1716 году Метигоровым укрепление было в малом размере и слабо укреплено, и потому раздвинул правильную крепость полустеиугольником с двумя больварками вместо земляного вала, построил высокую деревянную стену срубом кругом всей крепости, исключая сторону, прилегающую к Иртышу, которую по недоступности берега закрыл одним палисадом. Осенью 1718 года Семипалатинская крепость под наблюдением подполковника Ступина приведена в полное вооружение и устройство, подобно Ямышевской, и со всех четырех сторон обнесена была стенами.

В крепости этой тогда же

⁴⁹ Статья «Озеро Нор-Зайсан». «Тобольские губернские ведомости», 1860 г., № 18, стр. 138.

⁵⁰ Около древней джунгарской Калбазинской каменной башни, в которой была ламайская кумирня. Калмыки называли это здание Джалин-обо, потому что между 1680 и 1700 годами там кочевал Тайджа Джалин.

была основана деревянная церковь во имя св. Антония и Феодосия Печерских, и иконостас был в ней на холсте. Семипалатинская крепость получила свое название от семи калмыцких каменных палат. Они заключали буддийский монастырь, где была и ламайская кумирня. Калмыки называли эти палаты Зордшинкид, потому что были построены ламою Дорган-Зордшин, который там жил. Разорены эти палаты, как полагают, между 1660 и 1670 годами во время губительной междоусобной войны, последовавшей после разделения калмыцкого владения.

Полковник Бухгольц, старавшийся открыть разные злоупотребления князя Гагарина, возвратившись в Петербург, в оправдание свое очернил перед Государем действия сибирского губернатора⁵¹. Кроме того, по доносу обер-фискала Нестерова Государю сделались известны противузаконные поступки Гагарина и его несметное богатство. В ноябре 1717 года он вызван в столицу для присутствования по делу царевича Алексея Петровича. Между тем Государь повелел одному заслуженному и любимому полковнику исследовать на месте справедливость доноса, расспросить под рукой жителей сибирских о поступках их губернатора и, если он окажется

виновным, запечатать все его бумаги и привезти в Санкт-Петербург. Князь Меншиков убедил Екатерину, чтобы она присоветовала полковнику скрыть от Государя все неисправности и злоупотребления, какие окажутся в Сибири. Вслед за этим полковником Государь тайным образом отправил одного из своих денщиков в Тобольск для проверки его действий, приказав захватить бумаги Гагарина, если они оставлены без всякого внимания. Полковник сдержал слово, данное государыне, уверил монарха, что все довольны в Сибири губернатором. Денщик донес совсем противное и показание свое подкрепил подлинными документами, хранившимися в кабинете Гагарина. Государь прогневался на полковника, который умолял его о прощении, ссылаясь на полученные им раны в сражениях. Петр преклонил колено, поцеловал раны храброго воина, проливавшего кровь за отечество, и велел казнить разрушителя присяги.

В 1719 году генерал-майор Лихарев с достаточным числом офицеров и других чинов прибыл в Тобольск с двумя поручениями: 1) исследовать безуспешность Бухгольцова похода и разыскать, подлинно ли есть яркенское золото; если есть, то дойти до Нор-Зайсана и построить там крепость; 2) произ-

⁵¹ Жизнь Петра Великого. Соч. Галлема.

вести следствие по Сибири об управлении князя Гагарина. В 7 пункте инструкции сказано Лихареву: «Его Величество приказал по городам Сибирской губернии объявить письменно и словесно, что Гагарин недобрый человек и в Сибири ему губернатором не быть, а будет прислан на место его другой»⁵². Вследствие сего одни говорили, что песочное золото была ложь, другие, что Гагарин злоумышлял отделиться от России, потому верно, что в Тобольске водворены оружейные мастера⁵³, и началось делание пороха; третьи говорили о растрате государевой казны на свои удовольствия и проч. Лихарев произвел следствие с майором Тютчевым, а в Иркутск посылал гвардии капрала Мусина-Пушкина. Но прежде нежели назначен следователь Лихарев, Сенат с доносов тобольского обер-фискала Нестерова под рукой поверенных на месте имел крепкие доказательства о сибирских злоупотреблениях, так что 11 января в том же 1719 году объявил взяточниками и разорителями народа комендантов (с приезда в Сибирь Гага-

рина воеводы начали называться комендантами), комиссаров, дьяков, недорослей, которых губернатор вывез с собой из России до полусотни, и определил к делам и самого губернатора. После окончания суда над царевичем Алексеем Петровичем князь Гагарин заключен в Адмиралтейскую темницу, где около двух лет содержался. По словам современников Бусеевича и Берхгольца⁵⁴, был пытан и бит кнутом, но не признался в своих преступлениях. 16 марта 1721 года князь Гагарин предан смерти на виселице, устроенной против окон юстиц-коллегии. Государь, многие вельможи, сенаторы, престарелая жена Гагарина, его дети и другие родственники были в этом присутственном месте и видели ужасную кончину. По свидетельству Кампредона⁵⁵, 21 апреля труп был еще на виселице. Сын Гагарина, избалованный в лихоимстве, разжалован в матросы, лишен имения отцовского и относил действительную службу в новом своем звании. У Гагарина нашли 3 500 000 рублей деньгами и множество золотых

⁵² Полное собрание законов. Т. V, № 3284. Указ от 18 января 1719 года.

⁵³ Оружейные мастера водворены в Тобольске прежде князя Гагарина, в 1700 году, при воеводах князьях Черкасских, а Гагариным только усовершенствовано это мастерство с прибытием в Сибирь военнопленных шведов.

⁵⁴ Записки графа Бусеевича изд. в магазине Бишинга в IX часть, стр. 337. Записки Берхгольца, обер-камергера, герцога Голштейн-Готторнского Карла Фридриха, изд. Бишингом в XIX часть, стр. 79 и 80.

⁵⁵ Из записок Кампредона, французского посланника. Журнал Мин. нар. просв., 1843, март, стр. 167.

и серебряных вещей и драгоценных камней.

Вот все то, что в несколько годов, между прочим, мною собрано из различных источников о князе Гагарине. Из этого краткого очерка его жизни видно, что князь старался много сделать полезного для Сибири в угодность Государю, истекавшую из сердца преданного. И действительно много сделал. Распоряжения его к собранию сведений об островах на востоке и о Японском государстве; действия к расширению русских владений в Восточной и Западной Сибири; занятие в Дчунгарии местности от Омской вклю-

чительно до Семипалатинской крепости на пространстве 800 верст и приобретение с тем во владение Сибири несколько соляных озер, в числе их Ямышевское и Коряковское — не говорят ли за князя Гагарина и не ставят ли имя его незабвенным в истории Сибири? Верно, велики были его и проступки, что правосудие изрекло ему ужасный приговор. Но если взвесить преступления с действиями его на пользу управляемого края, его томление в темнице, страдания и позорную смерть на виселице, то нельзя отказать ему в сострадании об ужасном его жребии.

Птенцы гнезда Петрова

Статья Н.А. Абрамова о первом сибирском губернаторе князе М.П. Гагарине входит в трилогию о выдающихся сибирских администраторах XVIII века, принадлежавшую перу этого автора. Есть еще «несколько слов...», как пишет Н.А. Абрамов, — о Федоре Ивановиче Соймонове и Чичерине. Эти «несколько слов» и на сегодняшний день представляют интерес, так как после Н. Абрамова не было предпринято специальных исследований деятельности указанных губернаторов. Правда, персоны эти неоднократно упоминались в жизнеописаниях, например, на страницах «Российского биографического словаря» начала нынешнего столетия. Однако их судьба и жизнь в Сибири упоминались лишь в форме рефрена, то есть набора одних и тех же фактов, событий и оценок, скорее всего, почерпнутых у того же Н. Абрамова. Тем интереснее обратиться к первоисточнику.

Князь М.П. Гагарин — фигура весьма типичная для своего времени, когда из неспешной Московской Руси Россия превратилась в одну из мировых держав. Превращение свершилось в каких-нибудь три десятилетия. Вдруг изумленному взгляду Европы явилась Российская империя с мощными армией и флотом, способными выполнить любые поставленные задачи, например, разгромить сильнейшую в тогдашней Европе, а значит, и в мире, армию шведскую. В России появляются промышленность, наука, искусство... XVIII век в Европе — это век «куртуазных» приключений и расслабленного философствования. В XVIII веке Сибирь вошла в границы, известные нам по карте СССР (сегодня Сибирь находится в границах XVII века, а Тюмень вновь стала пограничным городом — до Казахстана рукой подать). Русские XVIII века поражали европейцев своей энергией, жадой до всего нового и до жизненного успеха, понимаемого как подвиг и слава...

Сколько инициативы ради государственного интереса высказал князь: присоединение Камчатки, новые крепости на юге Сибири. Далось ему песочное золото! Сидел бы тихо, глядишь, и до отставки по старости дотянул бы.

Петр I не смог бы вздыбить гигантскую евразийскую державу,

если бы с ним рядом не было «птенцов гнезда Петрова». Дворянские и боярские недоросли, получившие воспитание у «мамочек» и «дядек», а грамоту постигавшие в пределах часослова и псалтыри, должны были либо отойти на второй план, либо, надрывая все силы, постигать навигацию, фортификацию, геодезию, языки и т.п., одновременно выполняя государеву службу.

В статье Н. Абрамова бледно прорисован начальный период карьеры Матвея Петровича Гагарина. Между тем карьера эта была стремительна и многотрудна. В 1695 году Гагарин возвращается из Нерчинска. Какого рода службу он нес до 1701 года — неизвестно. В 1701 году Петр I поручает ему надзор за сооружением шлюзов в разных местах Европейской России.

Дело в том, что после взятия Азова в 1696 году Петр I вознамерился соединить Дон с Волгой, чтобы обеспечить непрерывную водную магистраль с севера на юг России и далее в Азовское море. Заведовать этими работами и был назначен князь. Кроме того, он руководил одновременно «перекопными» работами по соединению Балтийского, Каспийского и Черного морей посредством каналов. С 1701 по 1707 гг. Гагарин неустанно трудился над воплощением этих титанических проектов. Приставив Гагарина к своему любимому делу — расширению и упорядочению водных путей, — Петр I тем самым приблизил к себе князя. Поэтому неудивительно, что князь начинает стремительно продвигаться по служебной лестнице. В 1706 году он назначен «начальным человеком» Сибирского приказа. Согласно царскому указу, ему велено «писаться генералом-президентом и Сибирских провинций судьей». Так как Сибирский приказ и Оружейная палата ведались одним судьей, то Гагарину приходилось выполнять приказания Петра I об изготовлении и высылке оружия, знамен и т.д. В 1707 году Гагарин был назначен московским комендантом, и как раз в это время приказано «Кремль и Китай фортифицировать», вследствие слухов о намерении Карла XII идти из Саксонии в Польшу для вторжения в Россию. Матвей Петрович был принужден с ходу заняться этой сложной и ответственной работой. Одновременно ему было поручено заниматься делами шведских пленных, с которыми он вновь повстречается в Тобольске, уже находясь в должности сибирского губернатора. В 1709 году Гагарину поручается наладить стекольное производство в Москве. В 1708—1709 гг. на князя Гагарина возложено наблюдение за изготовлением гравюр и чертежей для книг, выходивших в Московской типографии и т.д. Неудивительно, что расторопный и толковый московский градоправитель снискал милость царя и уважение высокопоставленных персон. В июле 1709 года во вре-

мя празднования Полтавской победы было дано два официальных торжественных обеда — у царевича Алексея и у князя Гагарина. Месяц спустя после этих торжеств в Москве случился страшный пожар, выгорело около пяти тысяч домов, в том числе сгорел новый дворец Гагарина¹. Матвею Петровичу поручается восстановление столицы. В 1710 году Гагарину поручено осмотреть большие Боровичские пороги на реке Москве и принять меры к улучшению ее судоходности. В этом же году он занимался ответственным поручением царя — сбором сведений о всех государственных доходах и расходах. Все эти дела велись на фоне огромного количества других, менее крупных, но не менее ответственных заданий.

Одновременно Матвей Петрович с 1708 года отправлял должность сибирского губернатора. В Сибирь же он смог выехать только в середине 1711 года. Уже в этом году до царя дошли первые слухи о злоупотреблении губернатора Гагарина, вследствие чего он велел князю вывезти из Сибири всех своих родственников, гревших руки у «китайского торга». Однако злоупотребления не прекратились. В 1714 году обер-фискал Нестеров писал царю, что Гагарин вновь допускает к китайскому торгу только своих друзей, вместе с которыми получает «превеликое богатство». С 1715 года начинается следствие по делу князя Гагарина. Он был вызван в Петербург и должен был отвечать на обвинения перед следственной комиссией. Между прочим, в вину ему ставилось занижение «суммы окладного сбора», то есть реальных доходов губернии: «то явная губернаторская неправда и похищение казны». Упомянутая Н. Абрамовым комиссия майора гвардии Лихарева составила целый реестр скрытых взяток и сборов. На следствии открылось, что Гагарин утаил хлеб, купленный на Вятке; велел брать казенные деньги и товары на свои расходы; брал взятки за дачу на откуп «винной и пивной продажи»; писал угрожающее письмо купцу Гусятникову с тем, чтобы последний прислал ему «китайские подарки»; удержал у себя три алмазных перстня и алмаз «в гнезде», купленные на казенные деньги. 11 января 1719 года Гагарин был уволен от должности и взят под караул.

¹ В Москве князь М.П. Гагарин имел дом в «венецианском стиле»; по потолку золотые рыбки плавают. В домовая церковь — икона в 130000 рублей при годовом доходе всей Сибири 222080 рублей. Когда конфисковали гагаринские имения и имущество, даже царь не побрезговал — взял себе два ружья с драгоценной отделкой тобольской, между прочим, выделки. Ведь знал князь, что до добра показная роскошь не доведет, а удержаться не мог. Слава, почести — вот что дорого! И не один он вел себя подобным образом. И это при том, что Петр за воровство вешал.

Н. Абрамов пишет, что Гагарин не признал за собой вины, несмотря на допросы «с пристрастием». Признал. Известно письмо князя Гагарина к Петру I с признанием вины и с просьбой о помиловании: «Припадая к ногам вашего величества, прошу милосердия и помилования ко мне погибающему: разыскивают много и взыскивают на мне управления во время ведения моего Сибирской губернией и покупки алмазных вещей и алмазов, что я чинил все не по приказному обыкновению. И я, раб ваш, приношу вину свою пред вашим величеством, яко пред самим Богом, что правил Сибирскую губернию и делал многие дела просто, непорядочно и не приказным повелением, також многие подносы и подарки в почесть и от дел принимал и раздачи иныя чинил, что и не подлежало, и в том погрешил пред вашим величеством, и никакого ни в чем оправдания, кроме винности своей, принести вашему величеству не могу, но со слезами прошу у вашего величества помилования для милости Всевышняго к вашему величеству: сотвори надо мною многобедным милосердие, чтоб я отпущен был в монастырь для пропитания, где б я мог окончить живот свой, а за преступление мое на движимом и не движимом моем имении да будет воля вашего величества».

С пребыванием М.П. Гагарина на посту сибирского губернатора связан один миф. Гагарин якобы планировал отделение Сибири от России. Миф этот, по-видимому, родился еще во время следствия майора Лихарева. Как пишет П.А. Словцов в своем «Историческом обозрении Сибири»: «Иной утверждал, что песочное золото было ложь, другой — что Гагарин злоумышлял отделиться от России, потому, верно, что им водворены в Тобольске вызванные оружейники, и началось делание пороха, третий говорил о растрате государевой казны на веселости, и всякий по-своему топтал длинную тень человека, далеко сидевшего при закате солнечном». «Четвертым» оказался И.Ф. Страленберг. В своей книге «Северная и восточная часть Европы и Азии» этот швед, бывший русский пленник, находившийся в плену в Тобольске в бытность там губернатором князя Гагарина, утверждает, что последний вынашивал планы отделения Сибири от России. Н. Абрамов даже не считает нужным специально останавливаться на сепаратистских планах, якобы бывших у М.П. Гагарина. Так же поступил и самый маститый «историк», занимавшийся данной проблемой, — Екатерина Великая. В своей книге «Антидот» («Противоядие»), являющейся отповедью на пасквиль, принадлежащий перу некоего аббата Шаппа д'Отеросия, опорочившего в своей книге Россию и все русское, Екатерина прямо заявляет, что «сколько мне помнится, губернатор этот был каз-

нен не за то, что имел это намерение, в котором он никогда не был достаточно уличен, но за притеснения и жестокости, исчисляемые в приговоре над ним». Отчасти миф о «сепаратисте» Гагарине зиждится на ужасном обстоятельстве его казни. Гагарин был повешен 16 марта 1721 года перед окном Юстиц-коллегии (по другим данным — Сената) «...куда, кроме сенаторов, были собраны смотреть на казнь и все родственники преступника, которые потом должны были весело пить с царем». Укрепленный цепями труп князя Гагарина провисел до ноября 1721 года. Сразу после осуждения князя серьезно пострадала семья: было конфисковано все. Однако уже в октябре 1721 года вдове вернули поместья, составлявшие в свое время ее приданое. «Фольклорное» происхождение гагаринского сепаратизма подтверждается и тем, что в свое время была записана народная песня о князе Гагарине, а этот жанр, как известно, далек от исторической реальности и использует последнюю лишь в качестве сюжетной основы, изукрашенной безудержной фантазией. В песне описываются «хитрия» палаты князя; между прочим, сказано, что он лежит на кровати, любится на рыбок, играющих под толчком, и мечтает послужить в Сибири и построить палаты

*Не лучше бы, не хуже бы государева дворца,
Только тем разве похуже — золотого орла нет.
Уж за эту похвальбу государь его казнил.*

*С. Туров,
сотрудник
Тюменского госуниверситета*

Завод Гуллета в Тюмени

Много лет тому назад, кол-лекционируя художественные открытки с видами Тюмени начала века, мне случайно попала одна из них с весьма занятным содержанием. На фоне речной глади красовался двух-

палубный пассажирский пароход под названием «Инженеръ-механикъ Гуллетъ». Откуда в Сибири мог появиться человек с фамилией явно английского происхождения, каков уровень его заслуг, если в честь меха-

Реклама машинно-судостроительного и литейного завода Р.Г. Гуллета, конец 60-х годов прошлого столетия

ника назван один из флагманов сибирского речного флота? В любом поиске самое важное — это правильно поставить вопрос, сформулировав его таким образом, чтобы он в максимальной степени мобилизовал ум и энергию человека, в нетерпении желающего в короткие сроки найти ответ на родившуюся загадку.

Быстрее всего удалось узнать судьбу парохода. Как оказалось, один из первых пассажирских судов с колесно-лопастным двигателем, построенный в Тюмени, как тогда говорили, по «американскому» типу, вышел на речные линии Томск—Барнаул—Бийск в начале 90-х годов прошлого столетия. Свое имя он получил в память об одном из основателей тюменского судостроения Р.Г. Гуллете — инженере английского подданства. Пароход

принадлежал томской купчихе второй гильдии Е.И. Мельниковой. Судьба судна оказалась весьма печальной: спустя самое короткое время после постройки пароход затонул вблизи Новониколаевска на Оби.

Имя инженера-судостроителя Роберта Гекторовича Гуллета (1800(?)—1869 гг.) в российской печати впервые стало известно с 1841 года, когда на заводе Гакса и Гуллета в г. Кунгуре был построен металлический корпус парохода «Опыт» с машиной и котлом екатеринбургского механического завода Гуллета (Гакс — компаньон Гуллета по Екатеринбургу, английский подданный, механик). После удачного предпринимательского опыта в Екатеринбурге и Кунгуре Гуллет избрал местом своего постоянного проживания г. Пермь. Здесь же в 1858 году Гуллет создал еще

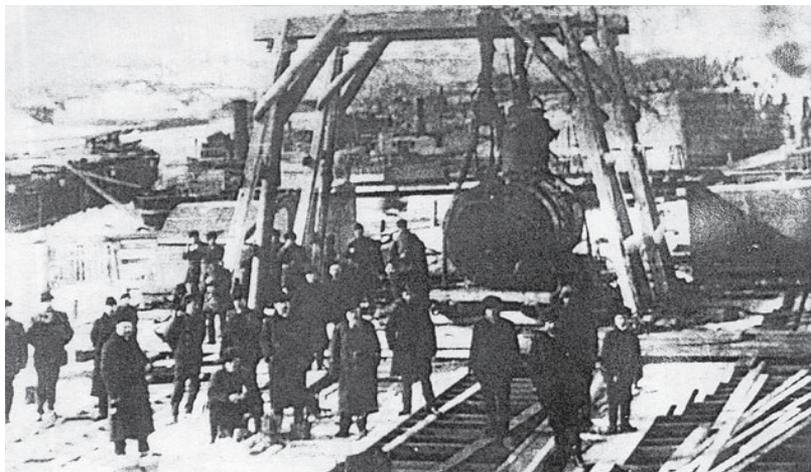
Пристань и первая водокачка на р. Туре в Тюмени, на левом берегу — стапели завода Гуллета, фото 1877 г.

один судостроительный завод на Каме (с 1887 года — завод Любимова).

Постоянная потребность в расширении производства, а также жесткая конкуренция со стороны пермских и нижегородских судостроителей заставили Р.Г. Гуллета обратить внимание на перспективный Обь-Иртышский бассейн. В 1860 году он организует в Тюмени филиал своего екатеринбургского механического, а по сути — судостроительного завода. Три года спустя, ввиду резкого увеличения объема заказов, целиком переводит его в Тюмень, поближе к сибирским речным путям. Здесь, отказавшись от услуг Гакса, он находит нового компаньона, соотечественника Л.М. Пирсо-

на — волжского инженера-судостроителя из Сормово. Совместно с ним Гуллет основывает первый в Тюмени и Сибири «машино-судостроительный и литейный завод».

Завод разместили на левом берегу реки Туры, почти напротив городской пристани, немного ниже по течению. Поначалу скромные деревянные сооружения барачного типа с трудом ассоциировались с понятием завода. Правильнее их можно было бы назвать мастерскими с кузницей для сборки паровых корпусов, большая часть деталей которых готовилась на уральских заводах. Два года спустя открылись чугуно- и меднолитейные цехи. О производственных возможностях завода можно судить по переч-

Закладка корпуса речного парохода и установка парового котла на верфи Гуллета, 90-е годы прошлого столетия

но имеющегося оборудования. В цехах стояли два паровых котла с паровыми машинами, три строгальных станка, одиннадцать токарных, пять сверлильных, болторезный станок и один паровой молот. В итоге к 1869 году завод имел возможность постройки пароходов, барж и паровых машин собственными силами, минуя услуги уральских и западных конкурентов. До 1870 года все сибирские пароходы строились только на заводе Гуллета. Основной технологии стал опыт волжских заводов.

После кончины Р.Г. Гуллета в 1869 году его механический завод в Тюмени возглавил инженер Лонгвинов, сохранивший традиции предприятия, заложенные его основателем. Надо заметить, что, несмотря на иностранное звучание фирмы «Гуллет», завод был целиком оснащен оборудованием российского производства и укомплектован отечественными кадрами, включая инженерные. Название фирмы сохранили и после кончины основателя как в память о нем, так и в рекламных целях.

Завод первым в Сибири перешел от кустарного производства судов к промышленно-поточному — в этом состоит несомненная инженерная заслуга Р.Г. Гуллета. Здесь впервые за Уралом стали строить железные баржи и корпуса судов, первые сибирские паровые машины с

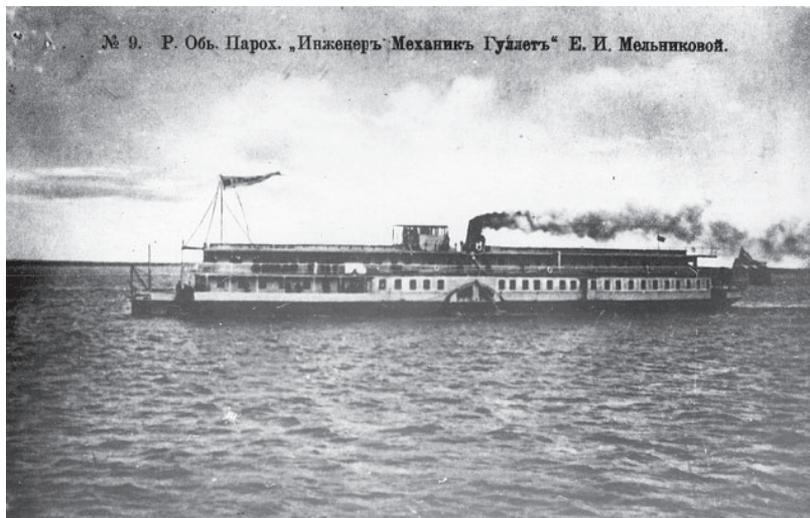
трубчатым котлом высокого давления, центробежные насосы, мукомольные мельницы, лесопильное оборудование, аппараты и приборы для местных винокуренных заводов и сибирских золотых приисков, водопроводные трубы (в том числе сверленные деревянные из лиственницы) и водоподъемные машины-насосы. Весь этот набор необычной продукции, включая железные поковки и медное литье, был показан на престижной промышленной выставке в Тюмени в сентябре 1871 года, собравшей предпринимателей из Томска, Семипалатинска, Ирбита, Кургана, Омска и других уральских и сибирских городов.

На ярмарке завод Гуллета по оригинальности инженерных решений и числу изделий, а их было более 120, занял ведущее место. Отмечалась предприимчивость работников завода, их заинтересованность в распространении продукции по всей территории Сибири, вплоть до Байкала и Лены. Хозяин завода не только продавал изделия, но и готовил кадры речников. В семидесятых годах большая часть машинистов сибирских пароходов получила квалификацию в цехах завода. Позже они становились основателями ремонтных мастерских в других сибирских городах. К началу 70-х годов общая численность работающих достигла 800 человек.

Среди знаменитых изделий, отмеченных золотыми медалями

ми и составивших когда-то славу завода, 400-сильный буксир «Тара», пароходы «Работник» (520 л.с.), «Семипалатинец» (200), «Сибиряк» и «Уфа». Здесь в 1893—95 годах были созданы первые в Сибири пассажирские пароходы «Кормилец» (200 л.с.) и «Любимец», железная плавучая тюрьма на 700 человек, паровой механизм фабрики купца Ядрышникова, чугунный фонтан с водоотборными кранами для Александровской площади в Тюмени, мукомольная мельница и сита для верфи Вардроперов на реке Тавде и многое другое. Продукция завода была настолько известна в стране, что адмирал С.О. Макаров, посетивший Тюмень в 1897 году, посчитал необходимым подробное ознакомление с его цехами.

На живописном берегу реки Тавды близ бывшей, некогда процветающей деревни Жиряковой на территории судовой Вердроперов до сих пор сохранились механизмы паровой мельницы, зернодробильной машины и набора сит, сделанные на заводе Гуллета. Когда мне несколько лет назад удалось впервые увидеть тончайшие отверстия этих сит самой различной формы и размеров, я был поражен совершенной технологией, которой обладал завод сто лет тому назад. Образцы гуллетовских сит, как и паровых насосов и сверленных водопроводных труб из дерева, бережно хранятся в музее истории науки и техники при нефтегазовом университете. Хорошо бы привезти в Тюмень

№ 9. Р. Обь. Парох. „Инженеръ Механикъ Гуллетъ“ Е. И. Мельникова.

Пароход «Инженер-механик Гуллетъ» на р. Оби, фото 1892 г.

и сами механизмы как память о достижениях безымянных инженеров предшествующих поколений, да где взять понижающего спонсора?

В деятельности любых организаций, будь то театр, учебное заведение или завод, после определенного периода расцвета по ряду объективных или случайных причин часто приходит спад. Нечто подобное произошло и с заводом Гуллета в Тюмени после кончины его энергичного основателя. Одной из причин стал не совсем удачный выбор места для завода: низменная береговая полоса ежегодно в весеннее половодье подвергалась затоплению. Работа по строительству и ремонту судов с самого начала вынужденно становилась сезонной. Может быть, по этой причине завод Гуллета, в отличие от аналогичного завода И.И. Игнатова на Мысу, построенного почти одновременно, никогда не имел капитальных кирпичных корпусов. Деревянные одно- или двухэтажные бараки строили как временки — без отопления и вентиляции, по типу невдалеке стоящих кожаных «заводов».

Никто в жизни не застрахован от ошибок. Ошибка Гуллета на фоне деятельности более удачливых тюменских конкурентов — владельцев судоверфей вскоре неминуемо и самым роковым образом сказалась и на судьбе завода. Печальная развязка ускорила перепроизвод-

ством сибирского зерна в кризисный 1893 год. В результате катастрофически упали заказы на речные суда, а действующие пароходы десятками простаивали у пристаней. Уже в 1895 году завод перешел в руки коммерческого советника А.К. Трапезникова. Фирма с несколько измененным названием «Гуллет и Н-ки Пирсона» только арендует сохранившиеся здания. Почти втрое сократилось число работающих, оборудование не обновлялось, прекратился вклад капитала на совершенствование технологии. «Сибирская торговая газета» в феврале 1898 года с горечью писала о том, как умирает некогда процветающий завод: «тесные бараки с деревянным полом, вместо надежной вентиляции — дыры в потолке, закрываемые кошмой, отопление — железная печь, отапливаемая нефтью, копоть, гарь. Сборочный цех — балаган из тонкого теса, высокий травматизм, врачей нет...». В 1901 году завод Гуллета окончательно обанкротился, фирма прекратила свое существование.

На базе оставшихся строений завода бытовую продукцию пытались реанимировать с 1905 года верфь Воткинского завода, а затем, в 10-е годы, — екатеринбургский мещанин М.А. Кудряшов. По рекламным объявлениям 1910—1912 годов он предлагал для продажи паровые машины, котлы и ремонтные услуги. Деятельность это-

го предпринимателя, если не считать сборку двух пассажирских пароходов «Русь» и «Европа», в истории тюменского судостроения заметного следа не оставила. Позже, до ноября 1917 года, здесь размещался завод Гуртнера.

После гражданской войны в сохранившихся помещениях разместилась артель валяной обуви «Угольник», в начале тридцатых годов переместившаяся на улицу Фабричную. С

1941 года здания принадлежали эвакуированному из Киева заводу «Цепи Галля». В послевоенные годы на его базе возник весовой приборостроительный завод. После переезда последнего на новое место по улице Одесской здесь разместился механический завод, бывший РПО «Роскульттехника», сейчас — промышленно-производственная база АООТ строительной фирмы «Жилье» (ул. Береговая, 199-б).

В изгнании

Ностальгические записки о дизайне землянки

Старшему поколению немцев имя Эрны Гуммель говорит немало. Ее лирические стихи очень часто мелькали на страницах немецких газет «Freundschaft» и «Neues Leben». Сложись ее жизнь иначе, из-под ее пера вышло бы еще немало. Однако судьба предложила ей другую долю: быть учителем, дояркой, лесорубом, завести ферму, преподавать зарубежную литературу в Тюменском пединституте. Делить голод и унижения со своим изгнанным народом.

Эрна Фридриховна Гуммель, моя мама, родом из Поволжья (село Динкель), как понимаете, не по доброй воле оказалась в Северном Казахстане, а по-

том в Тюменской области (деревенька Княжево, а потом уж областной центр). Но мужество, с которым она приняла испытания, азарт, с которым жила, а не выживала, несокрушимая созидательная сила заставляют меня рассказать о ней — отверженной, да не поверженной. Уж поверьте, далеко не всякий способен остаться личностью в обстоятельствах, попирающих человеческое достоинство.

Бывают роковые дни, а бывают и роковые месяцы: все важнейшие события нашей жизни так или иначе связаны с августом. Наши предки приехали в Россию в августе 1764 года осваивать пустоши Волги. Они дополнили собой ряды учите-

лей, а их потомки — ряды тех, кого тридцать седьмой отправил в места достаточно отдаленные. 28 августа 1941 года нас объявили врагами народа и повезли этапом в ссылку.

Дорога шла через опустевшие села. Над караваном скорби стоял стон. Люди шли в неизвестность, и их не привыкшие бунтовать сердца тянулись к единственной оставшейся надежде — к Богу. Они пели псалмы попеременно со скорбной песней изгнанников: «Nun, ade mein Liebes Vaterland, lieb Wolgaland, ade...». Мужчины плакали.

В кустах по краям дороги стояли пулеметы. Люди в военных одеждах негромко переговаривались между собой, слышалось: «Диверсанты, диверсанты». Это слово понимали даже мои односельчане, не знавшие русского языка, и тогда вид пулемета в кустах производил на них успокаивающее впечатление. Блаженны не ведающие...

На рассвете 14 сентября нас привезли к месту назначения. Оставили у озера Питное, на окраине спящего села Пресновка. Северный Казахстан. Восходящее солнце золотило и без того яркие листья берез и осин. Еще вчера в наш караван летели камни (отнюдь не в переносном смысле), кричали вслед: «Фашисты, гитлеры!». А сегодня — покой новорожденного дня, водная гладь озера и степь. Мы ожидали сибирского холо-

да, а оказались в раздолье «бабьего лета». Степь пахла пылью, оставленной позади родной. Проводник, которого мы не могли называть конвоиром, видел эту красоту уже в сотый раз. Для него она не была редкостью. Но он умел радоваться чужой радостью и смягчить чужую боль. Его сердце было мудрее должности и газетных призывов. «Ничего-ничего», — скороговоркой произносил уже знакомое нам слово.

Привезли лопаты. Крестьянские крепкие руки моих односельчан быстро освоились с нехитрым делом, и к вечеру этого же дня на окраине села родилась новая улица — немецкие землянки из дерна. Позже на этих местах вырастут дома Амалии и Генриха Шеферов, Анны Шмидт, Кребсов, Геллеров, Руди, Веберов — аккуратные немецкие дома с ухоженными огородами. Но я нетерпеливо забежала на несколько лет вперед. А сегодня — голод, неустроенность, языковой барьер и трудармия — так лицемерно назывался концлагерь для российских немцев.

В ссылку мама захватила с собой множество пустых мешков. Вроде бы для смягчения папиного ложа: он лежал на телеге после тяжелой операции. Из этих рогож и сермяг у нее получились вскоре накидки, коврики, салфетки. С мережкой и прошвами, с вышивкой из выдернутых ниток. В первый же

день нашей оседлости землянка окрасилась осенним заревом: мама поставила на имитированный стол, покрытый настоящей льняной скатертью (мое дело было «кисть давать» по ее краям), вазочку с осенним приветом. Стены землянки, обтянутые мешковиной, постепенно превращались в ковер, узоры на котором менялись вместе с временами года.

В степном крае росли тыквы, оранжевые «солнышки». Выдолбленные изнутри и подсушенные, они превращались то в декоративные чаши, то свисали с потолка, перекликаясь с кустиками перекасти-поле. Сухие цветы продолжали жить благодаря веселой маминой руке. Впрочем, и мешки, набитые соломой, только ночью служили нам ложем; днем, поставленные по принципу шезлонга, они превращались в кресла с диковинными ковриками из той же мешковины.

Весна сорок второго. Кровь хлынула у отца из горла. Это прорвалась скрытая болезнь. Ему оставалось жить три месяца. Предыдущие двадцать лет были потрачены на то, чтобы найти себя — сперва заслуженный учитель истории, затем бухгалтер, который временами грузит мешки с зерном без скидки на только что перенесенную тяжелую операцию. Отец бы выдержал, не выдержал шов. Я стояла и все видела. Отец молчал в ответ на ру-

гань приставленного к нему человека; он как-то неловко клонился и клонился вправо, словно это именно оттуда из него уходил мощный запас жизни... Затем начался этот кашель.

Память выхватывает последние дни папы. Мы жили тогда на квартире у Малыхиных, добрых и милых людей. Деньги тогда не имели цены, за квартиру платили вещами. Шелковое платье за прожитый месяц — и обе стороны почти что довольны. Но когда месяц спустя хозяйке пришла похоронка, она, почернев лицом, изошлась в крике. Она прижимала к груди трехлетнего Мишку, Стешка и Груша цеплялись за ее руки... «Уходите! Уходи-и-ите!». Она не могла больше видеть нас — немцев.

В землянке, куда мы ушли за два дня до смерти папы, жили еще три семьи. Отец умер в августе сорок второго. Его смерть была первой смертью среди спецпоселенцев. За ней последуют сотни и сотни, но это уже потом.

«Учитель умер, — пронеслось в народе, — учитель умер...». Притихшие люди сбились стайкой возле нашей землянки, заполнили Немецкую улицу, из окрестных деревень все шли соотечественники. А уже действовал указ о невыезде из «приписанного» села дальше двух километров. Удивленные жители Пресновки впервые услышали пение надгробных псалмов — шла длинная процессия отвер-

женных по пыльной улице Береговой, и над этим скорбным шествием неслась зауспокойная песня моих предков. Они пели, не зная, что поют в последний раз, что им будет запрещено собираться вместе и петь.

В этот день, 26 августа, пришли арестовать моего отца как врага народа. А мама пополнила собой ряды вдов.

Внешне мама смотрелась нежной и беззащитной, словно боггичеллиевская женщина. А в сибирском тылу требовались бойцовские качества. На ней лежало все: лесозаготовки, жилье, еда, уход за матерью, за умирающим мужем. И где-то на обочине ее жизни — я, неухоженное дитя военного времени.

Хрупкая снаружи, мама была «танком» внутри. Или бронетранспортером. Сорок второй год унес отца и принес неожиданный поворот судьбы: маме была предложена должность учителя в школе. И на много лет вперед — комендатура, «отметки» в самое что ни есть неурочное время. Грустный опыт унижения — нас стали поднимать задолго до рассвета, в любую погоду. Мы стояли в этой очереди и прятали глаза. Мимо шли мои ровесники, они знали, что это за очередь. У каждого свои счета с жизнью. Вероятно, мои одноклассники считали, что здесь действует высший закон справедливости: око за око, немец за немца.

У меня отличная память на

цифры и абсолютно никакой на имена и фамилии. Я никак не могу вспомнить фамилию четы врачей, приехавших в Пресновку сразу же после войны. Я сломала ногу, и они потребовали с моей неимущей мамы огромную взятку за то, чтобы наложить на ногу гипс немке. «А то у вашей дочери будет пятак на боку». Их фамилия напрочь исчезла из моей жизни, тем более что она была вовсе и не их собственной фамилией, а принадлежала отправленным ими в фашистский крематорий врачам. Их позже разоблачили и увезли в неизвестность, а ногу мне сложила медсестра Валентина. Она имела на фронте богатый опыт по этой части.

Я листаю в памяти год за годом. Не хочу писать о немецких трудовых лагерях, где в одном только Челябинске были уничтожены 20 тысяч якобы врагов народа. 31 января 1943 года полуживые узники должны были ломанами разбивать кучу смерзшихся тел — около пятисот трупов. Обо всем этом будет еще написано в другое время и в другом месте. Сегодня же я возвращаюсь в свое нищее детство и вижу талантливую женщину, которая посреди войны, ссылки, унижения, бесправия, лесоповала, голода никогда трусливо не отказывалась от своей нации, от своего языка:

*О мой язык, причина
унижений,
потери крова, горя
и лишений!*

*И в час отчаянья
и беспроектной лжи
ты силы дал мне,
чтобы дальше жить.
(Перевод А. Ободчука)*

Но стихи на немецком языке предназначались в основном для письменного стола. А чтоб тебя слышали сегодня — можно и петь. В сельском клубе можно петь русские романсы. И я помню, как ей долго хлопали за романс «Белой акации гроздь душистые». Видимо, прощали за эту песню и то, что она немка, и то, что она такая стройная, и даже то, что на ней платье из крепдешина с чайной розой на плече. Впрочем, платье было единственное, не считая рабочего школьного костюма. Оно было только для этой сцены и в повседневности приравнивалось к нулю.

Полина Петровна, сестра писателя Ивана Петровича Шухова, наш школьный завуч, тоже пела с этой сцены. У нее был классический репертуар, сопрано и вишневый бархатный костюм. Тоже для сцены и только для исполнения классических романсов. И мама, и Полина Петровна играли в спектаклях «Платон Кречет», «Коварство и любовь». Эта их жизнь называлась второй, но еще неизвестно, которая из жизней для них была главнее. Так как они стояли на очень разных ступенях общественной лестницы, о соперничестве и речи быть не могло. Полина

Петровна как человек воспитанный умело держала дистанцию, как актриса — паузу, и ее выразительные черные глаза смотрели холодно.

Годы шли.

Но потом приключилась одна житейская история. Молодая учительница из пришлых увела из семьи другой учительницы мужа и теперь упивалась своей победой. Надо добавить, что разлучница была лучшей подругой семьи. В селе такого почти не случалось. А в учительском тесном кругу и подавно. Здесь каждый угол злосчастного треугольника был приговорен работать бок о бок друг с другом.

Брошенная сидела у окна. Ее иконный лик был непроницаем. Юная победительница стояла у окна и зябко кутала изящные плечи в ажурную белую шаль. Жест в сторону матери: «Ваша Эрика опять сегодня локоны распустила». Малышка явно чувствовала, что спещоселенка — второго сорта человек и любой выпад против нее встретит понимание. Это была явная неосторожность. Мать спокойно: «Вы совершенно правы. Я оказалась не очень хорошим воспитателем своей дочери. Но одно я втолковала ей крепко: никогда не лезь в чужую семью».

После этого случая ледок в голосе Полины Петровны Шуховой растаял окончательно. Мужество моей матери, прямо-

та и цельность ее характера вызывали безусловное восхищение.

Мама не терпела лжи. И не солгала ни разу в жизни.

У многих людей ложь порождена трусостью. Боязнь не понравиться другому. Ложь, порожденная комплексом неполноценности. Я же лгала легко и вдохновенно, везде был подтекст: а такой вариант этой жизни ведь тоже возможен? Я проживала таким образом не одну, а десятки жизней на заданную тему, и это приводило мою правдивую мать в отчаяние, легко переходящее в ярость. Не имея времени на педагогические тонкости, мать пользовалась домашним способом воспитания — прутком. В нашем доме не было мужчин, следовательно, и ремня. К слову сказать, мама наказывала прутком меня одну. Остальные дети росли послушными ангелочками, но всех унесли голод, неустроенность и их попутчики — болезни. И только я с упорством звереныша цеплялась за дарованную жизнь.

Зима сорок шестого упала после жаркого лета и засыпала глубоким снегом поля с неубранным картофелем. Позже, весной сорок седьмого, мы по колено в талой воде будем добывать из-под снежной кашицы перезимовавший картофель и печь из него черные лепешки. Долго это будет единственным нашим спасением. Оттуда

я в дальнейшую жизнь привнесла суставной ревматизм и жаркую нелюбовь к картофельным лепешкам. Но я хочу сказать: как ни голодали, как ни съедали все, что жевалось, а тыквенные вазочки оставались неприкосновенными.

Кроме прочего, мама рисовала. Особенно удавались ей пейзажи. Сегодня ее пейзажи окружают меня, их много, мама щедро одаривала ими своих и моих друзей и, как всякий от души дарящий, была этим сама счастлива. Она настолько поклонялась Красоте, что додумывала то, чего не было. Но по закону гармонии должно было бы быть.

Мой затянувшийся период Гадкого Утенка не завершился традиционным Лебедем. Я не могла вдохновлять кисть мамы, равно как и моя подруга Валька, взаимоотношения с которой состояли из цепи драк и примирений. Вальку я любила, а красавице Тоньке завидовала. Мать восторгалась Тонькиной красотой и упорно не замечала ее недостатков. А Тонька постоянно говорила не своим голосом и принимала искусственные позы. Это был ее способ привлечь к себе внимание. Тонька вызывала удивление с первого взгляда и скуку — со второго. Это не мешало моей маме набрасывать Тонькины фасы и профили до тех пор, пока мы с верной Валькой однажды не сожгли все ее портреты в печке.

Два слова о манере мамы писать — так называемая творческая кухня. Написав цикл стихов, мама вроде бы теряла к нему всякий интерес. И ходила по дому опустошенная. Через несколько дней достает написанное, читает, перечеркивает, переписывает. Начинается черновая работа. Но окончательным остается первый вариант.

Стихи мамы не переведены на русский язык. В «Антологии советских немецких писателей» творчеству Эрны Гуммель уделено достаточное внимание, но и там приведены далеко не лучшие из ее стихов (Алма-Ата, 1982. Т. 2). В 1967 году в самиздате по России прошли ее стихи на родном языке. Этот цикл стихов был опубликован через неделю после смерти мамы. До сих пор я получаю письма от друзей из Америки, Германии, России с просьбой прислать тексты этого цикла.

Немцы жили и выжили, как могли. Многие из тех, кого не унесла трудармия, поспешили отмежеваться от самих себя. Из пятимиллионной немецкой прослойки в России во время одной из последних переписей населения три миллиона указали любую другую национальность, только не немец... Носители языка упорно общались друг с другом на русском языке, рождая диалоги типа: «Наша Эльза самуш вишель». — «Са кому?» — «Са Фельдку-бульдозер»...

Не их вина — их беда.

Два оставшихся миллиона слились с населением бывшего Союза, и только сегодня, когда началось повальное и не столь уж почетное бегство в Германию, эта цифра снова разбухла до семи миллионов. Надо полагать, этого никакая политика гостеприимства не выдержит. А моя страна теряет работающих людей, и от этого массового исхода российских немцев в Германию выигрывает не Россия.

Снова забежала вперед.

Мой ровесник Андрей Реклинг был одной со мной крови. Мы учились в параллельных классах. Андрей потерял у своей фамилии конечное «г», как ящерица прищемленный хвост. Фамилия звучала совсем порусски: Реклин, Рек-лин. Мимикрия, порождение системы. Теперь же, когда все немцы и полунемцы, четвертьнемцы и кто еще подальше схватились за чемоданы, может, и Андрей вспомнит о потерянном хвостике? Впрочем, не похоже. Андрей всегда был, что называется, в первых рядах. Он носил шинель военного образца а la Дзержинский, и ее развевающие полы задевали наши сердца. И выражение лица в унисон с шинелью.

Мой приятель Георг Гусев стал Гусевым в июле сорок первого. Еще юная, но уже цепкая паспортистка Верочка дала ему место в своей квартире, выдала ему паспорт и «ошиблась» в пятой графе. Взамен она полу-

чила отца ребенку, которого ждала, и обещание никогда больше не видеться со своими родными. С Георгием Верочка познакомилась накануне. Теперь Георг — назовем его для правдоподобия Браун — вздрагивает от звуков утраченной родной речи и глядит вслед уходящему поезду.

Считалось, что мама отдала мне свою жизнь и теперь взамен ждала мою. И не терпела присутствия в моей жизни какого-то мужа. Я же примитивно думаю, что и она, и я просто не встретили того, который был бы ОН. При этом я сделала несколько набегов на крепость Счастье и кидалась в новое замужество, как в омут. А мать терпеливо ждала Настоящего. И в промежутках писала стихи, напоенные этим ожиданием. Я же разочарованно тащила каждый раз в свое новое будущее груз прошлой ссылки и неудовлетворенности — а какому мужу или не-мужу это надо? Так что мы обе выстроили не то. Физически и духовно крепкая мать могла бы нарожать кучу ребятшек, а меня приспособить в няньки. Глядишь, и из меня вышел бы толк, а не один болтающийся рукав от всем известной жилетки. Ярко выражен-

ный творческий склад личности матери реализовал себя даже в обстановке торжествующей антидуховности. Меня же глухие годы тирании держат придувленной по сей день.

Слова «дизайн», «интерьер», «флористика» пришли в мою жизнь отнюдь не в юности. Но я никогда не смогу забыть те дни, когда рука художницы украшала стены всех землянок, сараев, избушек, куда нас определяла ссыльная судьба. Мама застывала на миг, потом вставала, отряхивала с плеч налетевшую пыль и накидывалась на работу — строить собственный мир на месте пепелища. Мыть, скоблить, белить... Все с азартом! Благо, вода в Сибири в изобилии. Через несколько часов вокруг меня снова был салон: ковры, кресла, вазы с цветами и зеркало. Пустая рама от этого зеркала все еще стоит в моем доме. Я не вижу ее пустоты: для меня это дверь в ту жизнь, которую мама заполняла неистребимой страстью к созиданию.

Художница из меня не получилась. Мне в наследство мама оставила свою силу.

Эрна Гуммель похоронена там, где родилась: на берегу Волги.

Из жизни книг: продавать или обменивать?

Книжная торговля в Тобольской губернии в XIX веке развивалась более медленными темпами, чем книгопроизводство, и была развита слабо. Например, в Тюмени книги продавались в базарных лавчках вместе с посудой, мебелью и церковной утварью. И выбор их был чрезвычайно специфичен: «Бова Королевич», «Гусар», «Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа» и т.п.

Развитие специализированной книжной торговли в крае сдерживали отдаленность губернии от столицы, отсутствие надежных путей сообщения (напомним, что железная дорога прошла через Тюмень лишь во второй половине 90-х годов XIX в.), слабое развитие читательских потребностей в основной массе населения, тонкость образованной прослойки. По всей России (и в Тобольской губернии) широко использовался способ принудительного административного распространения книг «сверху». Тобольское губернское правление спускало в нижестоящие инстанции (городские, волостные управы, полицейские участки и т.д.) распоряжения об обязательной выписке некоторых изданий и высылке за них денег в губернское казначейство или типографию.

В Тобольском филиале Госархива Тюменской области (ТФ ГАТО) сохранились рапорты на имя губернатора от окружных исправников, окружных полицейских управлений и полицмейстеров, духовной консистории, городского суда, общественного банка, врачебной управы, статистического комитета, губернского прокурора, судей, городского головы, в которых сообщалось о высылке ими денег в Тобольское губернское казначейство «для восстановления кредита сметы Департамента» за назначенное им количество «Памятных книжек». Принудительная подписка вызывала протест нижестоящих инстанций.

Выпускаемые общественными организациями и научными обществами книги распространялись иными путями. Один из таких путей — бесплатная рассылка книг в заинтересованные учреждения и взаимный обмен изданиями. Так рассылались «Обзоры» губернии, «Отчеты», «Уставы», «Протоколы» и т.п. Особенное внимание распространению своих изданий уделяли Тобольский губернский статкомитет и музей. Они вели обширную переписку по обмену изданиями с отечественными научными обществами, редакциями газет и журналов, учеб-

ными заведениями, библиотеками, музеями. Налаживались контакты с учеными обществами зарубежных стран. Так, Тобольский губернский музей периодически высылал свой «Ежегодник» в 165 научных обществ и учреждений России: институты, музеи, библиотеки, университеты, метеорологические обсерватории.

Рассылая собственные работы, музей и статкомитет значительно пополняли фонды своих библиотек присылаемыми книгами. Благодаря обмену библиотека музея стала одним из самых богатых книгохранилищ в Сибири как по ценности имеющихся рукописей и книг, так и по количеству их.

Нередко научные общества губернии, помимо взаимного обмена изданиями, передавали свои работы безвозмездно библиотекам, учебным заведениям, обществам. К примеру, «Ежегодник» высылался в библиотечные общества врачей Енисейской губернии (Красноярск, 1894), Ялutorовское приходское училище (1894), общество любителей исследования Алтая (1897), русско-немецкий журнал «Русский курьер», редакцию журнала «Русские речи», главную контору сельскохозяйственных складов, переселенческое управление (Омск), в Приамурский отдел Императорского Русского географического общества.

Однако научные и просвети-

тельские общества, не имея источников финансирования и собственных средств для издательской деятельности, заботились об окупаемости типографских расходов, строго рассчитывая тиражи и возможности их платного и бесплатного распространения. К примеру, из-за малого числа подписчиков (52 человека) «Сибирский листок объявлений» в Тюмени прекратил свой выпуск, не просуществовав и года. Подобных примеров немало. Это говорит о том, что в Тобольской губернии еще не сложились объективные условия для развития книгоиздания как товарного производства, обеспечивающего надежную прибыль.

Автор и издатель книги «Помощь переселенцам: Повести и рассказы» (Тобольск, 1894) сбор от продажи пожертвовал в пользу бедных детей переселенцев, прося людей «не судить строго содержание книги, помнить бедную девочку-переселенку, дрожащую от холода и голода...». Издатели часто поддерживали бесплатный характер своего редакторского и писательского труда.

Несмотря на нетоварный в целом способ существования тобольского книгоиздания (особенно на начальных этапах его развития), оно постепенно набирает силу, завоевывает читательскую аудиторию. О большом читательском спросе пишет К. Голодников и с удовлет-

ворением отмечает быструю распродажу своей книги «Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири» (Тобольск, 1881).

В Тобольской губернии практиковалась и предварительная подписка на произведения местной печати. Губернский статкомитет, музей часто оповещали читателей о предполагаемом или выходящем издании, условиях и местах подписки. Местные издания продавались в типографии А.М. Афромеева, в конторе редакции «Сибирской торговой газеты», статкомитете и Тобольском губернском музее.

Большим спросом среди местных изданий пользовались работы М. Знаменского «Обрыв», К. Голодникова «Город Тобольск и его окрестности», А. Павлова «3000 верст по рекам Западной Сибири», О. Всеволодской «Помощь переселенцам», а также «Памятные книжки», «Адрес-календари».

Иногда издания Тобольской губернии попадали за пределы Сибирского региона. Так, «Русская библиография» (1878) включила три сибирских издания, среди них Е. Анучин «Материалы для уголовной статистики России...» (Тобольск, 1866). Чаще всего в хранилища и книжные магазины Европейской России попадали «Памятные книжки», «Календари», справочники.

Выпуски «Ежегодника» были широко известны за рубежом. Его получали в Европе: Венгерский национальный музей в Будапеште, общество естествоиспытателей при литературном Варшавском университете, Финно-угорское общество и Финляндское географическое общество в Гельсингфорсе; в Америке — Национальный музей в Вашингтоне и Уругвайский национальный музей Монтевидео; в Китае — Общество русских ориенталистов в Харбине.

Огнедышащие драмы Ишимской степи

Первые племена поселились в Приишимье 4–5 тысяч лет назад. Во второй половине первого тысячелетия до н.э. и в первых веках н.э. здесь кочевали воинственные *саргатские*

племена, которых древнегреческий историк Геродот называет *исседонами*, соседями савроматов.

Сухой степной ветер с горьким запахом гари часто проно-

сился над ишимскими просторами, где вспыхивали затяжные междоусобные войны, игравшие важную роль в жизни патриархального рода. Каждый взрослый мужчина — воин, вооруженный длинным мечом, коротким кинжалом с серповидным навершием, а также колчаном с луком и стрелами. Во время боя с визгом поднимались черные тучи саргатских стрел. Трехлопастные бронзовые, они наносили большой урон врагу.

Укрепленные селения саргатских племен возникали обычно по берегам рек, были окружены валом и частоколом. На сочных зеленых пастбищах паслись скакуны, быки и овцы. С ранней зари клубился пахучий сизоватый дымок над прямоугольными полуземлянками, соединенными между собой переходами. Женщины готовили пищу, ткали крапивное волокно для сетей и одежды, занимались гончарным производством, пряли. Рыбу в те времена ловили обычно при помощи «морд», свитых из ивовых прутьев, запоров из жердей и сетей из крапивной пряжи; во время охоты ставили «изгороди» и зверя загоняли в ловчие ямы, на зверя и птицу ставили также ловушки («слопцы», «перевесы»). Саргатские семьи на небольших площадях сеяли овес, но главным занятием населения Ишимской степи было полуседлое скотоводство.

Впечатляет обряд захоронения вождя древнего кочевого племени. На умершего вождя надевался пояс, украшенный золотыми и серебряными бляхами, на шею вешались золотые и серебряные обручи-гривны с головами хищников. При погребенном находились лук, колчан, полный стрел, нож, кинжал, богато инкрустированный золотом и серебром, прямой меч, палаш. Золотые украшения были щедро расцвечены сердоликом и кроваво-красными алмадинами. Подобным образом украшали свое оружие скифские вожди причерноморских степей. Лоб степного владыки был приплюснут, череп искусственно деформирован до огуречной формы.

Огнедышащим смерчем обрушились на саргатские племена в III—IV вв. н.э. гуннские орды, начавшие эпоху великого переселения народов, а затем в VI—IX вв. бессердечные воители — тюрки с предгорий Алтая и из Центрального Казахстана. Лишь немногие роды уцелели, частично смешавшись с пришельцами, — образовалась этническая общность *лесостепных ургов*.

В XIII веке начинаются опустошительные татаро-монгольские походы. В связи с этим тюрки-кыпчаки совершают разорительные набеги на Приишимье. Зарево стояло над степью, многострадальная земля не просыхала от горячей кро-

ви, а от слез жен и матерей клонились в безысходной тоске ковыльные травы.

В XV—XVI вв. в результате смещения угров и тюрков возникает новая этническая группа *ишимских (саргатских) татар*, по языку принадлежащих к кыпчакской группе тюркских языков. В Приишимье существовало множество разрозненных татарских поселений — улусов. Это были соседские общины, они включали в себя семьи, которые совместно пользовались пастбищными и промысловыми угодьями. В ишимских степях гуляли огромные табуны породистых коней, которые поставлялись ко двору хана и продавались в Бухару. Саргатские татары занимались и земледелием, пашню пахали «наездом», сеяли быстро зреющие злаки: ячмень, полбу, овес. В XIV веке у западносибирских татар возникают раннефеодальные политические объединения — княжества. Одним из них было *Ишимское ханство*.

Интересным представляется рассказ о нем самой ранней сибирской летописи — Есиповской, написанной в Тобольске дьяком Саввой Есиповым в 1636 году. Как повествует Есиповская летопись, первым в ханстве на реке Ишим правил хан Он (возможно, это то же самое лицо, что и князь Бек-Он-ди, попавший в опалу при дворе Чингисхана и отправленный собирать ясак в «Страну

Мраков»). Столицей Ишимского ханства был городок *Кызыл-Тура*, построенный в устье реки Ишим на крутом красном яру и укрепленный частоколом и тремя валами.

Во время правления Она вспыхнуло восстание простолюдинов под предводительством Чингиди. Восставшие казнили хана Она, истребили его семью. Однако верные хану люди спасли от гибели сына Она — Тайбугу. Через некоторое время Чингиди узнал про скрывающегося Тайбугу и, как это ни странно, одарил его «княжением и властью великой в людях». Во главе многочисленного воинства Тайбуга вторгся в угорские земли, но подвластные Чингиди, и подчинил их. Чингиди оказал ему за это высокую честь и по воле Тайбуги отпустил его, сказав: «Идеже хочет, тамо да пребывает». Тайбуга основал городок Чингин, на месте которого, согласно летописному преданию, якобы теперь стоит Тюмень. Тайбугу, по рассказу Есиповской летописи, наследовал сын его Хаджа, а Хаджу сменил Мар. С княжением Мара начались кровь и смерть. Красивый, но ленивый и слабовольный Мар был женат на дочери казанского хана Ибака. Ибак, стремившийся прибрать к своим рукам владения тайбугинов, решил вероломно убить Мара. Дождливая осенняя ночь принесла внезапную смерть отравленному

хану. Внук Мара, сын Адера князь Махмет жестоко отомстил за смерть деда, и, как сообщает летописец, ханство на Ишиме в это время прекратило свое существование. «И оттоле престесея царство на реце Ишиме глоголемой, понеже и его разруши князь Махмет, Обдера, князя сибирскаго сын» (Сибирский летописный свод, л. 10).

Первые русские землепроходцы — новгородцы и поморы, истекая потом и кровью, в конце XI века проложили себе путь в Зауралье. В 1581 году начался великий ратный поход Ермака Тимофеевича в Сибирь.

Ишимские степи стали одним из последних прибежищ хана Кучума. В октябре 1582 года после поражения, нанесенного Ермаком, хан вместе с молодыми женами, сыновьями и приближенными мурзами скрывался в Приишимье, в юртах князя Елыгая. Со своим кочевьем Кучум иногда доходил до Явлутры — тогдашнего татарского городка.

Хан Кучум жадно искал момент, чтобы вернуть былое могущество, строил козни Ермаковым казакам. Страшной смерти через костер велел он предать двух схваченных казаков, отважно пробиравшихся через Ишимскую степь в Бухару (для налаживания торговых отношений). Долго скитался бродячим шакалом Кучум по ишимским, а затем барабинским степям, пока не был ковар-

но задушен в ногайском улусе около 1598 года.

После гибели хана его сыновья и внуки долго, со звериным упрямством, совершали опустошительные набеги на поселения русских служилых людей и ясачные волости в Приишимье и Прииртышье. В 1600 году четыре сына хана Кучума — Алей, Канай, Азим и Кубей-Мурат — кочевали в верховьях Ишима. 24 июля 1607 года воинский голова Назарий Изъединов совершил внезапное нападение на кочевье царевича Алея у реки Ишим, на бору Шамши, и захватил жен, детей Алея и Азима. Два дня бился Алей с отрядом Н. Изъединова, долго рыскал по его следам, но так и не смог отбить своих родичей у русских.

В ноябре 1631 года внук Кучума Девлеткирей с отрядом в полтораста «калмыков» из людей тайши Талая совершил разорительный набег на Тебендинскую и Коурдацкую волости на Иртыше. Все взрослое население волостей было перебито, женщины и дети взяты в плен. Из Тары (куда страшную весть о разорении принесли из Ишимского острога) и из Тобольска были посланы вооруженные отряды, которые возглавляли Федор Шарапов, Ерофей Заболоцкий, Влас Калачников. Когда отряды соединились и стало ясно, что «калмыки», не подозревая об опасности, отправились к лесу у реки Ишим под названием Кошка-

рагай, служилые люди дерзко бросились в погоню за ними, настигли и разбили их; многих калмыков, захваченных в плен, отправили в Тару для продажи.

В июне и августе 1635 года был предпринят поход из Тобольска, Тюмени, Тары под предводительством Бориса Толбузина, Ильи Бакшеева и Григория Байкачева против сыновей Кучума — Ишима и Аблайгирима. Воеводы удачно соединили свои отряды на реке Ишим, но все-таки цели не достигли. Ишим и Аблайгирим вместе с верными тайшами Шухтеем и Мемритаем отошли довольно далеко от русских, имея превосходящие силы. Служилым людям удалось разбить лишь несколько передовых татарских отрядов, находившихся вблизи Кошкарагай.

Несколько позже, в 30-е годы

XVIII века, когда в Южном Зауралье возводится Ишимская линия укреплений для ограждения от набегов кочевников, на месте старинного татарского урочища одноименного названия строится форпост с крепостью и рогатками в деревне Кошкарагай.

Со второй половины XVII века идет интенсивное заселение Приишимья выходцами из Поморского края и Приуралья, а также центральных российских губерний. Несказанно преобразается раздольная Ишимская степь. Уже к середине XVIII века Ишимский округ (дистрикт) прочно и на долгие годы становится одним из самых густонаселенных и хлебобородных в Сибири. В середине XIX века здесь проводится знаменитая Ишимская Никольская ярмарка, имевшая всероссийское значение.

И. Курышев

Зенкова Евгения Николаевна родилась в 1966 г. в Тюмени. Окончила библиотечный факультет Харьковского института культуры. Последние 10 лет работает в областной детской библиотеке.

Печаталась в альманахе «Восходящая звезда».

Автор поэтической книги «Я выбираю правила игры» (Тюмень, 1996. 78 с.)

Коновалова Елена Никифоровна, кандидат исторических наук, окончила Усть-Каменогорский педагогический институт (географо-биологический факультет), Тюменский институт искусств и культуры (библиотечный факультет), работает старшим научным сотрудником в НИИ истории науки и техники Зауралья при Тюменском ГНГУ.

Научные интересы — история книжного дела Тобольской губернии (XIX—начало XX вв.), исследования и исследователи Тобольской губернии (XII—XX вв.).

Копылов Виктор Ефимович родился в 1932 году на Урале под Нижним Тагилом. В 1954 году закончил Свердловский горный институт по специальности «Бурение нефтяных и газовых скважин», горный инженер. С 1962 года — кандидат технических наук. В Тюмени — с апреля 1964 г. В числе первых первых организаторов Тюменского индустриального института. Работал деканом нефтегазопромышленного факультета и заведующим кафедрой (1964—1968 гг.), проректором по научной работе. В 1973—86 гг. — ректор института.

Доктор технических наук, профессор (1970—72), заслуженный деятель науки и техники России (1982). Автор более 600 публикаций, в том числе 25 монографий. Организатор музея истории науки и техники Зауралья при нефтегазовом университете (1983), в настоящее время — профессор кафедры и директор научно-исследовательского института.

В местной и центральной печати напечатал свыше 300 статей.

Михайлов Константин Аголович после окончания Тюменского госмединститута работает врачом-психиатром. С середины 80-х годов стихотворения К. Михайлова печатались в газетах «Тюменские известия», «Наше время», были включены в сборник «Времена, в которые верю» (Свердловск, 1989). Первая книга автора «Похититель икон» была издана с помощью множительной техники в 1994 г. Второй поэтический сборник увидел свет в 1997 г. в издательстве «СофтДизайн». По итогам 1996 литературного года рукопись поэтической книги К. Михайлова была удостоена премии им. Н.М. Чукомалдина.

Рогачева Наталья Александровна — родилась в Тюмени, закон-

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

чила историко-филологический факультет Тюменского государственного университета (1978), защитила кандидатскую диссертацию по поэзии В. Маяковского (1988). Работает доцентом кафедры истории русской литературы ТГУ.

Тюменским краеведением занимается с 1989 года. Автор первой программы литературного краеведения для наших школ (1995). Один из авторов-составителей 3-томной хрестоматии «Литература Тюменского края» («СофтДизайн», 1997), вместе с Н.Н. Горбачевой подготовила новую хрестоматию в 2-х томах «Лукоморье» и «Страна без границ» («СофтДизайн», 1997).

Лауреат премии им. Н.М. Чукмалдина (1997) «За возвращение забытых имен массовому читателю».

Рогачев Владимир Александрович — родился 9 сентября 1940 г. в г. Бресте Белорусской республики. Закончил историко-филологический факультет Петрозаводского университета (1967), аспирантуру (1971). В 1973 году защитил кандидатскую диссертацию по истории русской советской поэзии 20-х годов. С 1974 года работает на кафедре истории русской литературы ТГУ.

Проблемами тюменской литературы современного периода занимается с 1977 года. Был руководителем секции литературной критики при Тюменском областном отделении СП РСФСР (1982—1987).

В издательстве «СофтДизайн» подготовил к печати литературно-критические очерки и предисловия к книгам В. Строгальщикова, А. Неркаги, Д. Сергеева, П. Бахлыкова, Я. Занкиева, прокомментировал два тома в серии «Невидимые времена» — М. Знаменского и В. Князева.

Во Всероссийском конкурсе культурологов (1997) отмечен жюри в списке лучших двадцати имен.

Туров Сергей Викторович родился в 1957 г. Окончил истфак Тюменского госуниверситета. В настоящее время — старший преподаватель кафедры отечественной истории ТГУ.

Круг научных интересов: этнография русского старожильского населения Зауралья, история культуры, историческая экология.

Автор статей «Применение огня в хозяйственном быту русского крестьянства Западной Сибири в XVII– первой половине XIX века», «Мифологические представления русских старожилов Северного Зауралья». «Старый Ялutorовск: Пашенная слобода, острог, город XVII—XIX вв.» и др.